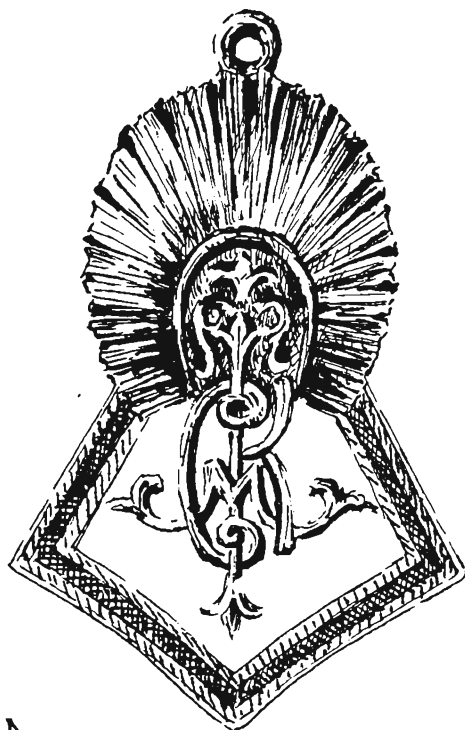

СМСКІЙ

КАДЕТСЬКІЙ КОРПУСЪ

1900 Л 1950

**Е.И.В. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.**

Е. И. В. Вел. Кн. Константинъ Константиновичъ.

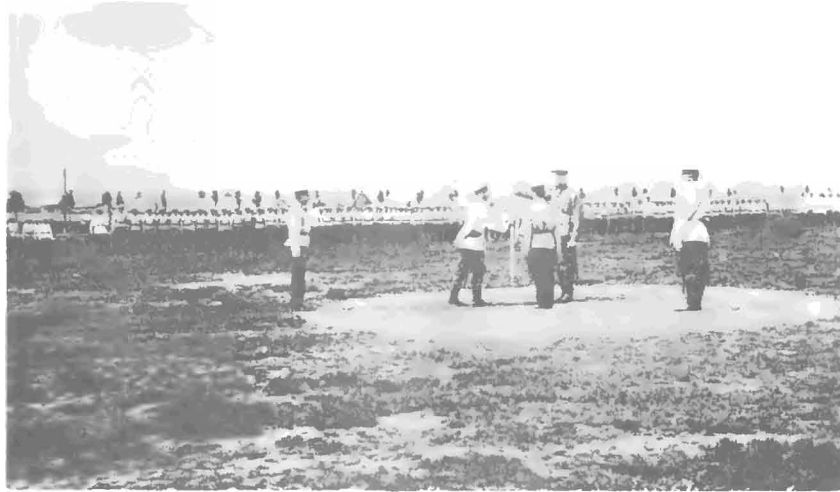

Ген.Лейт. Андр.Мих.
САРАНЧОВЪ
2-й Директоръ См.К.

Г

Б.

ПРИЕМЪ ЗНАМЕНИ

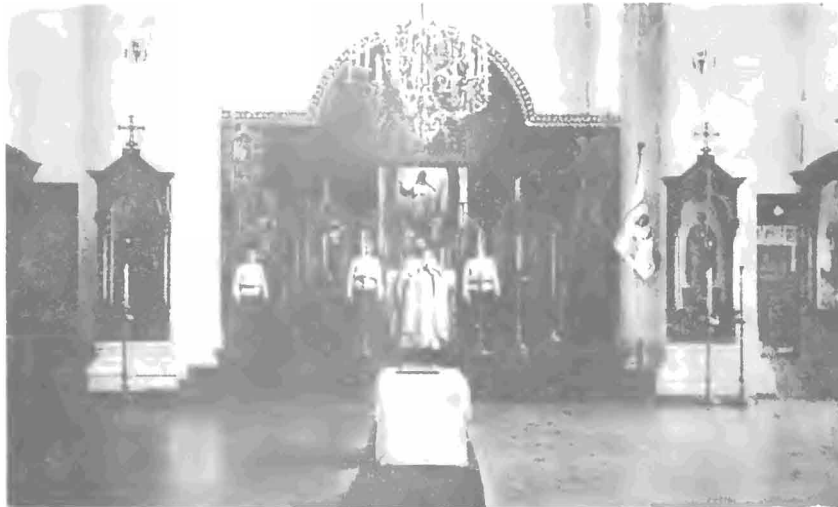

ЗНАМЯ ВЪ СТРОЮ.

ЗНАМЯ КОРПУСА

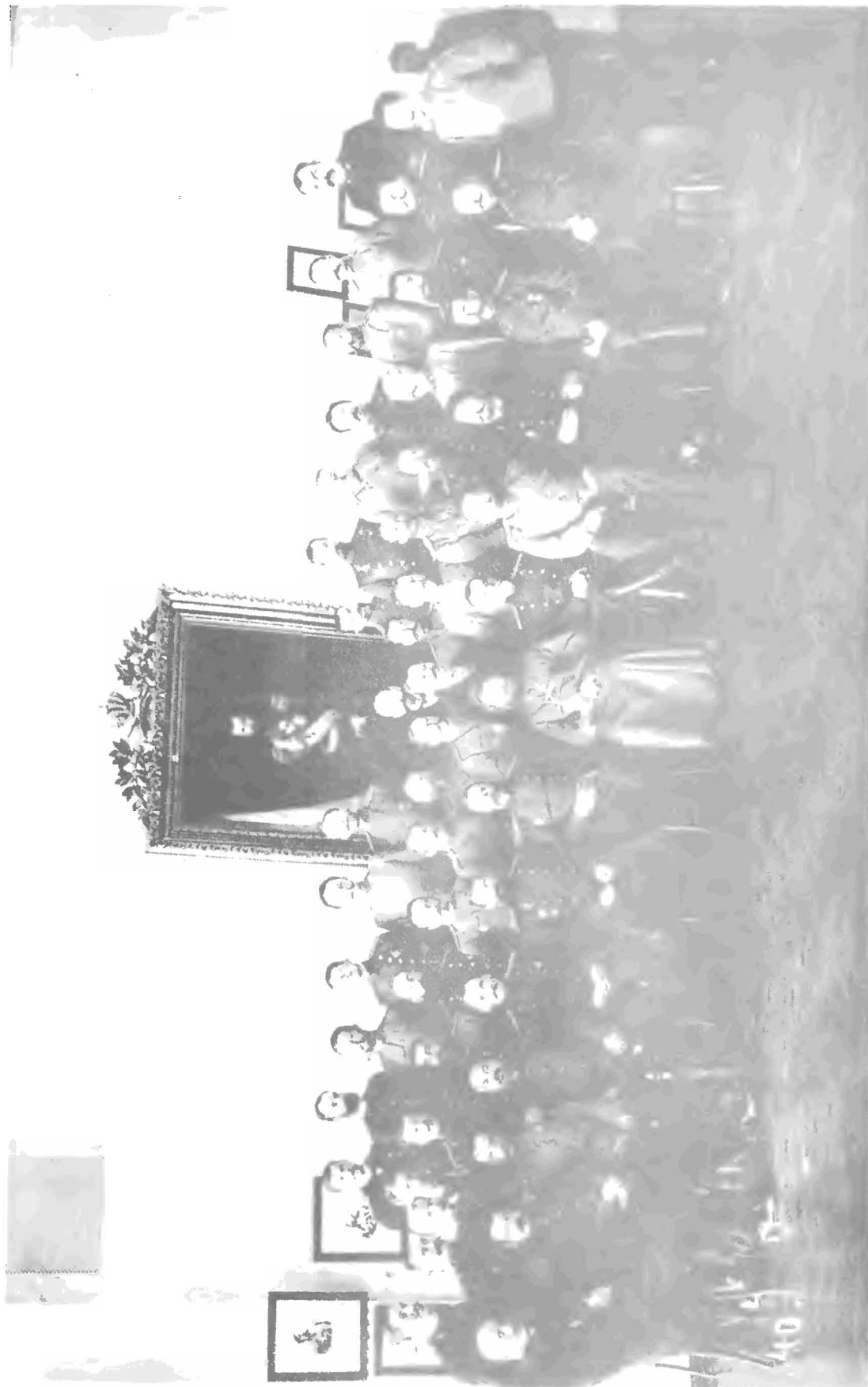
Восп. Е.М. РОСТОВЦЕВЪ.

Восп. П.П. Кн. ШАХОВСКОЙ.

В.У.О. ПИРОТСКИЙ
Знаменщикъ 8 вып.

ПЕРСОНАЛЬ СУМСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

Группа 1910 года.

Сидятъ :

Преп. Шперерт
" Леонидовъ
" Жармень
" Воробьевъ
Рот.ком. Куровъ
Инсп. Кл. Каньшинъ.
Директоръ Саранчовъ
Батюшка Виноградовъ
Рот.ком. Ламанскій
" " кн. Шаховской
Преп. Троицкій
Восп. Катасоновъ
Восп. Корчакъ-Гречина.

Преп. Эрдмант
" Посельскій
" Лисецкій
Восп. Ростовцевъ
" Рыбицкій
Пом. Инсп. Ильинъ
Смотр. Коломійцевъ
Преп. Эккардт
Восп. Потемкинъ
" Горскій
Преп. Лачиновъ

Стоятъ слѣва направо, 3-й рядъ.

Стоятъ слѣва направо 2-й р.

Преп. Лучининъ
" Измаиловъ
Восп. Отоцкій
Преп. Мансвѣтовъ
Восп. Бояровскій
Экон. Петровъ
Восп. Ф. Ярмерштедтъ
Восп. Пограничный
" Бухнеръ
" Элэндъ

Пом. секр. Бобаевскій
Восп. Бырдинъ
" Стржелецкій
" Андрущенко
" Пожидаевъ
" Пунагинъ
Рот.к. Котроховъ
Восп. Айвазовъ
Восп. Калугинъ
" Мораховскій
" Жабоклицкій
" Павеманъ
Преп. Родкевичъ.

СУМСКІЙ КАДЕТСЬКІЙ КОРПУСЪ.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СУМСКОГО КОРПУСА

П р е д и с л о в і е . .

Все, что я напишу о Сумском Корпусе, будет написано только по памяти, т.к. у меня было никаких записок или документов, — все осталось "в уме" на Родинах; скажу даже больше, там осталась История Сумского Корпуса со дня его основания до "развала", написанная В.А.Ильинимъ, — она либо осталась в фундаментальной библиотеке Корпуса (значитъ, погибла), либо ее увез директор Корпуса А.М.Баранцовъ. Все, что я напишу, это не систематическая история ж-са, а сырой материал, который придется въ порядке Комиссія, желающая издать "Юбилейный Сборникъ" ко дню пятидесятилѣтія К-за. Прощу читателей не осудить меня, если я неточно что-нибудь напишу, или забуду, или перепутаю, т.к. моя память сильно ослабла (мнѣ 81 годъ), а у кого память свежѣе моей или есть документы — пусть тотъ исправитъ или дополнитъ, за что можно только отъ души поблагодарить. Кстати, вспомнилъ дорогую Родину, и мнѣ хочется поделиться съ читателями, которые, можетъ быть, незнакомы со стихотвореніемъ (довольно трогательнымъ) неизвестнаго для меня автора.

Р О Д И Н А .

Въ голубомъ сіяньи вырастаетъ берегъ,
За кормой гремятъ моря,
Здравствуй, задушевная, святая
Родина прекрасная моя!
Ты была безбрежнымъ океаномъ,
Тихой, съ дѣтства памятной рѣкой,
Лермонтовскимъ парусомъ въ туманѣ,
Пушкинскою избранной строкой.
Ты была просторомъ и раздольемъ,
Дымкомъ, прозрачной поутру,
Теплымъ запахомъ ржаного поля,
Тонкою рябиной на яру.
Ты была мечтою первозданной,
Явью нашихъ самыхъ свѣтлыхъ сновъ,
Золотымъ покоимъ Дебриана,
Пѣснью Чайковского безъ словъ,
Дѣвучкой единственной на свѣтѣ
Съ руссою тяжелой косою,
Въ легкомъ платѣ солнечнаго цвѣта
На дугу, обрызганномъ росой,
Материнскимъ домомъ за огородомъ
(Пусть туда заглянешь разъ въ году!)
Старымъ Чеховскимъ вишневымъ садомъ,
Горьковскою бурей въ томъ саду;
Русскою сказкой,
Волгой — легендарною рѣкой,
Бѣлоснѣжной шапкою кавказскою,
Вѣковой самбурскою тайгой;
Ты была остроконечной обзавольной,
Негасимымъ дальнимъ огонькомъ,
Необглядной степью, Птицей вольной,

Въ каждой нашей маленькой счастливой,
 Ты была великою страной
 Всѣ твои богатства и просторы,
 Всѣхъ живыхъ и мертвыхъ имена —
 Уместились въ сердце у меня;
 Мальчикою я въ сказку вѣлъ изъ сказки,
 Въ скороходѣхъ — изъ страны въ страну,
 Я видѣлъ все царства-государства,
 Я присягалъ все земли и моря,
 Чтобы сказать твоѣ сегодня:
 "Здравствуй, милая, светлая
 Родина прекрасная моя!"

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СУДСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

Уроженецъ г. Сумъ, бывшій крестьянинъ, а потомъ, за заслуги по дѣламъ благотворительнымъ возведенный въ потомственные дворяне, Иванъ Герасимовичъ Харитоненко — очень много сдѣлалъ для г. Сумъ на свои средства, а именно: построилъ громадный соборъ, прекрасную больницу для бесплатнаго леченія жителей г. Сумъ, сдѣлалъ мостовые во всемъ городѣ и многое другое, чего я не знаю, за что городъ поставилъ ему въ центрѣ города памятникъ — фигура во весь ростъ съ соответствующей надписью. И. Г. Харитоненко мечталъ, чтобы въ его родномъ городѣ былъ основанъ кадетскій корпусъ, но по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, ему при жизни это не удалось, и онъ завѣщалъ осуществить свою мечту своему сыну, Павлу Ивановичу Харитоненко. Постановленіемъ Военнаго Совѣта въ 1899 году, Высочайше утверждаемымъ, въ г. Сумѣ основанъ Сумскій Кадетскій Корпусъ, который долженъ былъ открытъ къ началу учебнаго 1900 года. Штатъ — 500 кадетъ. Въ апрѣлѣ 1900г. Инспекторъ классовъ 1-го кад.-са полка, дубовицкій-Плетухъ произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ Директоромъ Сумскаго к-са. Въ маѣ 1900г. назначенъ въ См. К-съ инспекторъ (изъ Орл. к-са) Коноваловъ, рот. к-ръ Соловьевъ (изъ Александровскаго к-са)

Ф. Котанъ — изъ Александровск. к-са

Воспитатели кн. Шаховской — изъ 2-го Бранбургск. к-са

Гартвицъ

Ф. Звуврвейдт — изъ 61-го Вл. П-ка

въ дек. 1900 Гавваманъ — саперный офицеръ.

Ст. врачъ Бунинъ — изъ Тифлисскаго к-са

Смотритель, онъ же)

зав. обмундированіемъ) — Акуловъ — 107 Тр-го полка

Секретарь Смирновъ — изъ СПбурга

Эксномъ Петровъ —

Бухгалтеръ Свиринъ — изъ Кіева.

Съ пріѣздомъ (въ маѣ 1900г.) Директора Корпуса, начались подготовительныя работы къ открытію корпуса, а именно: заводилась необходимая обстановка временнаго (на 2 года) помѣщенія для кадетъ въ зданіи интерната при лѣтчанской церкви; заготовлялось обмундированіе, приобретались учебники и учебныя пособия; покупалась посуда и вообще все необходимое для жизни будущихъ кадетъ. Затѣмъ начался заведенія Строительной комиссіи для постройки зданій для См. К-са на участкѣ земли въ 50 деся-

тинъ (1½ версты отъ города), подаренчякъ См. Корпусу П.И. Харитоняко. Участокъ этотъ, подъ названіемъ "Стѣжка", былъ на высокомъ барѣгу рѣки Росетъ (архивъ Дирекц.) и состоялъ изъ полевой земли, совершенно ровной на которой и были возведены все зданія корпуса; вѣтви, на склонахъ были садъ съ тѣлицами, оранжерееми, домомъ для садовника и паркъ; наконецъ, вѣтви большою дуги съ нѣсколькими рудами рѣки Росетъ. Строительная коммиссія подъ предсѣдательствомъ Директора Корпуса состояла изъ строителя корпуса военнаго инженера Фаленина, инспектора классовъ корпуса, ротнаго командира, воспитателя и офицера съ войскъ.

За нѣсколько дней до открытія корпуса, которое было назначено на 31 августа 1900г., состоялся вступительные экзамены въ I-й классъ. Выдержавшихъ и поступившихъ было 61 человекъ, которыхъ обмундировали въ ожиданіи прибытія командующаго войсками Кіевскаго Военнаго Округа Г.Алекс. Драгомирова. Имъ дежурнымъ воспитателемъ въ См. Корп. былъ назначенъ кн. Шаховской. 31 августа, около 12 часа утра, кадеты были построены въ ожиданіи ген. Драгомирова, который подтверждаясь съ ними; потомъ был молебентъ, завтракъ для почетныхъ гостей г. Сумъ и родителей поступившихъ кадетъ, а вѣтви садѣ для кадетъ, во время котораго присутствовало много почетныхъ гостей; между прочимъ, Сумскій нотаріусъ Ивановъ прочелъ кадетамъ стихи собственнаго сочиненія на открытіе Сумскаго К-са, которые были переданы на музыку, и кадеты на прогулкахъ пѣли это стихотвореніе. Поступившіе въ корпусъ кадеты (61 чел.) были разделены на два отдѣленія; въ I-ое отд. I класса былъ назначенъ воспитателемъ Ф. Котенъ, а во второе — кн. Шаховской; Ф. Зауэрвайде — зачислымъ воспитателемъ, а Гартвигъ командированъ на цѣлый годъ на педагогическіе курсы при Главн. Управленіи военно-учебн. заведеній въ СПбургѣ. На эти курсы директоръ смотрѣлъ съ отрицательной стороны, говоря: "Никакіе курсы не могутъ создать хорошаго воспитателя, — нужно имѣть къ этому дѣлу призваніе и любовь", почему на слѣдующій годъ былъ командированъ еще Гавеманъ (прибывшій въ декабрь 1900г.), а потомъ я не помню, кого посылали туда. Намъ, тремъ воспитателямъ, особенно отдѣленнымъ (Ф. Котену и кн. Шаховскому) было очень трудно, такъ какъ все время приходилось быть при кадетахъ двумъ воспитателямъ: одинъ дежурный, а другой — поддежурный, разница только въ томъ, что поддежурный ночевалъ дома; а затѣмъ постоянныя засѣданія строительной коммиссіи, такъ что I-й день дежурный, 2-й день поддежурный, а 3-й въ коммиссіи; конечно, кромѣ коммиссіи надо быть на утреннихъ и вечернихъ занятіяхъ (притомъ введеніе уроковъ), посѣщать отдѣленіе на урокахъ преподавателей, чтобы ознакомиться съ требованиями преподавателей, а иногда и замѣщать на прибывшихъ на уроки преподавателей. Квартиры воспитателей и другихъ чиновъ корпусу находились довольно далеко отъ помѣщенія кадетъ, такъ что мно лишняго времени на хожденіе туда и обратно. Квартиры были на ты на Лебединской улицѣ въ домахъ Кандыбы. Кадеты были размѣнены такъ: въ верхнемъ этажѣ спальня кадетъ и лазаретъ, въ I-мъ этажѣ классы и залъ, въ сутеренѣ столовая. Прогулки кадетъ уромъ и на большой перемѣнѣ происходили въ садикѣ интерната, послѣ обѣда большою частью ходили строемъ съ пѣснями по городу и за городъ. (Интернатъ былъ почти на окраинѣ города). Кадеты быстро освоились со своимъ новымъ положеніемъ, всегда ласково и любовно общались къ воспитателямъ, встрѣчая со стороны послѣднихъ таковое же отношеніе. Занимались усердно, вели себя очень хорошо, такъ что никакихъ инцидентовъ не было —

этомъ отношеніи воспитателямъ было легко и приятно. На церковныя службы ходили въ блаженной дѣтской шкѣ, но это очень надоело, а потомъ все время въ корпусъ мужской гимназіи, находившейся рядомъ съ интернатомъ. Кормили жалко, православно — смѣю думать, что большевикова и дома лучше не вли: утромъ былъ чай съ французскими булками; завтракъ — всегда мясное блюдо, а затѣмъ чай, молоко или каша; обѣдъ — супъ или борщъ, разнообразное мясное блюдо, пирожное; каждому бутылка (запечатанная) отличнаго кваса; вечеромъ — котлета, чай, булка; въ табельные дни еще пакетъ колбаски. Эконому Петрову (отличный, энергичный честнѣйшій человекъ) легко было справляться съ питаніемъ небольшого числа кадетъ (50) — два было приходящихъ (Касаткинъ и Гладышевскій). Я уже не говорю о ротномъ командирѣ Соловьевѣ, который жилъ въ этомъ же зданіи интерната, такъ что его можно было видѣть среди кадетъ въ любое время, но и Директоръ корпуса очень очень часто прѣзшалъ кадетъ, несмотря на то, что у него было очень много и другихъ заботъ, да еще и строительная комиссія.

19-го сентября совершенно неожиданно къ намъ пріѣхалъ впервые Гл. Нач. В. У. З. Вел. Князь Константинъ Константиновичъ, которому понравилось все, что онъ видѣлъ, а также и участокъ, гдѣ впоследствии былъ выстроенъ корпусъ. Въ этотъ же день Великій Князь снимался со всеми нами, при чемъ мы были въ зимней парадной формѣ, а Вел. Князь въ бѣломъ кителѣ, т. к. онъ пріѣхалъ къ намъ съ Кавказа (былъ въ полку, гдѣ онъ былъ шефъ), а тамъ еще лѣтняя форма. Жители города Сумъ съ любопытствомъ и восхищеніемъ смотрѣли на кадетъ, т. к. это была глубокая провинція, а кадетскій корпусъ — неожиданная новинка. Въ доказательство того, какая это была глубокая провинція (для многихъ было непонятно) приведу слѣдующій примѣръ. На одномъ изъ дежурствъ кн. Шаховского, швейцаръ доложилъ, что воспитателя вызываютъ по дѣлу нѣсколько пришедшихъ крестьянскихъ парней, лѣтъ по 25; на вопросъ воспитателя, что имъ нужно, отвѣтили: "мы желаемъ поступить въ корпусъ кадетами"; воспитатель отказалъ имъ, объяснивъ, что для этого нужно, и кромѣ того, что ихъ возрастъ совершенно неподходящій.

Такъ время шло тихо, мирно и незамѣтно. Насталъ декабрь. Директоръ корпуса, принявшій во вниманіе, что кадеты впервые расстались съ родителями, по собственному почину рѣшилъ отпустить кадетъ въ этомъ (1900) году не 21 декабря, какъ обычно, а 15-го декабря, и не до 6-го января, а до 8-го. Зима была очень снѣжная. Кадетъ, вдушихъ домой, снабдили вѣдой на весь ихъ путь билеты были куплены воспитателями; затѣмъ ихъ проводили на вокзалъ, усадили въ вагоны, а на обратномъ пути послѣ Рождественскихъ праздниковъ, воспитатель встрѣчалъ кадетъ на ближайшей узловой станціи "Ворожба". — На праздникахъ въ корпусъ осталось всего шесть человекъ, и чтобы имъ не было тоскливо, дежурные воспитатели забирали ихъ къ себѣ, и они проводили время въ семейной обстановкѣ. Послѣ Р. Хр., по прибытіи кадетъ изъ отпуска все началось снова: занятія, прогулки, церковныя службы, чтенія воспитателей и т. д. Никакихъ особенныхъ переменъ не произошло. Учебный годъ закончился въ маѣ, при чемъ на 2-й годъ (по неуспѣшности) въ первомъ классѣ остался одинъ (Кремертъ). Годъ закончился неприятнымъ случаемъ: восп. кн. Шаховской съ нѣсколькими кадетами, еще не успѣвшими уѣхать домой на каникулы, прінялъ повѣзку на лодкѣ (съ фельдшеромъ); возвратившись съ по-

Ѣздки, кадеты купались въ рѣкѣ на очень мелкомъ мѣстѣ, при чемъ двое изъ нихъ (Сторожковскій и Глухаринъ) увлеклись и зашли дальше, гдѣ было значительно глубже, но объ этомъ никто не зналъ, — тамъ былъ старый мостъ; плавать они не умѣли. Воспитатель замѣтилъ, что они скрылись, бросился въ одеждѣ въ воду, также и фельдшеръ, но кадетъ не нашли — ихъ затянуло омутъ, и они погибли.

Что было лѣтомъ, сколько оставалось въ классѣ кн. Шаховского, неизвѣстно, т.к. онъ былъ немедленно командированъ въ С.Петербургъ на физическіе курсы (гимнастика, фехтованіе, ручной трудъ, плаваніе) съ докладомъ Вел.Князю о происшествіи.

Зданіе корпуса могло быть готово къ началу 1902 уч.года, а помещеніе интерната было недостаточно для 2 класса и вновь поступающихъ, почему лѣтомъ 1901 году въ саду интерната, рядомъ съ двухэтажнымъ домомъ интерната былъ выстроенъ большой деревянный баракъ (очень основательный и теплый), соединенный теплымъ ходомъ съ помещеніемъ интерната черезъ столовую. 25 и 26-го августа 1901г. были пріемные экзамены, при чемъ поступили въ 1-й классъ и немного и во 2-й классъ, — сформировалась рота кадетъ въ 130 человекъ. Кадеты были размѣщены слѣдующимъ образомъ: классы (5 отдѣленій — три 1 кл., и два — 2-го кл.) и залъ (тамъ же и гимнастическіе приборы) въ баракъ, спальни въ 1-мъ и 2-мъ этажахъ интерната, и лазаретъ, столовая въ сутеренѣ. К началу учебнаго 1901-02 года назначены еще новые воспитатели — Котроховъ, Калугинъ и Россонтовскій. Гартвигъ вернулся съ педагогическихъ курсовъ, а Гавеманъ командированъ на эти курсы. Воспитатели были распределены такъ: I — I-ое отдѣленіе в-ль Гартвигъ, I — 2-ое в-ль Зауервейдъ, I — 3 в-ль Россонтовскій. П — I Контентъ, П — 2 кн. Шаховской; Котроховъ и Калугинъ — запасными воспитателями. Въ этомъ году съ дежурствами было легче, т.к. воспитателей было 7 человекъ, но дежурства были труднѣе (большое число кадетъ) и нѣкоторыя недоразумѣнія между классами, которыя дежурнымъ воспитателямъ приходилось улаживать, но зато своему отдѣленію можно было посвятить больше вниманія и времени. Въ одно изъ дежурствъ восп. кн. Шаховского совершенно неожиданно прибылъ рано утромъ — кадеты только встали — Р.Кн.Константинтъ Константиновичъ, нашелъ все въ порядкѣ. Ему хотѣлось видѣть, какъ идетъ жизнь, когда его не ожидаютъ. Какъ мы потомъ узнали, Вел.Князь запретилъ жандармамъ сообщитъ о его прибытіи въ Сумы.

Жизнь вошла въ свою колею, шли успѣшно учебныя и физическія занятія, посѣщенія церковныхъ службъ, частыя прогулки за городъ. На праздники Р.Хр. отпустили кадетъ 20-го декабря. Осталось въ корпусѣ больше кадетъ, чѣмъ въ 1-й годъ. Для нихъ была устроена елка съ подарками. Снѣга не было, и было такъ тепло, что на второй день Р.Хр. дежурный воспитатель кн. Ш-ской ходилъ съ кадетами на прогулку за 12 верстъ въ однихъ мундирахъ. Пошли дожди, сдѣлалось очень тепло, рѣки Пселъ и Сумка вышли изъ береговъ (послѣдняя примыкаетъ къ интернату), затѣмъ начались неожиданныя морозы, получился грандіозный катокъ, которымъ кадеты очень увлекались; катаясь на конькахъ и въ саняхъ. Больныхъ вообще за первые два года было мало, а серьезныхъ вовсе не было. Въ Великомъ посту кадеты говѣли въ церкви мужской гимназій. На пасху разговоръ было общее съ Директоромъ, ротн.командиромъ и воспитателями. Учебный годъ закончился въ маѣ благополучно. Оставшіеся на лѣто кадеты остались въ интернатѣ съ назначенными для лѣта двумя дежурными воспитателями.

Къ началу 1902-03 уч. года произошли нѣкоторыя перемѣны среди персонала: ушелъ р.к-ръ Солсвѣвъ, восп. Россонтовскій отчисленъ, а прибыли новыя р.к-ры 1-й роты Храповицкій, а 2-й — Ламанскій. Къ началу этого учебнаго года было готово главное зданіе корпуса, два флигеля для воспитателей, дом для директора корпуса и канцеляріи, и вообще для персонала корпуса, два флигеля для служителей, и перевезенъ и устроенъ баракъ для нижнихъ чиновъ изъ интерната при лютеранской церкви. Лазаретъ еще не былъ готовъ и былъ временно помѣщенъ въ будущемъ помѣщеніи 3-й роты (во 2-мъ этажѣ). Послѣ пріемныхъ экзаменовъ и по прібытіи отпускныхъ, кадеты были размѣщены слѣдующимъ образомъ: 1-я рота во второмъ этажѣ лѣваго крыла главнаго зданія, 2-я рота въ 1-мъ этажѣ того же крыла; 1-я рота состояла изъ кадетъ 3-го класса (2 отд.) и 2-го класса (3 отд.), а 2-я рота изъ 3-го отдѣленія 1-го класса. Прибыли новыя воспитатели: ф. Ярмерштадт Бюхнеръ. Въ дальнѣйшемъ очень трудно указать, кто и когда изъ воспитателей прибыли или убыли, т.к. нѣтъ никакихъ документовъ, а въ памяти все удержать невозможно. (Общій списокъ всего персонала корпуса съ 1900 года до конца при семъ прилагаю). Помѣщеніе въ новомъ зданіи корпуса въ каждой ротѣ состояло изъ свѣтлаго зала, классовъ, двери которыхъ выходятъ въ этотъ залъ, въ концѣ зала, отдѣлена только аркой, помѣшалась шинельная комната. Подъ прямымъ угломъ къ залу шелъ свѣтлый коридоръ, изъ котораго одни двери — налево — вели въ ватеръ-клозетъ. Дальше чистильная комната, а направо умывальная, а дальше — комната (спальная) дежурнаго воспитателя. Прямо — двери въ спальную кадетъ, въ концѣ которой былъ коридоръ, изъ котораго шли двери цейхаузовъ и комната портныхъ. Въ 1-й ротѣ нѣсколько иначе, т.к. одна дверь шла въ квартиру директора корпуса.

Въ благодарную память Ивану Герасимовичу Харитоненко, по жертвовавшему участокъ въ 50 десятинъ для постройки зданія корпуса и 500.000 рублей, и по мысли котораго въ Сумахъ былъ основанъ корпусъ, — корпусный храмъ былъ освященъ въ честь Св. Іоанна Богослова — 26 сент. стар. стиля (день ангела Ивана Герасимовича Харитоненко). Тогда же вел. Княземъ Константиномъ К-чемъ былъ установленъ корпусный праздникъ тоже 26 сентября. Корпусный храмъ освятилъ Кіевскій Митрополитъ Славянъ. Въ этомъ 1902-03 году учебныя занятія вели въ большинствѣ случаевъ штатные преподаватели и нѣкоторые воспитатели, а если ихъ не хватало, то приглашали преподавателей изъ гимназіи. Такъ какъ для преподавателей квартиръ не было, то пришлось корпусу завести лошадей и пріобрѣсти экипажи для привоза и отвоза преподавателей изъ города. Эти же перевозочныя средства были еще необходимы для отвоза и привоза дѣтей служащихъ, учащихся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а также для повозокъ служащихъ по разнымъ дѣламъ. Жизнь кадетъ была установлена такимъ образомъ: вставаніе въ 6 час. утра, потомъ молитва, въ 7 час. утра чай; послѣ чая утреннія занятія — повтореніе заданныхъ уроковъ при непрямомъ присутствіи отдѣленныхъ воспитателей. Послѣ утреннихъ занятій короткая прогулка. Затѣмъ три урока съ перемѣнками въ 10 минутъ, потомъ завтракъ и большая перемѣна, прогулка болѣе длинная; затѣмъ два или три урока (согласно расписанія). Обѣдъ въ 3½ ч. дня; затѣмъ свободное время, прогулка. Отъ 6 до 8 ч. веч. — вечернія занятія при воспитателяхъ. Въ 8 ч. 10 — ужинъ и чай. Потомъ молитва; младшая рота укладывается спать; старшимъ еще разрѣшалось заниматься до 9 час. а въ 6 и 7 кл. (въ будущемъ) до 10 ч. вечера. послѣ чего обязатель-

ная укладка. Постъ праздники и въ субботу въ 6 ч. церковная служба. Въ праздники и воскресенья подымтъ въ 7 час.; въ 8 ч. утра чай, въ 9 ч. церковная служба; въ 12ч. завтракъ, въ 3¼ч. обѣдъ, въ 8ч. ужинъ и чай, а постъ — сонъ. Каждое отдѣленіе класса поручалось отдѣленному офицеру-воспитателю, который вообще долженъ заниматься воспитаніемъ кадетъ своего отдѣленія, присутствовать на утреннихъ и вечернихъ занятіяхъ, наблюдая за приготовленіемъ уроковъ, помогать обращающимся къ нему, организовать помощь болѣе сильныхъ — слабымъ ученикамъ, конечно, безвозмездно; присутствовать часто на урокахъ преподавателей, чтобы ознакомиться съ ихъ требованіями, а у нѣкоторыхъ преподавателей для поддержанія дисциплины въ классѣ; въ свободное время вести бесѣды, читать и рекомендовать книги для чтенія, разбирать споры, улаживать ихъ, быть строгимъ, но очень справедливымъ, никакихъ "любимчиковъ", отдавать душу кадетамъ; такго воспитателя, можетъ быть, будутъ бояться (въ младшихъ классахъ), но потомъ поимутъ и будутъ уважать и даже любить. Для того, чтобы родители кадетъ могли слѣдить за успѣхами, поведеніемъ и здоровьемъ своихъ дѣтей, въ корпусѣ заведены печатные бланки, въ которыхъ воспитатель за каждую недѣлю проставляетъ получаемые баллы, затѣмъ на этомъ же бланкѣ пишетъ, какъ ведетъ себя кадетъ, выдающіеся проступки, здоровье и вообще, что найдетъ нужнымъ сообщить родителямъ. Заполненные такимъ образомъ бланки воспитатель вкладываетъ въ письма кадетъ, которые должны писать роднымъ каждую недѣлю, запечатываетъ и отправляетъ родителямъ. Кадеты могутъ писать сколько угодно разъ, но одинъ разъ въ недѣлю обязательно. Если кадетъ заболѣлъ среди недѣли, то воспитатель немедленно сообщаетъ родителямъ; въ очень серьезныхъ случаяхъ — телеграммой. Кадеты размѣщаются въ классѣ воспитателемъ, при чемъ съ плохимъ зрѣніемъ и глуховатые — на переднихъ партахъ; лѣнтяевъ не сажаютъ вмѣстѣ, на заднихъ партахъ болѣе способныхъ и лучшаго поведенія; мѣняться мѣстами нельзя безъ разрѣшенія воспитателя. Впереди передъ партами находится столъ и стулъ для преподавателя, а сзади партъ — конторка воспитателя, гдѣ онъ сидитъ на занятіяхъ, а также и на урокахъ преподавателей. Въ каждомъ отдѣленіи воспитатель назначаетъ старшаго (конечно, изъ лучшихъ), который поддерживаетъ въ классѣ порядокъ въ отсутствіи воспитателя, заполняетъ рапортички, въ которыхъ отмѣчаетъ отсутствующихъ кадетъ, и подаетъ рапортички преподавателямъ. После уроковъ записываетъ заданные уроки для слѣдующаго дня и эту записку передаетъ дежурному воспитателю, который, собравъ всѣ записки роты, отправляетъ въ лазаретъ, лазаретному воспитателю для больныхъ кадетъ. Старшій въ классѣ встрѣчается съ рапортомъ директора корпуса и другихъ вышнихъ начальствующихъ лицъ. Всѣ кадеты отдѣленія, кромѣ старшаго, дежурятъ по классу, наблюдаютъ за чистотой въ классѣ, открываютъ и закрываютъ окна, на перемѣнкахъ для провѣтриванія класса, встрѣчаютъ съ рапортомъ инспектора класса, ротн. к-ра, воспитателя и преподавателей. Дежурный воспитатель наблюдаетъ не только за своимъ отдѣленіемъ но и за всѣми кадетами роты; въ этотъ день ему нельзя присутствовать въ своемъ отдѣленіи на урокахъ преподавателей, — онъ долженъ находиться въ залѣ. Дежурный воспитатель долженъ встать утромъ въ 5 час., чтобы къ 6 час. быть готовымъ поднимать кадетъ. Онъ слѣдитъ, чтобы кадеты почистили платье, обувь, умылись, для чего у каждого на полочкѣ мыльница съ мыломъ, коробочка съ порошкомъ и зубная щѣточка. По сигналу онъ строитъ роту, осматри-

ваетъ кадетъ и, послѣ молитвы, ведетъ роту къ чаю. Послѣ чая усаживаетъ роту на утренній зарядъ, на который присутствуетъ всѣ воспитатели. Утромъ происходитъ перевязка нуждающихся въ ней кадетъ, которыхъ воспитатель въ разѣе записываетъ въ книгу на перевязкѣ всегда бываетъ младшій врачъ, заболѣвшихъ онъ отправляетъ въ лазаретъ, омытая въ журналѣ дежурствъ, гдѣ ведетъ записку и поступковъ кадетъ. Послѣ утреннихъ занятій онъ ведетъ кадетъ (мл. роты) на прогулку на свой плацъ; старшіе классы выходятъ и возвращаются безъ строя. 1-я и 2-я роты имѣютъ общій для нихъ большій плацъ; 3 и 4 роты меньшіе, но отдѣльные плацы. Кадеты по окрестности плаца посадили тополя, и каждый ухаживалъ за своимъ деревомъ. Послѣ утренней прогулки дежурный воспитатель усаживаетъ кадетъ по классамъ, на перамѣнкахъ слѣдитъ, чтобы всѣ вышли изъ классовъ и сткрыли окна; по сигналу опять усаживаетъ по классамъ. Послѣ 3-го урока напоминаетъ помыть руки; для этого въ умывальной комнатѣ есть особая полотенца (а именныя помѣщаются въ спальнѣ надъ кроватью). Спальня заперта цѣлый день. По сигналу онъ строитъ и ведетъ роту къ завтраку, послѣ чего опять прогулка такимъ же порядкомъ, какъ и утромъ. Потомъ остальные уроки. Передъ обѣдомъ мытье рукъ. Обѣдъ. Послѣ обѣда прогулка на плацу; въ ненастную погоду кадеты находятся въ залѣ и въ классахъ. Передъ вечерними занятіями освѣжить классы. Отъ 6 до 8 веч. занятія при воспитателяхъ. Потомъ ужинъ и вечерній чай. Послѣ чая молитва и въ младшей ротѣ укладка, во время которой, кромѣ дежурнаго воспитателя присутствуетъ еще и поддежурный воспитатель, наблюдая, чтобы кадеты хорошо почистились, помылись; у кого потѣютъ или грязныя ноги — помыли ихъ, для чего въ умывальной комнатѣ имѣется ножная ванна и теплая вода. Когда кадеты улягутся, уменьшается освѣщеніе, въ спальняхъ зажигаются синія маленькія лампы. Черезъ часъ воспитатель можетъ ложиться спать въ дежурной комнатѣ рядомъ со спальней кадетъ, которая отдѣлена аркой. Ночью въ младшей ротѣ дежуритъ надежный служитель, который съ вечера просматриваетъ всѣхъ, у кого грязныя носки, замѣняетъ чистыми, крѣпко спящихъ и нуждающихся, чтобы не обмочился, будить, и смотритъ, чтобы онъ надѣлъ запасную шинель, дабы не простудился, укрываетъ раскрывшихся кадетъ и, если чтонибудь случится, немедленно будитъ дежурнаго воспитателя. Кромѣ дежурныхъ воспитателей, въ каждой ротѣ назначается деж. ротный командиръ для наблюденія за общимъ порядкомъ въ корпусѣ, присутствуя при общемъ сборѣ кадетъ, за чаемъ, завтракомъ, обѣдомъ, ужиномъ и въ другихъ случаяхъ; обходя ночью всѣ помѣщенія кадетъ. Кромѣ недѣльныхъ сообщеній родителямъ объ успѣхахъ и поведеніи кадетъ, воспитатели посылаютъ четвертные и переводные аттестаціи. Дневныя рубахи и кальсоны смѣняются два раза въ недѣлю, ночныя рубахи одинъ разъ въ недѣлю, носки можно и ежедневно, также и носовые платки (у каждаго по 12 штукъ). Выздоровѣвшихъ кадетъ изъ лазарета выписываютъ послѣ обѣда. Посѣщеніе братьевъ разрѣшается послѣ обѣда, а въ праздники въ любое время, при чемъ старшіе братья идутъ къ младшимъ. Кадеты, имѣющіе родственниковъ или знакомыхъ въ г. Сумахъ, могутъ пользоваться городскимъ отпускомъ въ праздничные дни до 8 ч. вечера, при чемъ нужно имѣть заявленія отъ этихъ лицъ о желаніи брать въ отпуски этихъ кадетъ и согласіе родителей кадетъ. На праздникахъ Р. Хр. для кадетъ младшей роты устраивается елка съ разными играми, развлеченіями, и каждый получаетъ пакетъ ла-

комствѣ; для старшихъ кадетѣ устраиваются танцевальныя вечера. Въ корпусѣ имѣются два общія большіе зала: одинъ для танцевъ другой для гимнастики, онѣ же и театральныя, гдѣ кадетами разгрываются разныя пьесы и устраиваются концерты, есть свой духовой оркестръ. Въ 1906 г., когда корпусъ сформировался (не помню точно числа) прибылъ Вел.Кн.Константинъ Константиновичъ и привезъ ВЫСОЧАЙШЕ пожалованное знамя корпусу, для чего корпусъ былъ выстроенъ на плацу. Великій Князь пожаловалъ туда (смирно, "на караулъ!"), Великій Князь объявилъ Высочайшую милость, пожалованное знамя. Здѣсь состоялась прибавка знамени къ древку: каждый офицеръ подходилъ перекрестившись, прибавалъ одинъ гвоздь. Первымъ подошелъ Вел.Князь, потомъ Директоръ Корпуса, а дальше всѣ по старшинству; затѣмъ Вел.Князь передалъ знамя колѣнопреклоненному Директору Корпуса, и состоялась церемоніальный маршъ со знаменемъ. 26 сентября (день корпуснаго и храмоваго праздника) ежегодно наканунѣ была всенощная и поминовеніе умершихъ и погибшихъ служащихъ и кадетѣ. 26-го литургія и молебентъ, послѣ которыхъ парадъ всегда въ мундирахъ. Послѣ парада кадеты шли по ротамъ, а для гостей и служащихъ устраивалась закуска въ фундаментальной библиотекѣ. Затѣмъ общій съ кадетами обѣдъ въ столовой, при чемъ гости сидѣли посрединѣ столовой. Всего было съ кадетами 800 человекѣ. Обѣдъ въ этотъ день былъ традиціонный: супъ съ потрохами, слоенный пирогъ съ капустой и яйцами, жаренныя утки съ картофелемъ, пирожное, виноградъ, яблоки, каждому кадету бутылка меда. Вечеромъ большой танцевальный вечеръ въ обоихъ залахъ, прекрасно убранныхъ руками кадетѣ съ 1911 г. были установлены дальнія прогулки въ теченіе учебнаго года — 10 однодневныхъ и одна, въ концѣ года семидневная. Для ротныхъ командировъ корпусъ приобрѣлъ верховую лошадь. Въ этомъ же году для стрѣльбы кадетѣ 6 и 7 классовъ былъ устроенъ тиръ. Въ 1903 г. было построено двухэтажное зданіе для лазарета, при чемъ въ нижнемъ этажѣ для заразныхъ больныхъ; лазаретъ былъ соединенъ теплымъ ходомъ съ главнымъ зданіемъ черезъ 3-ью роту. Въ 1904 году открылась 3-ья рота, помѣщенная во второмъ этажѣ праваго крыла главнаго зданія корпуса. Ротнымъ командиромъ назначенъ полк.Куровъ (изъ Донскаго корпуса). Въ 1906 г. открылась 4-ая рота — ротн.к-ромъ полк.Ф.Коттентъ. Помѣщена въ первомъ этажѣ главнаго зданія корпуса. Зимой въ двухъ дворахъ главнаго зданія были устроены деревянныя горки для катанія кадетѣ на саняхъ; тутъ же устраивались катки для катанія на конькахъ. Кромѣ того устраивалось катаніе на саняхъ съ естественной длинной горы въ паркѣ, въ которомъ, кромѣ кадетѣ, принимали участіе воспитатели и директоръ корпуса; во время катанія играла музыка, а вечеромъ зажигались смолянныя бочки. Лѣтомъ катались на лодкахъ (каждая рота имѣла лодку), купались въ купальняхъ. Въ 1904 г. была эпидемія скарлатины, почему кадетѣ перешли въ гимнастическое платье, а все суконное и всѣ ихъ помѣщенія дезинфицировались; кадеты были помѣщены на 7 дней въ свободное помѣщеніе будущей 4-й роты; спали безъ матрацовъ на сѣнѣ. Въ 1912 г. кадеты 1-й роты посѣтили Москву и Бородинское поле. Полк.кн.Шаховской съ 4-й ротой нѣсколько разъ ходилъ на разные сахарныя заводы, такъ что кадеты хорошо ознакомились съ производствомъ сахара; на заводахъ кадетѣ всегда угощали сахаромъ — сколько кто хотѣлъ. Съ заводовъ часто возвращались довольно поздно, такъ что было уже темно (это всегда бывало осенью), и зажигали факелы, что доставляло кадетамъ развлеченіе и

удовольствіе. Въ 1911 г. кадеты ст. кн. Шаховскимъ совершили поѣздку въ Бѣлгородъ, на открытіе монумента Св. Досифея Бѣлгородскаго. Семидневныя прогулки въ концы учебного года кадеты 4-й роты очень любили и онѣ доставляли имъ большое удовольствіе: посѣщеніе каждый день новыхъ мѣстъ, ѣзда на воздухѣ, ночевка въ палаткахъ. Собственныя деньги кадетъ хранились у воспитателя, который велъ денежную книгу, каждый расходъ подписывался кадетомъ въ этой книгѣ. Корпусъ раздѣленъ былъ на четыре роты, 20 классовыхъ отдѣленій; кромѣ того были классы: ручного труда, географическій, естественной исторіи, физическій, химическій, рисовальный. Штатъ воспитателей былъ 23 человека: 20 отдѣленныхъ офицеровъ воспитателей; 1 лазаретный воспитатель, 1 запасный, 1 командировался на педагогическіе курсы. Опредѣлить составъ воспитателей на каждый учебный годъ по памяти, безъ документовъ, почти невозможно; изъ приложеннаго списка воспитателей видно, что ихъ за 20 лѣтъ существованія Сумскаго корпуса переобывало 54 человека, а штатъ всего 23, — это показываетъ какъ часто мѣнялся составъ воспитателей. Во время войны 1914—1918 гг. въ Сумскій корпусъ прибыла младшая рота Полоцкаго кадетскаго корпуса со своимъ составомъ служащихъ; помѣщалась въ верхнемъ этажѣ главнаго зданія и была до конца. Прибытіе этой роты ничѣмъ не отразилось на жизни Сумскаго К-са, т.к. между ними не было ничего общаго — было только питаніе въ общей столовой и посѣщеніе корпуснаго храма.

Въ концѣ каждой четверти учебного года были педагогическіе комитеты подъ предсѣдательствомъ директора корпуса, въ составѣ инспектора классовъ, ротнаго командира, воспитателей и преподавателей, гдѣ разсматривались успѣхи кадетъ, поведеніе ихъ и принятіе мѣръ для поднятія успѣшности. Въ экстренныхъ случаяхъ педагогическіе комитеты были и въ другое время. Кромѣ педагогическихъ комитетовъ были еще хозяйственные комитеты подъ предсѣдательствомъ директора корпуса, въ составѣ ротныхъ командировъ и хозяйственныхъ чиновъ корпуса. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ комитетахъ присутствовали врачи корпуса.

Прослѣдить детально жизнь каждой роты корпуса я не былъ въ состояніи, т.к. находясь 7 лѣтъ воспитателемъ 1-й роты, затѣмъ 2½ года воспитателемъ 4-й роты, а потомъ, съ февраля 1910 года ротнымъ командиромъ 4-й роты, я былъ слишкомъ занятъ кадетами своего отдѣленія и своей роты, чтобы еще слѣдить за внутренней жизнью другихъ ротъ, да считаю, что это и невозможно, это доступно только директору корпуса. Можно отмѣтить только общую жизнь другихъ ротъ въ ихъ помѣщеніяхъ. Кое что, конечно доходило и до меня по разговорамъ другихъ воспитателей, но въ большинстве случаевъ это было что нибудь отрицательное — какія нибудь грубыя выходки кадетъ, которые выносились на разсматриваніе педагогическихъ комитетовъ. Прослѣдить жизнь каждой роты я не берусь, т.к. это будетъ и не точно, а м.б. и неправильно, да и невозможно. Жизнь кадетъ 1-й роты въ теченіе первыхъ семи лѣтъ корпуса (гдѣ я былъ воспитателемъ), шла довольно гладко, безъ шароховатостей, безъ крупныхъ проступковъ, и не было внесено никакихъ глупыхъ и дикихъ традицій другихъ корпусовъ, — всѣ кадеты въ этотъ періодъ жили своей собственной жизнью славнаго бѣлаго Сумскаго Корпуса. Жизнь кадетъ 4-й роты, гдѣ я былъ сначала воспитателемъ, а затѣмъ ротнымъ командиромъ, протекала нормально — много дѣтскаго шума (сначала, съ непривычки къ нему даже болѣе, потому что дѣтскихъ шалостей, мѣръ

без всяких грубых выходок, — в общем было даже весело и приятно проводить время ротному командиру и воспитателям среди этих дѣтей. За небольшіе проступки были незначительные высканія: стоять на штрафу не болѣе часа, сидѣніе на скамейкѣ без права вставать и принимать участіе въ играхъ, сопровожденіе дежурнаго воспитателя безотлучно на его дежурствѣ въ теченіе дня, иногда лишеніе сладкаго блюда за лѣнь; арестовать кадетѣ въ карцерѣ, не было принято для кадетѣ 4-й роты.

За все время существованія Сумскаго Корпуса, Вел.Кн.Константинъ Константиновичъ посѣтилъ корпусъ очень много разъ, и его посѣщенія были истиннымъ и приятнымъ праздникомъ для всѣхъ — и служащихъ, и кадетѣ, — въ его словахъ, взглядахъ и движеніяхъ было столько искренней ласки, любви и вниманія, что это невольно трогало всѣхъ до глубины души и никогда не забывалось и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали слѣдующаго посѣщенія Великаго Князя. Онъ былъ для насъ не строгій Главный Начальникъ военно-учебныхъ заведеній, а просто какъ родной и любящій отецъ среди своей семьи, я уже не говорю о томъ, что онъ никогда не кичился и не показывалъ, что онъ Царской фамиліи, а держалъ себя очень просто и совершенно доступно для всѣхъ, что еще больше располагало къ нему. Я думаю, что и другіе его никогда не забудутъ, и будутъ вспоминать его тепло и съ любовью. Пріѣзжая въ Сумскій корпусъ, Вел.Князь бывалъ вездѣ: и въ классахъ, и въ столовой, въ залѣ на танцевальныхъ вечерахъ, на спектакляхъ, на концертахъ кадетѣ, и, видимо, все ему доставляло удовольствіе, онъ жилъ всѣмъ этимъ.

Вспоминается одинъ случай: во время спектакля какой-то кадетѣ пролѣзъ подѣ стулъ, на которомъ сидѣлъ Вел.Князь, и ножницами вырѣзалъ кусокъ сюртука. Когда Вел.Князь послѣ спектакля всталъ и замѣтилъ это, онъ обратился къ кадетамъ и спросилъ, кто это сдѣлалъ, — на что сразу вышелъ одинъ и признался, что сдѣлалъ это онъ. Вел.Князь спросилъ фамилію и, услышавши: "Романовъ", сказалъ: "Какъ же тебѣ не стыдно, вѣдь ты испортилъ мнѣ сюртукъ, его придется выбросить, а онъ стоитъ очень дорого; а ты еще можешь быть, мой родственникъ. Если ты хочешь получить что нибудь на память отъ меня, можешь попросить платокъ или что нибудь другое, а не портить сюртукъ". Затѣмъ Вел.Князь обратился къ директору корпуса, сказавъ: "Ваше Превосходительство, не наказывайте Романова, я его пробралъ, и это онъ, надѣюсь, запомнитъ на всю жизнь".

Великому Князю были отведены особыя парадныя комнаты на 3-мъ этажѣ главнаго зданія, гдѣ онъ всегда останавливался во время посѣщенія корпуса. Вел.Князь всегда бралъ съ собою своихъ лакея и повара; и часто приглашалъ къ себѣ воспитателей на обѣдъ, гдѣ велъ съ ними простыя задушевныя бесѣды. Однажды во время такого обѣда, воспитатель кн.Шаховской, сидѣвшій за столомъ рядомъ съ адъютантомъ Вел.Князя, въ разговорѣ съ нимъ между прочимъ сказалъ, что его сынъ, кадетѣ I-го класса, почти весь годъ проболѣлъ, перенесъ двѣ заразныя болѣзни, и что онъ собирается лѣтомъ, по совѣту врачей, повезти сына на Черное море, чтобы поправить его здоровье; этого разговора Вел.Князь слышать не могъ, т.к. сидѣлъ довольно далеко отъ адъютанта и былъ занятъ разговорами съ другими воспитателями; въ результатѣ, послѣ отѣзда Вел.Князя, кн.Шаховской получилъ отъ него 1000 рублей на поѣздку его сына въ Крымъ, — трогательное вниманіе.

Всѣ поражались феноменальной памяти Вел.Князя; у него въ подчиненіи были тысячи офицеровъ и чиновниковъ въ корпусахъ и военныхъ училищахъ, и Вел.Князь зналъ каждаго въ лицо и помнил фамиліи; разѣ узнавши фамиліи кадетъ, встрѣчая ихъ уже въ училищахъ, называлъ фамилію и какого корпуса. Въ 1900 году, I-ое посѣщеніе Вел.Князя, который, между прочимъ, интересовался семейнымъ положеніемъ служащихъ, и вотъ спросилъ кн.Шаховского, женатъ ли онѣ и есть ли у него дѣти, на что кн.Шаховской отвѣтилъ, что имѣетъ двухъ сыновей и назвалъ ихъ по именамъ. Прошло 4 года; Вел.Князь прибылъ въ корпусъ и былъ на танцевальномъ вечерѣ; увидѣвъ воспитателя кн.Шаховского, подозвалъ его къ себѣ и спросилъ: "Какъ поживаютъ ваши Игорьъ и Владимиръ?" — имена сыновей, — поразительно!

Въ 1909г. былъ выстроенъ третій офицерскій флигель для воспитателей и штатныхъ преподавателей корпуса. Тогда же было построено зданіе для бакалейнаго магазина, членами котораго были всѣ служащіе корпуса; въ этомъ магазинѣ можно было покупать всѣ продукты по болѣе дешевымъ цѣнамъ, чѣмъ въ городѣ, не тратя даромъ времени на поѣздки въ городъ.

Въ 1904 году инспекторъ классовъ Коноваловъ вышелъ въ отставку, и въ Сумскій корпусъ на его мѣсто былъ назначенъ полк. Борейша изъ Николаевскаго Кавалерійскаго училища.

Въ январѣ 1905г. директоръ Сумскаго корпуса генералъ-майоръ Кублицкій былъ назначенъ директоромъ Кіевскаго корпуса, а директоромъ Сумскаго к-са назначенъ генералъ-майоръ генеральнаго штаба Саранчовъ (б.командиръ Апшеронскаго полка) и былъ до конца.

Въ 1907 году умеръ инспекторъ классовъ Борейша, и въ Сумскій корпусъ назначенъ изъ Кіевскаго корпуса полк.Каншинъ, и былъ до конца.

Жизнь Сумскаго корпуса протекала нормально, безъ всякихъ происшествій до 1917 года, когда начался "развалъ" нашей Родины, что конечно отразилось и на Сумскомъ корпусѣ, такъ что 1917-й годъ съ грѣхомъ пополамъ дотянули до конца. Въ началѣ 1918 года директоръ корпуса уѣхалъ съ оставшимися кадетами въ Одесскій корпусъ; дальнѣйшая судьба этихъ кадетъ мнѣ неизвѣстна.

Въ 1918 году въ Сумскомъ корпусѣ были открыты "курсы" красныхъ командировъ, а въ 1919 году, Сумскій корпусъ, какъ учебное заведеніе пересталъ существовать, и большинство персонала корпуса покинуло его и разтѣхалось въ разныхъ направлѣніяхъ. Что съ оставшимися тамъ — полная неизвѣстность.

П.П.Шаховской.

Май 1952г.

ПЕРСОНАЛ СУМСКАГО КОРПУСА СЪ 1900г. И ДО КОНЦА.

Директора: г-л.Кублицкий-Піотухъ, Левъ Іосифовичъ
 съ 1900 по 1905г. - умеръ.
 г-л.Саранчовъ, Андрей Михайловичъ, съ 1905 до конца
 умеръ.

Инспектора) С.С.Коноваловъ 1900-04 - вышелъ въ отставку
 классовъ) полк.Борейча 1904-07 - умеръ
 " Канъшинъ 1907 до конца - умеръ.

Помощн. (Полк.Ф.Коттень 1903-06 - умеръ
 инспект. (" " Котроховъ 1906-09 ?
 классовъ (" " Ильинъ 1909-16 ?
 (Кап.Айвазовъ 1916 до конца ?

Ротн. Полк.Словьевъ, Храповицкій, Котроховъ, Катасоновъ 1-й
 коман- " Ламанскій, Некрашевичъ 2-й
 дыры Куровъ, Потемкинъ 3-й
 Ф.Коттень, кн.Шаховской 4-й

В с Кн.Шаховской съ 9/П командиръ 4-й роты
 О І Ф.Коттень, съ 1906г.к-р 4 р., съ 1909г.сенаторъ Фин-
 9 Ф.Зауервейдъ - ушелъ во 2-й к-ст; ляндіи. умеръ
 С 0 воинскій начальникъ; застрѣлился.
 0 Гартвигъ - ушелъ въ Псковскій корпусъ; умеръ.
 П Гавеманъ - ушелъ въ 1913г., воинск.нач. ?

И Котроховъ съ 1901. Въ 1913г.назначенъ инспект.Полоцк.к-са
 Калугинъ ушелъ въ 1913г.винск.нач. Застрѣлился
 Т Россонтовскій " ? былъ 1 годъ, отчисленъ ?
 Ф.Ярмерштадтъ ?
 А Бухнеръ ?
 Элендъ умеръ
 Отоцкій "

Т Катасоновъ съ 1913г. к-ръ 2-й роты. умеръ
 Рыбицкій ушелъ съ 1912г. воинск.нач. умеръ
 Е Ростовцевъ ушелъ въ полкъ ?
 Ильинъ въ 1916г. назначенъ инспект.Ярославск.к-са ?

Л Бояровскій ?
 Яхонтовъ - назн.пом.инспект.классовъ Вольской школы. Умеръ
 И Перхуровъ ?)
 " Морозовъ ?) вернулись въ строй
 " Зитаръ ? ()
 " Гродзинскій ? (отчислены
 " Бурдинъ умеръ
 " Пожидаевъ - въ Австраліи
 " Позняковъ ?)
 " Шистовскій ?) отчислены
 " Андреяновъ ?
 " Карсницкій - вернулся въ строй
 " Стржелецкій ?
 " Ярцевъ - ушелъ въ Суворовскій к-ст ?
 " Пунашинъ - ушелъ на войну въ 1914г., умеръ отъ сапа
 " Лепковскій ушелъ въ Иркутскій к-ст. ?
 " Некрашевичъ съ 1916г. к-ръ 2-й роты. Умеръ.
 " Левашовъ отчисленъ.

В Потемкинъ уш.на войну 1914г.: ,вернулся к-рт 3-й р. умеръ
 Рѣшиковъ ушелъ въ полкъ
 О Шиманскій ?
 Барановъ ушелъ въ Павловское училища ?
 С Стадницкій -Колендо ?
 Жабоклицкій умеръ
 П Лацинскій ?
 Калиновскій ?
 И Корчакъ-Гречина въ 1912г. ушелъ воинск.нач. ?
 Айвазовъ умеръ
 Т Венедиктовъ умеръ
 Пограничный умеръ
 А Окуличъ ?
 Т Короткихъ - ушелъ въ Нижегородскій к-стъ
 Есиповъ умеръ
 Андрючанко - ушелъ въ Александр.к-стъ
 Е Длужневскій умеръ
 Кн.Химшиевъ ушелъ въ 1-й к-стъ ?
 Л Бориславскій ?

И

ВРАЧИ: Старшій врачъ Бунинъ съ 1900-1904г. умеръ
 " " Вистеговъ 1904-1909 уш.въ Орловск.к-стъ
 " " Вейднеръ 1909 до конца ?
 Младш.врачи: Микулинъ ушелъ ст.вр.во 2-й Оренбург.к-стъ
 Кандыба уш.на войну 1914г. ?
 Шушаня ?

СМОТРИТЕЛИ ЗДАНИЙ

Акуловъ съ 1900 по 1903 умеръ
 Катасоновъ 1903 по 1905 перешелъ восп. умеръ
 Кап. (на помню фамиліи, былъ 1 годъ)
 Коломейцевъ 1906-1915 уш.воинск.нач. умеръ
 Мораховскій съ 1915 до конца ?

ЗАВѢД. ОБМУНДИРОВАНИЕМЪ

Акуловъ съ 1900-1903 (одновр.и смотр.зданія) умеръ
 Мораховскій 1903-1915 перешелъ см.зданій ?
 Лацинскій 1915 до конца ?

ЭКОНОМЪ Петровъ съ 1900 до конца - умеръ
 СЕКРЕТАРЬ Смирновъ 1900 до конца ?
 БУХГАЛ- Свиринъ 1900-1905 умеръ
 ТЕРЫ Бабаевскій 1905 до конца ?

ТЕХНИКЪ: Оловенниковъ съ 1900 до конца ?
 ПСАЛОМШИКЪ: Рубинскій ? ?

П Р Е П О Д А В А Т Е Л И

Законъ Божій Свящ. Куклярскій 1900-1902 - ?
 О.Василій Виноградовъ 1902 до конца, умеръ.

Рус- скій яз- ыкѣ	Гальковскій Воробьевъ Леонидовъ Измайловъ Дьяковъ	1900-1902 ? ? ? ?	?
Фран- цузск. яз- ыкѣ	М-ль Зоя (не помню фамилии) Жагменъ Парафъ Рибо ?	1900-1901 въ 1915г. вышелъ въ отставку въ Марокко Карсопуловъ	?
Немец. языкъ	Эрдманъ Шпераръ	? ?	
Арифме- тика	Храповицкій Бояровскій Бориславскій	умерт ? ?	
Матем- мати- ка	Котроховъ Лачиновъ Родкевичъ Куровскій Сербуловъ	? ? ? ? ?	
Физи- ка	Мансветовъ Родкевичъ	умерт ?	
Химія	Родкевичъ	?	
Естеств.ист.) Природовед.)	Горскій	?	
Исторія	Лучининъ Воскресенскій	? ?	
Космографія	Ильинъ		
Географія	Ф.Коттенъ Пограничный Длужневскій	умерт " "	
Законовѣд.	Прокуроръ Сумскаго Суда (не помню фамилии) Членъ Суда Троицкій		
Анатомія:	Д-ра Вейднеръ и Кандыба	?	
Рисованіе:	Зиновьевъ ? Евлампіевъ ?		
Чистописание:	кн. Шаховской, Смирновъ?		
Гимнастика:	кн. Шаховской	умерт въ Вѣнѣ	
Фехтованіе:	Куровъ, Потемкинъ	умерли	
Танцы:	Строевъ ?		
Пѣніе:	Стефановскій, Посельскій?		

(? - означаетъ: неиз-
вѣстно гдѣ онъ и что
ст. нимъ)

ЭВАКУАЦІЯ ЗНАМЕНИ СУМСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА

Послѣ первой эвакуаціи Сумѣ во время гражданской войны, знамя корпуса было спрятано Полковникомъ Пожидаевымъ подѣ паркетомъ.

Въ августѣ 1919 г. кадетъ Потемкинъ пріѣхалъ съ фронта въ отпускъ въ Сумы. Его отецъ полк. Потемкинъ былъ председателемъ комиссіи по возстановленію корпуса. Въ это время прорвалась красная конница со стороны Мирополья. Знамя находилось подѣ опекой бібліотекаря Дидыка. Онъ съ большой неохотой отдалъ его кадету Потемкину, который получилъ приказаніе принести знамя на квартиру своего отца (черезъ паркѣ), т.к. было рѣшено увезти его изъ Сумѣ. Для этой цѣли была составлена комиссія въ составѣ: Председателя полк. Потемкина и членовъ: полковниковъ Отоцкаго и Пожидаева. Комиссія составила актъ, по которому было рѣшено снять полотнище и передать на храненіе кадету Потемкину для вывоза его изъ Сумѣ, дѣвко было сожжено; орла, скобу, подтокъ и гвозди взялъ на храненіе полк. Потемкинъ. Полотнище было зашито въ англійскую сумку и съ кадета Потемкина было взято обѣщаніе, что онъ никому ничего говорить не будетъ.

Прорывъ красной конницы былъ ликвидированъ, но кадетъ Потемкинъ отбился и поѣхалъ на фронтъ, подѣ Курскѣ. Знамя все время было съ нимъ на батареѣ: въ наступленіи до Верховья (восточнѣе Орла), а при отходѣ до Екатеринодара. Тамъ Потемкинъ заболѣлъ и его отправили въ тифозный госпиталь. Отсюда онъ обѣжитъ во Владикавказъ, гдѣ заболѣваетъ тифомъ и воспаленіемъ легкихъ, но успѣваетъ передать знамя своему отцу. Вылечившись, кадетъ Потемкинъ черезъ Грузію пробирается въ Крымъ. Изъ Крыма, побывавъ на фронтѣ, кадетъ Потемкинъ эвакуируется въ Югославію, въ составѣ Крымскаго Кадетскаго корпуса, въ которомъ изъ Сумцовѣ находились полковники кн. Шаховской, Потемкинъ, Некрашевичъ и Пожидаевъ, а также 27 кадетѣ. Директоръ Крымскаго корпуса Генералъ Римскій-Корсаковъ, предполагая дать имя корпусу "Сумскій", обратился къ нашимъ кадетамъ съ просьбой сдать знамя. Старшіе кадеты Леусъ, Потемкинъ, Яконовскій и Рексъ рѣшили сдать знамя, и оно выносилось 26-го сентября передѣ Крымцами, причемъ знаменщиками были всегда Сумцы, пока они были

СПАСЕНІЕ ЗНАМЕНИ (Записано со словъ Крымскихъ кадетѣ)

Знамя Сумскаго Кадетскаго корпуса было привезено изъ СССР кадетомъ этого же корпуса Дмитріемъ Потемкинымъ.

Въ лагерѣ находился сформированный въ Константинополь изъ Петровскаго Полтавскаго, Владикавказскаго, Сумскаго и др. корпусовъ — Крымскій Кадетскій Корпусъ, директоромъ котораго былъ генералъ Римскій-Корсаковъ. Д. Потемкинъ передалъ знамя Сумцовѣ директору Корпуса и за свой подвигъ былъ произведенъ въ вице-унтеръ-офицеры.

Первое время знамя хранилось у директора и никуда не выносилось. По переѣздѣ въ 1923г. въ Бѣлую Церковь и по оборудованіи тамъ церкви, знамя служило за престольнымъ образомъ и находилось въ застекленномъ ящикѣ. Позже знамя стали выносить на парады, какъ корпусное, прикрѣпивъ его къ дѣвку.

По соединеніи всѣхъ трехъ Русскихъ корпусовъ въ одинъ — I-й Русскій кадетскій Великаго Князя КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНО-

ВИЧА корпусъ — Сумское знамя было передано туда и находилось там до окупаці Югославіи совѣтскими и титовскими войсками въ музей Корпуса, откуда было взято обратно въ Русскую Церковь въ гор.Бѣлая Церковь, гдѣ и продолжало оставаться "Запрестольнымъ Образомъ"

П Р И К А З А Н І Е

по КРЫМСКОМУ Кадетскому Корпусу
"1" іюня 1927г.

Гор.Бѣлая Церковь.

№ II.

I.

Директоръ Корпуса приказалъ объявить:

2го сего іюня, наканунѣ дня Свв.Равноапостольныхъ Царя Константина и Царицы Елены и корпуснаго праздника, на плацу передъ зданіемъ Корпуса Преосвященнымъ ВЕНІАМИНОМЪ будетъ отслужена въ 5 ч.вечера всеношная, а по окончаніи ея панихида по успшимъ служащимъ и кадетамъ корпуса.

На всеношной и панихидѣ присутствовать всѣмъ кадетамъ и служащимъ.

Форма одежды: въ бѣлыхъ рубахахъ.

3-го сего іюня въ день Свв.Равноапостольныхъ Царя Константина и Царицы Елены, по случаю корпуснаго Праздника, Преосвященнымъ ВЕНІАМИНОМЪ будетъ отслужена въ 9½ час.утра Божественная Литургія въ корпусномъ храмѣ и въ 12 час.дня благодарственное Господу Богу молебствіе на плацу передъ зданіемъ корпуса, послѣ котораго будетъ произведенъ парадъ.

Парадомъ командовать полковнику Чудинову

Къ началу литургіи привести въ корпусный храмъ всѣхъ кадетъ, а къ II ³/₄ час.утра трѣмъ ротамъ кадетъ подъ командой своихъ воспитателей, построиться на плацу по линейнымъ, которыхъ выслать отъ 3-й роты въ распоряженіе Полковника Чудинова къ II½ час.утра въ числѣ 10 человекъ.

Въ строй на молебствіе и на парадъ будетъ вынесено хранящаяся въ корпусѣ знамя Сумскаго Кадетскаго Корпуса, спасенное бывшимъ кадетомъ сначала Сумскаго и затѣмъ Крымскаго Корпуса, нынѣ корнетомъ ПОТЕМКИНЫМЪ

Знамя принять изъ квартиры директора Корпуса капитану Трусову.

Знаменщикъ — кадетъ 7 кл., бывший кадетъ Сумскаго кадетскаго корпуса, Пѣтръ ГЕНИНЪ.

Ассистантами къ знамени назначаются: вице-унтеръ-офицеры Константинъ Бирюковъ и Георгій Жерабковъ.

Форма одежды при богослуженіи и на парадѣ въ лѣтнихъ бѣлыхъ рубахахъ и лѣтнихъ безкозыркахъ: гг.офицерамъ, находящимся въ строю при шашкахъ.

П Р И К А З Ъ
П О
КРЫМСКОМУ КАДЕТСКОМУ КОРПУСУ

4-го сентября 1921г.

№ 248.

Лагерь Стрннще

§ 3.

Кадеѣ 7-го класса Дмитрій ПОТЕМКИНЪ доставилъ мнѣ вывезенное имъ изъ Совѣтской Россіи полотнище знамени Сумскаго Кадетскаго корпуса. Предписываю реставрировать это знамя и хранить его при ввѣренномъ мнѣ корпусѣ, какъ священную реликвию нашего славнаго прошлаго. Объявляю кадету ПОТЕМКИНУ мою сердечную благодарность и произвожу въ вице-унтеръ-офицеры.

Подлинный подписалъ: Директоръ Корпуса
Генераль-Лейтенантъ РИМСКІЙ-КОРСАКОВЪ.

Съ подлиннымъ вѣрно: Адеѣтантъ Корпуса
Полковникъ (подпись неразборчива)

НАШЕ ЗНАМЯ .

Родное знамя снова съ нами.
Нерукотворный ликъ Христа
Съ Его печальными очами
Глядитъ на насъ... И какъ чиста
Должна быть совѣсть у кадетовъ,
Что стягъ священный нашъ спасли
И для грядущихъ поколѣній
Его на славу сберегли...
На немъ — родной Орелъ Двуглавый
И вензель нашего Царя —
Сіяютъ вѣчною красою,
Какъ солнца яркаго заря...
Теперь подъ сѣнію святыни —
Сомкнись, родной Сумской кадетъ,
И вѣрь, что Божьимъ повелѣньемъ
Придетъ для Родины разсвѣтъ.

Е.Кравченко. —
4-го вып.

Германія.

СУМЦАМЪ.

Подъ сѣнью знамени родного
 Вы соберетесь, друзья, —
 Чтобъ предъ священной дорогою
 чтить память нашего Царя,
 А съ нимъ — всѣхъ павшихъ за Россію
 Родныхъ и доблестныхъ кадетъ,
 Кто бился съ красною стихіей,
 Въ комъ жилъ прадедовскій завѣтъ.
 Да освѣяетъ наше знамя
 Сумскихъ разбросанныхъ кадетъ,
 Да не угаснетъ въ сердцѣ пламя.
 Пріймите братскій мой привѣтъ!
 Душою съ вами нераздѣльно
 Всегда, родные мнѣ друзья,
 Мы любимъ Корпусъ безпредѣльно,
 И пѣснь далекая моя —
 Пусть вамъ напомнитъ наши годы
 Въ Россіи Царской, дорогой,
 И за нее — бои, походы
 И полкъ, намъ каждому родной.
 Все даль намъ Корпусъ несравненный,
 Все остальное — мишура...
 За сказку были незабвенной,
 За васъ, родныхъ, — мое "ура"!

Е. Кравченко
 4-го вып.

4 окт. 1954 г.
 Германія.

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ВЕЛ. КН. КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА
 КАДЕТСКІЙ КОРПУСЪ.

Шестая Кадетская Памятка "Юбилейная"
 Бѣлая Церковь. 1940 г.

Выписка изъ памятки, стран. 136-137.

"Полотнище знамени Симбирскаго Кадетскаго Корпуса, пожалованное Императоромъ Николаемъ II. Полотнище бѣлое съ синей каймой и узоромъ. Въ серединѣ изображеніе Лица Спаса Нерукотвореннаго, выше надпись "Съ нами Богъ", на обратной сторонѣ: въ серединѣ вензель Государя Императора Николая II, а въ углахъ гербы Россійской Имперіи. Знамя это хранится въ музеѣ корпуса съ сентября 1929 года.

Такое же знамя Сумскаго Корпуса, но съ краснымъ приборомъ, помѣщается въ церкви корпуса, какъ запрестольный образъ. Получено въ такомъ видѣ вмѣстѣ съ церковью отъ Крымскаго Корпуса, при переходѣ корпуса изъ Сараева въ Бѣлую Церковь".

Выписано 27 декабря 1952 г.
 въ городъ Сантъ Пауло, Бразилія.

Алексѣй Сѣриковъ, 12 выпуска
 Сумскаго Кадетскаго Корпуса.

З Н А М Я .

О, знамя вѣтхое, краса полка родного,
 Ты, бранной славою вѣнчанное въ бою.
 Чье сердце за твои доскутья не готово
 Всѣ блага позабыть и жизнь отдать сво

К.Р.

Объединеніе СУМСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА въ Нью-Йоркѣ счастливо сообщить своимъ однокашникамъ и ихъ друзьямъ, что наше родное знамя прибыло изъ Европы и находится съ нами. Отнынѣ бывшіе кадеты всѣхъ корпусовъ имѣютъ возможность объединиться въ своихъ молитвахъ подъ сѣнью подлинной кадетской святыни, пожалованной ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ Сумскому Корпусу въ 1906 году.

Извѣстный нашъ военный писатель Генералъ-отъ-Кавалеріи П.Н.Красновъ, а также французскій военный писатель Полковникъ Дебо такъ говорятъ о знамени:

" — Значеніе знамени громадно. Знамя — эмблема чести полка, эмблема чести тѣхъ, кто собрался подъ нимъ. Знамя поддерживаетъ людей въ исполненіи ихъ долга и заставляетъ ихъ дѣлать благородные поступки и достойно себя вести. Знамя великій символъ безсмертной идеи защиты Родины. Знамя — душа арміи. Знаменамъ всегда оказывались особня почести. Полкъ бралъ "На краулъ", офицеры салютовали, музыка играла, барабанщики били "походъ". Въ Туркестанскомъ же военномъ округѣ, со времени Скобелева, знамя встрѣчали громовыми криками "ура". Роль знамени — связать настоящее съ прошлымъ и сдѣлать будущее достойнымъ нашей славной исторіи. — "

Можно ли что добавить къ этимъ вдохновеннымъ словамъ? Намъ нужно только чаще ихъ вспоминать и стараться имъ слѣдовать.

В. ВЕРЖОВЕЦКІЙ.

— 0 0 0 —

21

ОСВЯЩЕНІЕ ЗНАМЕНИ СУМСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

Воскресенье, 25 октября 1953г. надолго останется в памяти бывших воспитанников Сумскаго Кадетскаго Корпуса, живущих в Нью Йоркѣ. В этотъ день, по случаю недавно прошедшаго храмоваго праздника корпуса, состоялся молебенъ небесному его покровителю Св. Іоанну Богослову и одновременно совершено освященіе чудомъ прибывшаго изъ-за "железнаго занавѣса" корпуснаго знамени. Несмотря на холодную погоду и проливной дождь, Вознесенскій Кафедральный Соборъ в Бронксѣ былъ полонъ молящимися. Пять архіереевъ, во главѣ съ Митрополитомъ Анастасіемъ, служили литургію. По окончаніи ея, во второмъ часу дня, Преосвященный Никонъ, епископъ Флоридскій, произнесъ слово, в которомъ, сообщивъ о радостномъ событіи — спасеніи знамени — поздравилъ кадетъ Сумскаго Корпуса съ исключительнымъ счастьемъ, выпавшимъ на ихъ долю.

Бывшіе кадеты Р. Харченко и Я. Коробко, взявъ Знамя, стали у праваго боковаго входа въ алтарь, первый в качествѣ знаменщика, второй ассистентомъ. Молебенъ возглавилъ епископъ Никонъ въ сослуженіи настоятеля Собора протоіеряя о. Сергія Пантелѣва и протоіеряя о. Іоанна Легкаго при протодіаконѣ о. Сергіи Мошинѣ. Пѣлъ полный составъ соборнаго хора подъ управленіемъ регента Д. Орлова. Высокоблагодѣльная служба съ протодіакономъ, могущимъ быть украшеніемъ лучшаго столичнаго храма, заставила всѣхъ пережить незабываемыя минуты.

Въ серединѣ молебна епископъ Никонъ, подойдя къ знамени, освятилъ его, трижды окропивъ Святой Водой. Было провозглашено многолѣтіе Великому Князю Владиміру Кирилловичу и всѣмъ нынѣ здравствующимъ членамъ Дома Романовыхъ, съ присутствовавшей на молебнѣ дочерью покойнаго Августѣйшаго Начальника Военно-учебныхъ Заведеній, Княжной Вѣрой Константиновной, а также всѣмъ членамъ и кадетамъ Сумскаго Кадетскаго Корпуса и ихъ семьямъ. В теченіе службы дважды поминалось о здравіи болящаго воина Бориса Скибицкаго, который, находясь в госпиталѣ, не могъ присутствовать на освященіи знамени, в выплскѣ котораго принималъ большое участіе.

При возглашеніи вѣчной памяти убиенному Благовѣрному Государю Императору Николаю Александровичу и его Августѣйшей Семьѣ, знамя было наклонено горизонтально. Помянуты были: Августѣйшій Начальникъ Военно-учебныхъ заведеній Великій Князь Константинъ Константиновичъ, директора, чины корпуса и кадеты, за Вѣру, Царя и Отечество на полѣ брани и мѣсть свой на полѣ брани животъ свой положившіе, в смуть убиенные и в мирѣ скончавшіеся.

Послѣ цѣлованія креста, всѣ шли прикладываться къ знамени. В храмѣ находились и кадеты другихъ корпусовъ, отъ имени которыхъ они поздравили сумцовъ. По окончаніи службы знамя было покрыто полупрозрачнымъ пластиковымъ чехломъ съ золотыми шнурами и поставлено в специальную стойку у праваго клироса передъ алтаремъ. По благословенію Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Анастасія и согласно условій, заключенныхъ съ отцомъ настоятелемъ Вознесенскаго Кафедральнаго Собора, знамя тамъ и будетъ имѣть свое постоянное заграничье мѣстопробываніе, впрядь до установленія в Россіи законной императорской власти и воссозданія Сумскаго Кадетскаго Корпуса, коему тогда и будетъ возвращено по принадлежности.

Изъ церкви участники торжества прослѣдовали въ Русскій клубъ, гдѣ въ казачьемъ залѣ былъ сервированъ обѣдъ. Среди приглашенныхъ находились: Дочь Вел.Князя Константина Константиновича, Княжна Вѣра Константиновна, Начальникъ Нью Йоркскаго Отдѣленія РОСС-а и Предсѣдатель Обще-кадетскаго Объединенія ген.маіоръ А.В.Бордзиловскій съ супругой, Предсѣдатель объединенія кадетъ зарубѣжныхъ кадетскихъ корпусовъ П.В.Олферьевъ и много другихъ. Трапеза началась пѣніемъ молитвы — "Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ". Еще до принятія пищи была почтена вставаніемъ память Государя и всѣхъ, обѣ упокоеніи коихъ мы молились въ церкви.

Первый тостъ Предсѣдателемъ Сумцовъ былъ обращенъ къ Ея Высочеству, Дочери Вел.Князя, присутствію, которой при вторичномъ полученіи нами знамени явилось какъ бы благословеніемъ съ того свѣта ея покойнаго Отца, изъ рукъ котораго сорокъ шесть лѣтъ тому назадъ мы получили это знамя впервые. Княжнѣ были поднесены двѣ фотографіи: на одной изображенъ моментъ передачи знамени Великимъ Княземъ директору корпуса — генералу А.М.Саранчову, а на другой снятъ первый парадъ корпуса со знаменемъ.

На молебнѣ и обѣдѣ присутствовала супруга лица, самоотверженно привезшаго знамя и, по предложенію того же предсѣдателя, всѣ Сумцы, подходя къ ней съ привѣтствіемъ, просили передать ея мужу ихъ восхищеніе его поступкомъ и глубочайшую признательность. Тосты чередовались съ чтеніемъ поздравленій, полученныхъ изъ другихъ городовъ и странъ. Было оглашено стихотвореніе "НАШЕ ЗНАМЯ", сочиненное кадетомъ 4-го выпуска Е.Р.Кравченко и посвященное однокашникамъ. (См.стр.18).

По окончаніи официальной части пѣлись кадетскія пѣсни, включая и знаменитую "Звѣриаду". Уѣзжавшимъ дамамъ были поднесены цвѣты и у всѣхъ на груди красовались изящные бѣлые погончики Сумскаго Корпуса, любезно сдѣланные женой одного изъ кадетъ.

Согласно полученныхъ отзывовъ, праздникъ произвелъ на всѣхъ весьма отрадное впечатлѣніе.

В.А.Вержовецкій.

26 сент.
9 окт.

1931г.

С.Ш.А.

Ваше Превосходительство
Дорогой Андрей Михайлович,

Сегодня, празднуя тридцать первую годовщину основанія корпуса, мы, какъ всегда, собрались, чтобы провести этотъ день въ воспоминаніяхъ о минувшихъ кадетскихъ годахъ. Изъ письма "Сумца", помѣщеннаго въ журналъ "Часовой", мы узнали, что исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня производства Васъ въ офицеры, и о томъ славномъ пути, который пройденъ Вами за этотъ періодъ. Не могутъ быть забытыми свѣтлые и радостные дни нашего дѣтства, проведенные въ стѣнахъ родного корпуса, возглавлявшагося Вами, тѣ дни, когда подъ сѣнью сѣлаго Сумскаго знамени, твсрилось великое національное дѣло — воспитаніе русскаго офицера. Добрыя сѣмена, посеянная Вами, не заглохли — въ мысляхъ и сердцахъ нашихъ мы продолжаемъ хранить дорогіе образы своихъ воспитателей и ихъ завѣтъ, и мы вѣримъ, что не далекъ часъ освобожденія Россіи, которая достойно оцѣнитъ труды людей, отдавшихъ на служеніе ей не только все свое здоровье и силы, но и жизнь своихъ сыновей, какъ это сдѣлали Вы. Пусть хоть нѣкоторымъ удовлетвореніемъ будетъ Вамъ сознаніе, что нѣтъ ни одного кадета Сумскаго корпуса, который не вспоминалъ бы съ благодарностью, уваженіемъ и любовью имя своего дорогого директора. Принося ко дню Вашего юбилея сердечныя поздравленія, мы молимъ Бога даровать Вамъ силу и здоровья перенести всѣ тяжести и невзгоды, несправедливо выпавшія на Вашу долю, и счастливо дожить до того свѣтлаго времени возрожденія Отечества, въ скоромъ пришествіи котораго мы такъ твердо увѣрены.

Глубоко уважающіе и любящіе Васъ Ваши Сумцы:

Вержховацкій, Есиповъ, Трифоновъ, Орловъ, Венедиктовъ,
Петровъ, Леоминъ, Писанко, Никуличевъ, Гроздовъ,
Бирюковъ, Дмитриевъ.

8/21 ноября 1931г.

Парижъ. Франція.

Дорогіе мои Вержховацкій, Есиповъ, Трифоновъ,
Орловъ, Венедиктовъ, Петровъ, Леоминъ, Писанко, Нику-
личевъ, Гроздовъ, Бирюковъ и Дмитриевъ

До глубины души растрогали Вы меня своимъ письмомъ и тѣми добрыми чувствами и словами, съ которыми Вы ко мнѣ обратились. Отъ всего сердца спасибо Вамъ за Ваше поздравленіе и за добрыя пожеланія. Въ нашемъ эмигрантскомъ положеніи, конечно, не до празднествъ, а потому я скрываю даже отъ близкихъ, что въ Августѣ исполнилось 50-лѣтіе моего пребыванія въ офицерскихъ чинахъ, тѣмъ болѣе, что не хотѣлъ никого беспокоить своимъ юбилеемъ. Но 8-го августа здѣсь чествовали съ 50-лѣтіемъ генерала Юденича, и черезъ него открылось, что я его товарищъ по училищу и академіи, а слѣдствательно, что и я юбиляръ. На этомъ собраніи присутствовалъ одинъ изъ нашихъ кадетъ полк. Кравченко (вып. 4-го), и онъ неожиданно для меня помѣстилъ въ "Часовомъ" замѣтку обо мнѣ, весьма и даже слишкомъ лестную. Изъ "Часового" узнали кадеты и начали меня поздравлять. Такъ

пришелъ и Вашъ привѣтъ, глубоко меня растрогавшій. Велико Вамъ спасибо за Вашу слишкомъ высокую оцѣнку моей дѣятельности. Съ своей стороны скажу, что наши кадеты мнѣ эту дѣятельность очень облегчали. Я хорошо знаю кадетъ другихъ корпусовъ и смѣло могу утверждать, что по сравненію съ ними наши кадеты были гораздо мягче, добрее и послушнее, а потому намъ неизмѣримо легче было справляться, чѣмъ съ другими кадетами. Высокая порядочность и отличный духъ нашихъ кадетъ сказался и въ томъ отношеніи, которое они теперь ко мнѣ проявили. Мнѣ вѣдь семидесятый годъ, нахожусь я не у дѣлъ и потому не могу уже быть кому либо полезнымъ, но тѣмъ не менѣе всѣ кадеты меня вспоминаютъ и благодарятъ за прошлое. А чувство безкорыстной благодарности и признательности свойственно только людямъ съ благороднымъ сердцемъ. Если Вы меня благодарите за прошлыя о Васѣ заботы, то и я благодарю Васъ за то, что Вы были славными, добрыми и отзывчивыми юношами, понимавшими, что Вамъ желаютъ только добра. Я сохраню навсегда самыя лучшія воспоминанія о нашемъ корпусѣ и нашихъ кадетахъ. Могу только душевно скорбѣть, что такъ много отличныхъ юношей погибло за эти годы, но горжусь тѣмъ, что никто изъ нихъ не осрамилъ своей Родины и своего Корпуса. Рѣдкая, впрочемъ, семья не пострадала въ своемъ составѣ за эти годы, и у меня не стало трехъ старшихъ сыновей, что особенно тяжело переносить въ старости. Но если много нашихъ хорошихъ кадетъ погибло, то оставшимся надо сомкнуть ряды и продолжать бодро идти впередъ. Пусть это будутъ не только хорошія слова, но и самая дѣйствительность. Какъ бы ни было плохо, не отчаивайтесь, помогайте другъ другу, потому что "претерпѣвый до конца спасенъ будетъ" и помните, что Ваши силы и знанія еще понадобятся Россіи! Эта минута возвращенія въ Россію настанетъ еще, а потому берегите себя и свою русскую душу для будущей самоотверженной работы на пользу Россіи. А за Вашъ искренній, идущій отъ сердца привѣтъ и добрыя пожеланія я всѣхъ Васъ сердечно благодарю и мысленно всѣхъ крѣпко обнимаю.

Письмо Ваше буду хранить, какъ лучшую награду. Дай же Богъ Вамъ здоровья и счастья.

Любящій Васъ А.Сараңковъ.

Здѣсь на праздникъ были: Ненадкевичъ (2 вып.), Кравчанко, Шапошниковъ, Толоконниковъ (4 вып.), Бирюковъ (5 вып.), Алексѣевъ (6 вып.), Култашевъ и Гончаровъ (7 вып.), Антсненко (8 в.) Кречницкій, Мегеровскій и Максимовичъ (9 вып.), Бедосѣевъ (10 вып.), Геруловъ и Кончевъ (II вып.), Игнатовичъ, Артамоновъ и Кобрановъ — послѣдняго выпуска.

КАДЕТУ .
(Сонетъ)

Хоть мальчикъ ты, но сердцемъ сознавая
Родство съ великой воинской семьей,
Гордися ей принадлежать душой;
Ты не одинъ — орлиная вась стая!

Настанетъ день и, крылья расправляя,
Счастливые пожертвовать собой, —
Вы ринетесь отважно въ смертный бой.
Завидна смерть за честь родного края!

Но подвиги и славныя дѣла
Свершатъ лишь ты, въ комъ доблесть расцвѣла:
Ей нуженъ трудъ, и знанья, и усилья.
Чтобъ могъ и ты, святымъ огнемъ горя,
Стать головой за Русь и за Царя, —
Пускай твои растутъ и крѣпнутъ крылья.

Воронежъ-Вольскъ, II марта 1909г.

К.Р.

Ю Н К Е Р У
(Сонетъ)

Ты — что разсвѣта вѣшняя заря:
Минула ночь, до дня еще далеко,
Какъ утра блескъ твое сияетъ око
Рѣшимостью и удалью горя.

Миръ тѣсенъ для тебя: вдаль за моря
Стремишься ты, за облака высоко,
И радъ сражаться съ недругомъ жестоко
За Родину, за Вѣру, за Царя.

Повѣтъ лѣто за весной прекрасной,
О, встрѣтъ его, храня душою ясной
Отвагу, доблесть, мужество и честь,
Чтобы съ закатомъ осени холодной
До зимней тьмы стезею благородной
Свѣтильникъ правды и добра донести.

Полоцкъ, 6 декабря 1910г.

К.Р.

КАДЕТСКАЯ ПѢСНЯ.

Дружно, кадеты, строимъ сомкнитесь,
Смѣло мы грянемъ пѣсню свою...
Всѣ мы готовимъ себя на служенье
Славной Отчизнѣ, Отчизнѣ родной!
Время наступитъ, — по Царскому слову —
Станемъ подъ сѣнью мы Русскихъ знаменъ
За вѣру, за славу Руси Святой
Биться до смерти мы будемъ съ врагомъ!
Помню, какъ въ Корпусъ, въ путь далекий,
Мать провожала меня...

"Сынъ мой, учись; молись за царя!"
 Горячо повторяла она.
 "Будь Государю ты вѣрнымъ слугой!
 "Твердо за Вѣру, за Родину стой!
 "Смерть за Отчизну — завѣтная доля!..." —
 Такъ говорилъ мнѣ мой старый отецъ.
 Дружнымъ, кадеты, строимъ сомкнитесь,
 Смѣло мы грянемъ пѣсню свою...
 Всѣ мы готовимъ себя на служенье
 Славной Отчизнѣ, Отчизнѣ родной!.

ПѢСНЬ ДВОРЯНСКАГО ПОЛКА.

Братья! Всѣ въ одно моленье
 Души русскія сольемъ,
 Нынѣ день поминовенья
 Павшихъ въ полѣ боевомъ.

Но не вздохами печали
 Память храбрыхъ мы почтимъ:
 На нетлѣнные скрижали
 Имена ихъ начертимъ.

Вотъ такимъ дѣяпаньемъ
 Царь—Отецъ намъ повелѣлъ
 Сохранять воспоминанья
 Православныхъ ратныхъ дѣлъ.

Вотъ нетлѣнные уроки
 Братья! Мы ли не поймемъ?
 Къ этимъ строкамъ — новы строки
 Мы не всѣ ли принесемъ?

Братья! Всѣ въ одно моленье
 Души русскія сольемъ.
 Нынѣ день поминовенья
 Павшихъ въ полѣ боевомъ.

"Дружнымъ, кадѣтъ, строемъ сомкнитесь

НАШЪ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

Все старое поколѣніе кадѣтъ и юнкеровъ хранитъ свѣтлую память о своемъ Августѣйшемъ Генераль-Инспекторѣ военно-учебныхъ заведеній Великомъ Князѣ Константинѣ Константиновичѣ.

За время его пребыванія на этомъ посту (1900-1915) дѣло образованія и воспитанія кадѣтъ и юнкеровъ было поднято на очень высокую степень, ибо Великій Князь окружилъ себя не только выдающимися военными педагогами, какъ въ своемъ Управленіи, такъ и на должностяхъ директоровъ кадетскихъ корпусовъ и начальниковъ военныхъ училищъ, но и самъ всей душой отдался дѣлу воспитанія и образованія военной молодежи. Всѣ мы помнимъ, какъ мы были обставлены во всехъ отношеніяхъ въ своихъ корпусахъ и училищахъ, какъ насъ обучали, и какъ о насъ заботились. Результаты этой долготѣльной работы Великаго Князя оправдываются службой и честнымъ выполненіемъ долга многихъ сотенъ Русскихъ офицеровъ прошедшихъ подъ его руководствомъ подготовку въ корпусахъ и военныхъ училищахъ.

Помимо своего организаторскаго и военно-педагогическаго таланта, Великій Князь, какъ отецъ любилъ свою молодежь и заботился о ней безпрестанно. Его ласковое отношеніе, его доброжелательность и справедливость хорошо извѣстны намъ всѣмъ. Посѣщеніе Великимъ Княземъ кадетскихъ корпусовъ и военныхъ училищъ было настоящимъ праздникомъ и радостью для нихъ. Нашъ Августѣйшій Начальникъ обладалъ исключительной памятью и узнавалъ своихъ бывшихъ воспитанниковъ много лѣтъ спустя по окончаніи ими учебныхъ заведеній. Хорошо извѣстна также его терпимость къ малоуспѣвающимъ, а также и къ тѣмъ, кто отличался "громкимъ поведеніемъ и тихими успѣхами". Только крайнія обстоятельства побуждали Великаго Князя принимать въ отношеніи ихъ рѣшительныя мѣры. Кроме этого, Великій Князь всегда шелъ навстрѣчу неимущимъ, желающимъ опредѣлить своихъ дѣтей на ученіе за казенный счетъ.

Можно совершенно опредѣленно сказать, что Великаго Князя всѣ мы горячо любили. Свою связь съ нами онъ закрѣпилъ еще тѣмъ, что всѣ его сыновья были кадетами разныхъ корпусовъ, а въ дни первой мировой войны и во время смуты, они раздѣлили участь постигшую офицеровъ и военную молодежь: юнкеровъ и кадѣтъ.

Великій Князь извѣстенъ также своимъ широкимъ образованіемъ и тѣмъ, что онъ былъ большой поэтъ. Его замѣчательное и единственное въ своемъ родѣ произведеніе "Царь Іудейскій" и многія стихотворенія хорошо извѣстны всѣмъ культурнымъ людямъ, не только въ Россіи, но и за рубежомъ. Всѣ свои произведенія онъ скромно подписывалъ двумя буквами: "К.Р." - Константинъ Романовъ. Въ своихъ произведеніяхъ Августѣйшій поэтъ затрагивалъ разные явленія въ жизни, но всюду сквозила его глубокая религиозность, любовь къ Отечеству, къ природѣ, ко всему прекрасному. Среди этихъ произведеній есть нѣсколько, въ которыхъ Великій Князь выражаетъ свой взглядъ на основы воинскаго воспитанія въ разныхъ его этапахъ: кадетскій корпусъ, военное училище и полкъ. Къ первымъ двумъ относятся его сонеты: "Кадѣту", "Юнкеру", а къ послѣднему стихотворенію "Полкъ", которое стало корпусной пѣсней Русскаго, его имени кадетскаго корпуса въ Югославіи. То, что проводилъ въ жизнь Великій Князь, какъ Генералъ

Инспекторъ военно-учебныхъ заведеній, было передано въ поэтической формѣ К.Р.

Въ сонетъ "Кадету" Великій Князь напоминаетъ, что ихъ "орлиная стая", что они будутъ "счастливы пожертвовать собой"
 "Вы ринетесь отважно въ смертный бой.
 Завѣтна смерть за честь родного края".

Россійскіе кадеты съ честью выполнили этотъ завѣтъ своего Великаго Князя, какъ въ I-ую мировую войну, такъ и въ дни смуты и послѣдующія войны. Въ этомъ сонетѣ Великій Князь указываетъ и путь, по которому должна "расцвѣсть и доблестъ":

"Ей нуженъ трудъ, и знанья и усидья,
 "Чтобъ могъ и ты, святымъ огнемъ горя, —
 "Стать головой за Русь и за Царя!"

Такимъ образомъ кадету надлежитъ быть вѣрнымъ Царю и Отечеству, постигнуть необходимыя науки и развивать въ себѣ доблестъ...

Въ сонетѣ "Юнкеру" — Великій Князь говоритъ уже о "рѣшимости и удали" и повторяетъ главный девизъ, на которомъ держалась Великая Имперія:

"И радъ сражаться съ недругомъ жестоко
 "За Родину, за Вѣру, за Царя"...

Дальше онъ наставляетъ юнкера:

".....храня душою ясной —
 "Отвагу, доблестъ, мужество и честь"

чтобы

"Стезю благородной
 "Свѣтильникъ правды и добра донести"...

Какія прекрасныя слова, полныя глубокаго смысла, несказанной красоты и національнаго, чисто Русскаго, проникновеннаго значенія.

Великій Князь и какъ Начальникъ и какъ русскій поэтъ-патріотъ проводитъ въ жизнь однѣ и тѣ же основы.

Интересно отмѣтить, что первый сонетъ написанъ въ 1909г. въ Воронежѣ и Вольскѣ, второй — въ 1910г. въ Полоцкѣ, т.е. въ городахъ, гдѣ были кадетскіе корпуса. Очевидно, что служебная поѣздка вдохновляла Августѣйшаго поэта.

Послѣдній этапъ — полкъ:

"Нашъ полкъ — завѣтное, чарующее слово
 "Для тѣхъ, кто смолоду и всей душой въ строю".
 Именно: "завѣтное, чарующее слово", и Великій Князь, самъ испытывавшій на себѣ чары родного полка и Измайловцевъ, которыми онъ командовалъ, правильно опредѣляетъ, что полкъ —
 "знаменуетъ братство и семью".

Далѣе вдохновленный поэтъ говоритъ о знамени, олицетворяющемъ полкъ:

"О, знамя ветхое, краса полка родного,
 Ты славой бранно ввѣчанной въ бою,
 Чье сердце за твои лоскутья не готово
 Всѣмъ благо позабыть и жизнь отдать свою!?"

Сколько разъ доказали воспитанники кадетскихъ корпусовъ и военныхъ училищъ — какъ они были готовы

".....и жизнь отдать свою"...

Полкъ, какъ конечная цѣль стремленій кадета и юнкера, по словамъ поэта:

".....учитъ насъ безропотно терпѣть лишенья
 и жертвовать собой въ пылу святого рванья".

"Все благородное: отвага, доблесть, долгъ,
 "Лихая удаля, честь, любовь къ Отчизнѣ славной,
 "Къ великому Царю и вѣрѣ православной, —
 "Въ единомѣ словѣ томѣ сливается — нашъ полкъ"

Кто прошелъ всѣ ступени, отъ кадетской скамьи до полка, тотъ знаетъ, что поэтическое творчество Великаго Князя соотвѣтствовало основамъ нашего воспитанія и, какъ теперь принято говорить — нашей идеологiи.

Великій Князь — нашъ начальникъ, отецъ кадетъ и юнкеровъ и вдохновенный поэтъ... Да будетъ вѣчна память о немъ и о его дѣянiяхъ на благо нашей Великой Родины.

Невольнo вспоминается приѣздъ Великаго Князя въ нашъ корпусъ въ 1907 году, когда онъ привезъ намъ Высочайше пожалованное знамя... Это было время, когда родной Корпусъ существовалъ первый годъ со всѣми семью классами и готовилъ свой первый выпускъ.

На плацу I-й и 2-й ротъ состоялась торжественная церемонiя прибавки знамени, врученiя его Директору Корпуса и прине-сенiе присяги — первой присяги — кадетами... Громко звучали грозныя статьи стараго регламента о наказанiяхъ за важнѣйшiя военскiя преступленiя, и звонкiе голоса кадетъ четко произносили слова нашей прекрасной военной присяги...

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ...

Послѣ перехода Перваго Русскаго Вел.Кн.Константина Константиновича Кадетскаго Корпуса изъ Сараево въ Бѣлую Церковь, Сумское знамя замѣняетъ "Запрестольный Образъ" въ церкви этого корпуса. Сумскiе кадеты въ САШ прилагаютъ всѣ усилiя, чтобы вырвать родное знамя изъ ставшей коммунистической Югославии. Послѣ долгихъ мѣсяцевъ это имѣ, съ Божiей помощью, удается. Наша святыня находится въ САШ, въ рукахъ нашихъ кадетъ. Если многiе Сумскiе кадеты умирали за свое знамя, то нѣкоторые изъ оставшихся въ живыхъ приложили всѣ усилiя, чтобы его спасти и достойно хранить.

Нашъ Великій Князь былъ бы доволенъ своими Сумцами. Говоримъ это съ гордостью, потому что нашлись наши кадеты, которые на дѣлѣ доказали свою любовь къ знамени и вѣрность ему.

Мысленно склонимъ наше знамя и помянемъ горячей молитвой нашего Вождя, Государя Императора... И такъ же горячо помолимся о нашемъ незабвенномъ Великомъ Князѣ.

"Братья, всѣ въ одно моленье
 Души Русскiя сольемъ..."

Германiя.

Е. Кравченко IV вып.

ПАМЯТИ ДОБРАГО ВОСПИТАТЕЛЯ.

Къ началу учебнаго 1902 года третье отдѣленіе второго класса получило воспитателемъ только что пріѣхавшаго изъ Петербурга, по окончаніи педагогическихъ курсовъ, капитана Александра Николаевича Фонтъ-Зауервейдт. Небольшого роста, слегка прихрамывающій, лысый, съ маленькой "николаевской", уже сѣдѣющей бородкой, онъ обладалъ мягкимъ характеромъ и необыкновенной добротой. Кадетамъ новый воспитатель понравился и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, они сразу же "сѣли ему на шею". На его дежурствахъ вся рота вела себя особенно шумно и рѣзко, но всѣ продѣлки озорныхъ кадетъ сходили легко, никто наказанъ не бывалъ. Какъ-то разъ Александръ Николаевичъ забылъ свое пальто около конторки, за которой обычно сидѣлъ во время вечернихъ занятій. Минутъ черезъ десять приходитъ въ классъ посланный имъ служитель и громко спрашиваетъ: "Гдѣ тутъ лежитъ пальто капитана Разердѣва?" Неожиданно услышавъ такое невѣроятное искаженіе фамиліи своего воспитателя, классъ на мгновеніе притихъ, а затѣмъ разразился громовымъ смѣхомъ и дикими воплями одобренія, которые сразу привлекли вниманіе дежурнаго офицера, появившагося въ дверяхъ. Эта новая фамилія была немедленно же записана на классную доску и долгое время поддерживала общее веселое настроеніе. Въ томъ же году капитанъ Фонтъ-Зауервейдтъ былъ произведенъ въ подполковники, и надо было видѣть восторгъ кадетъ, узрѣвшихъ своего воспитателя въ новенькихъ штаб-офицерскихъ погонахъ, да еще и шпорами. Едва дождавшись конца занятій, всѣ бросились изъ класса въ залъ и съ криками "ура" стали его качать. Въ суматохѣ у Александра Николаевича оборвалась одна изъ прибитыхъ шпоръ и со звономъ покати-лась по паркету. Началась погоня — каждому хотѣлось завладѣть шпорой, которая подъ ударами ногъ кадетъ, бросившихся ее поднимать, летала отъ стѣны къ стѣнѣ, пока не превратилась въ безформенную фигуру, торжественно возвращенную ей растерявшемуся владѣльцу.

Въ срединѣ 1904 года намъ пришлось расстаться съ Александромъ Николаевичемъ. По семейнымъ обстоятельствамъ онъ былъ переведенъ въ Петербургъ во 2-й кадетскій корпусъ. Безконечныя шалости и проказы дѣтей не поколебали его добраго и сердечнаго къ нимъ отношенія, и вотъ, накануне отъѣзда, онъ роздалъ своей первой ротѣ листки съ напечатаннымъ на нихъ стихотвореніемъ, сочиненнымъ имъ специально къ этому случаю:

Мнѣ грустно съ вами расставаться,

Я васъ такъ искренно любилъ,

Вамъ остается постараться,

Чтобъ память я о васъ хранилъ.

Вы, молодое поколѣнье,

Учитесь вѣрить и терпѣть,

Пройдутъ года, пройдетъ ученье,

На васъ мы будемъ всѣ глядѣть.

Здоровье, честь оберегайте,

Труда не бойтесь никогда,

Всего дурнаго избѣгайте,

И въ Бога вѣруйте всегда.

Пусть стѣны корпуса Сумскаго

Изъ васъ героевъ создадутъ,

И для Отечества роднаго

Васъ къ славы вѣщамъ превратятъ!

Неизвѣстна судьба, выпавшая на долю добрейшаго подполковника "Разердѣва". Подсчетъ лѣтъ говоритъ за то, что его уже нѣтъ среди живыхъ, но свѣтлая память о немъ всегда будетъ жить въ сердцахъ его бывшихъ воспитанниковъ.

Всеволодъ Вержовецкій
III выпуска.

ПОСТАРАЕМСЯ, ГОСПОДИНЪ ПОЛКОВНИКЪ!

Сумскій корпусъ, пожалуй, былъ единственнымъ изъ всѣхъ корпусовъ, который имѣлъ столько земли: пятьдесятъ десятинъ, считая и роскошный паркъ, выходящій на рѣку Пселъ. Однако, въ этотъ паркъ ходить разрешалось рѣдко, да и то лишь подъ наблюдениемъ воспитателя, обычно предупреждавшаго о правилахъ, которыя необходимо строго соблюдать при гуляніи. На этотъ разъ передъ построеной для выхода въ паркъ первой ротой появился ея новый ротный командиръ Полковникъ Иванъ Андреевичъ Котроховъ, онъ же и главный математикъ въ корпусѣ. Въ свое время полковникъ Котроховъ окончилъ геодезическое отдѣленіе при Академіи Генеральнаго Штаба и отличался многими странностями, которыя кадеты ему охотно прощали, считая ихъ признакомъ большой учености. Не даромъ же про это геодезическое отдѣленіе говорили, будто обучаются на немъ всего два человѣка въ году, причемъ одинъ изъ нихъ обязательно долженъ умереть, а другой сойти съ ума.

Иванъ Андреевичъ остановился передъ строемъ и поздоровался. "Такъ вотъ, господа, началъ онъ, идемъ мы въ паркъ", "Извольте соблюдать правила: по деревьямъ не лазать; цвѣтовъ не рвать, кустовъ не ломать, къ водокачкѣ и къ водѣ близко не подходить и, главное, черезъ чужіе заборы не перелѣзть!" Рота дружно и по правиламъ устава отвѣтила: — "Постараемся, господинъ полковникъ!" Тутъ всѣ обратили вниманіе, что Иванъ Андреевичъ глубокомысленно приложилъ указательный палецъ ко лбу, наклонилъ голову и задумался. Затѣмъ, сдѣлавъ шага четыре вдоль строя, остановился, развелъ руками, хлопнулъ себя по бокамъ, снова приложилъ палецъ ко лбу и раздѣльно по слогамъ произнесъ: — "Не по-ни-маю!" "Вотъ, предположимъ, передъ нами стоитъ заборъ", и онъ взглянулъ на стѣну съ окнами, выходящими на внутренній плацъ, — "понятно! Вотъ подхожу къ этому забору" — и онъ подошелъ къ стѣнѣ, — "тоже понятно! Теперь; подойдя къ забору, я начинаю стараться черезъ него не лѣзть... Вотъ это уже не понятно!" И онъ въ недоумѣніи развелъ руками. — "Я не могу уяснить, какъ это можно стараться не лѣзть черезъ заборъ. Стараться лѣзть — понятно; стараться не лѣзть — не понятно!"

Затѣмъ, сдѣлавъ еще нѣсколько неопредѣленныхъ и слегка выражающихъ безнадѣжность движеній руками, онъ снова обратился къ строю: "Ну, ладно, господа, — сказалъ онъ, — какъ въ математикѣ, приметъ на вѣру, что даже невозможное иногда считаемъ возможнымъ. Хочу вѣрить, что вы и въ самомъ дѣлѣ сможете стараться не лѣзть черезъ заборъ". — "Рота, на пра-во! шагомъ — марш!"

Вс.В. III выпуска.

КОМИТЕТЪ СЪ БОРОДКОЙ

Большой рекреационный залъ Первой роты съ самаго утра заполненъ родителями и родственниками, которые съ разныхъ концовъ Россіи пріѣхали и привезли своихъ дѣтей, готовящихся стать кадетами и впоследствии офицерами нашей славной арміи. Въ классахъ идутъ безъ перерыва испытанія по разнымъ предметамъ. Поступаютъ малыши, главнымъ образомъ въ первый классъ, и очень рѣдко въ старшіе. Одновременно въ учительской комнатѣ засѣдаетъ комитетъ, окончательно утверждающій судьбу экзаменующагося: "принять" или "непринять". Нѣкоторые посѣтители сидятъ группами и дѣлятся мыслями и впечатлѣніями, другіе, волнуясь, сидѣть не могутъ и ходятъ по длинному залу. Среди публики сразу бросается въ глаза высокая фигура худого старика генерала съ густыми, нависшими на глаза бровями и съ сѣдой клинышкою бородкой. Это — инженерныхъ войскъ генералъ-майоръ Левъ Іосифовичъ Кублицкій-Піотухъ, первый директоръ Сумскаго корпуса. Онъ подходитъ то къ одной группѣ родителей, то къ другой. Однихъ подбадриваетъ, другихъ успокаиваетъ, поздравляетъ выдержавшихъ экзамены. Онъ часто заходитъ въ классы, задаетъ экзаменуемымъ вопросы, участвуетъ въ засѣданіи комитета и контролируетъ его постановленія. Буквально не было мѣста, гдѣ бы его не видѣли безконечное число разъ. Даже лазаретъ многократно посѣщался имъ въ этотъ день, такъ какъ тамъ производился медицинскій осмотръ вновь принимаемыхъ. Но вотъ входитъ въ залъ специально назначенный воспитатель и, среди общаго напряженнаго молчанія, громко читаетъ очередной списокъ только что прошедшихъ испытанія съ резолюціями комитета. Въ числѣ выдержавшихъ называетъ фамилію одного грузинскаго князя, тутъ же присутствующаго, и добавляетъ, что комитетъ рекомендуетъ отцу привезти сына черезъ годъ на вторичное испытаніе, но уже только по русскому языку, такъ какъ изъ-за сильнаго акцента очень трудно разобрать, что говоритъ мальчикъ. Возмущенный князь-отецъ подходитъ къ воспитателю и съ негодованіемъ спрашиваетъ, повышая голосъ: "За чѣмъ я буду брать сына назадъ? Какой-токой акцентъ-макцентъ ему нада? Я сына привезу, ты должна его взять, тебѣ за это мы деньги даемъ! Наше дворянство платитъ! Понимаешь?" Какъ ни уговаривалъ воспитатель взволнованнаго князя, что это является постановленіемъ комитета, которому нужно подчиняться, — ничто не помогало. Князь горячился, но вдругъ, послѣ длительныхъ пререканій, неожиданно смягчившись, спросилъ: "А послушай, душа мой, скажи пожалуйста, это какой такой комитетъ? — съ бородкой?" И онъ движеніемъ пальца въ руки изобразилъ клинообразную бородку директора. Послѣдовалъ взрывъ хохота стоявшихъ близко и слышавшихъ разговоръ. Всѣмъ стало ясно, что подъ руководствомъ такого папаша бѣдному сыну и за десять лѣтъ не удастся осилить русскій языкъ. Объ этомъ происшествіи было тотчасъ же сообщено директору, который приказалъ принять княжескаго сына, но съ условіемъ, что если по прошествіи года онъ не исправитъ своего произношенія, то будетъ исключенъ. Всѣ были довольны такимъ рѣшеніемъ "комитета съ бородкой", а радости стараго князя, расцѣловавшаго воспитателя, не было конца".

Всеволодъ Вержховацкій
III выпуска.

" П О Л В Ъ К А "
(Къ юбилею родного корпуса)

Друзья Сумцы: Въ день юбилея
Сомкнемся дружною семьей,
Надажду чудную лелѣя,
Что юбилей полвѣковой
Не знаменуетъ, что исчезла
Россія, корпусъ дорогой,
И мы еще всѣ соберемся
Своей кадетскою семьей.
Насъ мало. Многіе погибли
Во славу Родины святой,
Но до послѣдней нашей силы
Готовы мы продолжить бой
За тѣ святыя идеалы,
Что воспитали насъ, кадеты!
Мы вѣримъ — кончится ненастье,
И тьму разсвѣтъ яркій свѣтъ,
Кадеты погибшихъ мы помянемъ
Молитвой пламенной своей,
Живые память ихъ прославятъ,
Сомкнутся крѣпче и тѣснѣй.
Презрѣвъ всѣ будничныя бѣды,
И долгомъ воинскимъ горя,
Мы молимъ Бога о побѣдѣ,
И возвращеніи Царя!

Евгеній Кравченко
IУ выпуска

"НЕ ПАДАЙ ДУХОМЪ".

Когда судьба зоветъ къ отвѣту
(Она жестока иногда),
Завѣтъ мой младшему кадету —
"Не падать духомъ никогда":

Не вѣдая путей Господнихъ,
Принять смиренно ихъ должны;
Зимой, спускаясь въ преисподню,
Хранить надежды до весны.

Весна придя, тебя обманетъ
Своей улыбкой на устахъ;
Мечты на лѣто, что настанетъ,
Порою обратятся въ прахъ...

Коли и осень золотая
Тебя разстроитъ невзначай,
На всѣ сомнѣнья, улыбаясь,
"Не падай духомъ" отвѣчай.

Евгеній Долинскій
I выпуска.

Франція.
1951.

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ КОРПУСНОЙ ЖИЗНИ.

Ч е т в е р т а я р о т а

Будучи кадетиками въ младшихъ классахъ, мы часто удивлялись, почему это дежурный по ротѣ воспитатель не въ настроеніи, нервничаетъ, а иногда, по нашему мнѣнію, несправедливо поставитъ "на штрафъ" (смирно на частъ у стѣнки). Вотъ, когда я подростъ и былъ уже "важнымъ фельдфебелемъ" первой роты, то, навѣщая своего брата Николая въ четвертой ротѣ, понялъ, насколько тяжель для воспитателя его дежурный день.

Проходя изъ первой роты внизъ по широкой красивой лѣстницѣ и затѣмъ черезъ обширный вестибюль, гдѣ царствовалъ нашъ красавецъ швейцаръ Осадчій — отставной унтеръ-офицеръ — и гдѣ была такая торжественная тишина, что, казалось, услышишь пролетѣвшую муху, распаживалъ большую рѣзную дубовую дверь, ведущую въ залъ четвертой роты.

Сколько разъ это ни продѣлывалъ, всегда былъ ошеломленъ необыкновеннымъ шумомъ—гамомъ голосовъ, пискомъ, крикомъ и общимъ видомъ "проявленія жизни" забавляющихся малышей.

Головъ не было видно — все это или стояло кверху ногами, или кого-то возили по паркету на спинѣ, задрать ему "салазки", или гдѣ-то съ разгону прыгали черезъ столы, гдѣ-то играли въ "пятнашки". Среди этого бушующаго моря по залу ходитъ впередъ и назадъ фигура дежурнаго воспитателя. Особенно ярко вспоминается громадная фигура полковника Петра Петровича князя Шаховского, которому вся мелюзга была по колѣно. Наэлектризованный какофоніей и дѣлая нужныя замѣчанія, князь иногда выходилъ изъ себя и страшнымъ могучимъ басомъ на когонибудь изъ провинившихся кричалъ: "Слушайся! Иначе, каналья, я тебѣ голову оторрдрву!" Но никакихъ головъ не летѣло, кадетикъ смущенный отходилъ въ сторону, присмирѣвъ на пять минутъ, съ тѣмъ, чтобы, оправившись отъ испуга, снова начать свои подвиги еще съ большей энергіей.

Я, признаюсь, часто, не будучи въ состояніи вынести шума, сокращалъ свой визитъ къ братишкѣ и возвращался къ себѣ въ роту подъ предлогомъ, что надо учить уроки.

Убранство зала 4-й роты рѣзко отличалось отъ такового въ залахъ старшихъ ротъ. Въ первой (строевой) ротѣ въ залѣ на красивыхъ колоннахъ стояли цвѣты (пальмы). Въ одномъ углу стоялъ рояль, въ другомъ биллиардъ, вдоль стѣнъ шахматные столики, вѣнскіе стулья. Кадеты ходили, разговаривая вполголоса, чтобы не мѣшать играющимъ или читающимъ, вали себя степенно. Здѣсь уже, конечно, сказывалось полученное за семь лѣтъ воспитаніе, да и возрастъ кончающихъ корпусъ. Въ 4-й ротѣ стульевъ въ залѣ не было. Въмѣсто нихъ вдоль стѣнъ стояли тяжелыя гладкія скамейки садоваго типа. Ножки скамеекъ были привѣщаны къ полу, чтобы нельзя было черезъ нихъ прыгать, или чтобы изъ нихъ не сооружали путешествующаго по паркету трамвая. Вдоль нѣкоторыхъ скамеекъ стояли длинные столы. — Ну, разъ невозможно было прыгать черезъ скамьи, прыгали черезъ столы!.. На перилахъ лѣстницы, которая спускалась къ выходу на плацъ, были привинчены черезъ каждый аршинъ деревянные шарики, чтобы малыши не устраивали "спуска съ горъ", скользя верхомъ внизъ. Все было предусмотрено и приноврено къ возрасту безпокойныхъ маленькихъ обитателей, полныхъ жизни и энергіи.

Въ 6 часовъ вечера начинались вечернія занятія въ классѣ — приготовленіе уроковъ, — тогда наступала тишина. Въ каждое отдѣленіе приходилъ свой воспитатель, садился позади за свою кафедру-конторку, имѣя всѣхъ передъ собою на виду; просматривалъ отмѣтки, заработанныя на лекціяхъ, кого нужно журилъ, направляя на "путь истинный". Уроки должны были выучены, дисциплина прививалась, молодежь воспитывалась.

Воспитатели и преподаватели.

Составъ ихъ, начиная съ незабвеннаго директора корпуса генерала Андрея Михайловича Саранцова, былъ безусловно первоклассный.

ГЕНЕРАЛЬ САРАНЦОВЪ необыкновенно заботился о воспитаніи кадетъ, объ ихъ бытѣ, вмѣкалъ во все въ корпусѣ, былъ вездѣ-сущъ. Его можно было встрѣтить и въ цейгхаузѣ, и въ кухнѣ и въ лазаретѣ, и въ отдѣльныхъ, дальше расположенныхъ специальныхъ классахъ рисованія, физики, химіи, естественной исторіи; на плацу и даже въ большомъ паркѣ, гдѣ попадали ему въ руки кадеты, устраивавшіе "охоту" за яблоками и грушами.

Зналъ онъ каждого кадета, видѣлъ каждого "насквозь", и столько было замѣчательныхъ случаевъ, что о немъ можно было бы написать цѣлую книгу. Былъ онъ очень подвиженъ, бодръ, суетился, волновался, разносилъ кого нужно, но все это было "съ толкомъ", и воспитаніе молодежи; помимо- офицеровъ-воспитателей отдѣленій, много обязано и ему, какъ общему руководителю. Въ журналѣ О.К.О. "Военная быль" въ статьѣ "Сумцы въ 1918 году", Ген.Саранцовъ очень метко и хорошо охарактеризованъ авторомъ, и я съ наслажденіемъ прочиталъ эти воспоминанія нашего Сумца.

Большимъ уваженіемъ пользовался нашъ корпусный священникъ о.ВАСИЛІЙ ВИНОГРАДОВЪ.

Если воспитатель видѣлъ, что нужно "покрѣпче" пробрать кадета "по хорошему", т.е. повліять не карцеромъ, а на душу юноши, то его направлялъ на "разговоръ" съ о.Василіемъ. Батюшка такъ умѣлъ разговаривать, что каждое его слово западало въ душу не только въ моментъ разговора, но всѣ нравоученія оставались въ памяти и исправляли человека.

На общихъ засѣданіяхъ воспитателей и преподавателей, когда рѣшалась судьба какогонибудь кадета, слабого по ученію или по поведенію, батюшка, по добротѣ сердечной, пользуясь своимъ авторитетомъ, выводилъ, "спасалъ утопающаго", т.к. съ его мнѣніемъ считались, и онъ рѣдко ошибался — кадета, оставшійся въ корпусѣ, поправлялся.

О.Василій, преподавая Законъ Божій кадетамъ отъ перваго до седьмого класса, отлично зналъ каждого своего ученика и часто, бывало, ставилъ хорошія отмѣтки нѣкоторымъ, вообще ихъ не спрашивая въ "четверти". Иногда, пользуясь этимъ довѣріемъ, ученики не были готовы съ заданнымъ урокомъ, закладывая его приготовленіе на слѣдующій разъ. Однажды на урокѣ, спросивъ нѣкоторыхъ учениковъ трудный текстъ изъ катехизиса и получивъ неудовлетворительные отвѣты, Батюшка обратился къ одному отличному ученику, котораго вообще очень рѣдко спрашивалъ, сказавъ: "Ну, юноша, отвѣдь ты, посрами незнающихъ". — Посрамитъ незнающихъ не удалось, т.к. и этимъ ученикомъ урокъ не былъ приготовленъ.. "Ну, юноша", произнесъ Батюшка, "я думалъ, что ты столпъ, а ты просто столбъ! все же я тебя поставлю 12, т.к. завтра ты будешь

все знать"... - приходилось, учить, чтобы не краснеть, если неожиданно вызовут.

На свои уроки о.Василій обыкновенно немного запаздывалъ, т.к. на переѣнкахъ задерживался "разговорами" съ кадетами или воспитателями. Дежурный по классу, стоя у входныхъ дверей, при появлении въ ротномъ залѣ о.Василія, громко предупреждалъ шумѣвшихъ: "Тише, смирно...шпоры!" о.Василій, конечно, это слышалъ и, входя въ классъ, невозмутимо спрашивалъ у дежурнаго: "Ну гдѣ ты видѣлъ, чтобы я носилъ шпоры?"

Иногда, не выучивъ урока, цѣлымъ классомъ обращались къ Батюшкѣ съ просьбой "не спрашивать", цитируя сразу: "Блаженъ, иже скоты милуетъ!", и прося почитать что нибудь намъ изъ Библии, которую Батюшка носилъ съ собою. Согласившись читать, о.Василій всегда начиналъ какъ будто съ случайно открывшейся страницы: "...на кого нужна узда, а на кого и палка"....."кто не бьетъ свое дитя, тотъ его не любитъ"... - при чемъ выразительно посматривалъ на некоторыхъ своими добрыми глазами. Затѣмъ начиналось чтеніе, которое онъ, обладая большой эрудиціей, занимательно растолковывалъ.

Память о нашемъ духовномъ отцѣ останется въ душѣ неизгладимой.

- - - - -

Грозой для кадетъ былъ преподаватель русскаго языка - ТИХОНЪ МИХАИЛОВИЧЪ ВОРОБЬЕВЪ. Онъ былъ очень строгъ, его уроки по грамматикѣ должны были быть выученными "на зубокъ". Въ переѣнку передъ самымъ урокомъ всѣ еще разъ повторяли по тетрадкѣ слова на букву "Ъ", и горе тому, кто хоть одно слово отвѣтитъ не-впопадъ. Бывали случаи, когда весь классъ въ журналѣ получалъ общій "колтъ", жирно проведенный твердой рукой сверху донизу. Зато ученики въ большинствѣ писали грамотно.

Трудно давался русскій языкъ моему однокласснику грузину князю Джавахову. Онъ говорилъ по русски съ сильнымъ кавказскимъ акцентомъ; въ точности какъ выговаривалъ слова, такъ ихъ и писалъ. Слова на Ъ въ особенности были ему трудны. Поправленные листки по диктовкѣ были испещрены краснымъ карандашомъ, а внизу красовалась большая единица съ нѣсколькими минусами.

Будучи оставленнымъ на второй годѣ въ третьемъ классѣ, кн. Джаваховъ перевелся и повторялъ третій классъ въ Тифлискомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Оттуда онъ прислалъ письмо Воробьеву, въ которомъ заявилъ, что Т.М. къ нему "прыдырался", т.к. онъ сей часъ имѣетъ по русскому языку 8 балловъ. Т.М. разсмѣявшись, подчеркнул всѣ ошибки и послалъ письмо Джавахову обратно съ припиской: "Поздравляю съ успѣхомъ, за такую диктовку ты бы у меня получилъ чистую единицу, безъ минусовъ!"

Декламировать стихи передъ Т.М. нужно было съ выраженіемъ. Помню хорошо, на одномъ урокѣ вызванный кадетъ долженъ былъ читать басню, которая начиналась: "Предлинной хворостиной мужикъ гусей гналъ въ городѣ продавать..."

"Предли-и-и-нной хворостиной" - начиналъ кадетъ...

"Стой!" - перебивалъ Т.М. - "не слышу и не вижу, что хворостина длинная? Начинай сначала". -

"Предли-и-и-нной хворост..."

"Нѣтъ! Еще короткая! Длиннѣе растяни! Выше тономъ бери! Сначала!" - были вызваны еще многіе, некоторымъ удавалось изобра

зять хворостину достаточно длинной и довести стихотвореніе до конца передъ расплывшимся отъ удовольствія Тихономъ Михайловичемъ.

— — — — —

Въ старшихъ классахъ русскую литературу преподавалъ г. ЛЕОНИДОВЪ (имени и отчества не помню) — "Русакъ" по прозвищу. Онъ мастерски дѣлалъ разборъ произведеній нашихъ классиковъ, знакомилъ съ сущностью, рассказывая закрывалъ глаза, увлекался, не замѣчалъ звонка при концѣ урока, но увлекался и насъ своими различными опредѣленіями всѣхъ героевъ нашей литературы. Его лекціи во многомъ способствовали общему развитію учениковъ.

Математика, физика, химія въ корпусѣ были поставлены отлично. Г-нъ РОДКЕВИЧЪ (имени и отчества не помню) — преподаватель математики и химіи. Большой знатокъ, строгій, требовательный. "Скорѣе черезъ мой трупъ перешагнете, чѣмъ въ слѣдующій классъ перейдете" — было его любимое выраженіе. Кто переходилъ, могъ быть увѣреннымъ, что подготовленъ больше, чѣмъ въ достаточной степени.

Полковникъ "ИВАНЪ КОТРОХОВЪ" (какъ онъ себя называлъ) — математикъ чистѣйшей воды, былъ "не отъ міра сего". Поглощенный разрѣшеніемъ математическихъ проблемъ, онъ, казалось, въ жизни все остальное ставилъ на второй планъ. Увлекался игрой въ шахматы, и рѣдко кому изъ кадетъ удавалось его побѣдить. Кадеты "математики" и сильные въ шахматной игрѣ пользовались его благосклонностью. Въ послѣдніе годы въ программу корпусовъ въ 7 классѣ было введено "начало высшей математики" — понятіе объ исчисленіи безконечно малыхъ величинъ. Иванъ Николаевичъ такъ блестяще объяснялъ и вкладывалъ эти новыя понятія въ голову, что много облегчалъ работу кадетамъ — молодымъ юнкерамъ — поступавшимъ въ Артиллерійскія и Инженерное Училища, гдѣ математика была однимъ изъ главныхъ предметовъ, и гдѣ сразу предъявлялись большія требованія въ этомъ направленіи.

Въ мое время Иванъ Николаевичъ командовалъ нашей первой (строевой) ротой. Отличался большой пунктуальностью, очень любилъ строевыя занятія; на урокъ "Фронта" донималъ насъ "шагистикой" и "рѣвненіемъ". Ходилъ всегда необыкновенно выпрямившись, высоко держа голову, и главныя его замѣчанія при встрѣчѣ съ кадетами были: "не горбиться!"

По вечерамъ, послѣ общей вечерней молитвы, онъ насъ обычно задерживалъ въ строю. Держалъ подъ мышками толстѣйшія книги, изъ которыхъ вычитывалъ намъ разныя историческія событія или, чаще всего, назиданія. Излюбленныя темы — "о воспитаніи характера" и "о вредѣ куренія" (куреніе въ корпусѣ было запрещено) онъ дополнялъ своими разсужденіями съ самыми забавными заключеніями. Напримеръ: "Карандашъ нужно точить аккуратно, не какънибудь. Будешь плохо чинить карандашъ, будетъ у тебя характеръ неровный; съ неровнымъ характеромъ попадешь въ полкъ, будешь неуравновѣшеннымъ, товарищи любить не будутъ, плохой будешь служака и изъ полка вылетишь!" — Или: "Генералъ Стессель Портъ-Артуръ сдалъ, потому что былъ курильщикъ!"

МАНСВѢТОВЪ (кажется, Иванъ Матвѣевичъ). Кто не помнитъ учителя "Физика Мансвѣтова" — серьезнаго, обильнаго по содержанію труда? По этой книгѣ мы не проходили курса физики (учили по Кра

евичу), т.к. она была обширна для нашей программы, но сам-то автор в физическом классе был на лице. Обладая большими познаниями, подробно и добросовестно трактуя этот серьезный предмет, он особенно ясно нам объяснял все физические законы и демонстрировал разные поясняющие опыты. Физический класс был богато обставлен, и лекции были занимательны. Немного утомительным был своеобразный язык лектора с низшеватыми сложными стилистическими выражениями, к которым нужно было привыкнуть. Например, можно было услышать: "Если ключ бросить в воду, то он подвергнется тонутію"... Кадеты, конечно, придумали веселую версию, изображая лектора на уроке по электричеству: "Если дотронуться до Лейденской банки, то она подвергнется расколотию, а человека постигнет чрезвычайно смертельный исход!"

У Мансветова в физическом классе был помощник-лаборант из семинаристов-неудачников. Держал он при корпусе несколько раз "экстерном" экзамены за 7 классов, но так ни разу и не выдержал. Проваливался чаще всего по русскому языку. Например, в диктовке в одном только слове умудрился сделать три ошибки: слово "объезды" — написал "объетки". Был он атлетического сложения и с такими "нужными" руками, что часто "случайно" давил стеклянные приборы и пробирки.

На одном из уроков, в самый нужный момент при физическом опыте был такой диалог между Мансветовым и помогавшим ему лаборантом:

Мансветов: "Иван Григорьевич, дайте скоренько пробирку и пипетку".

Ив. Григ.: "Какую пипетку?"

Мансветов: "Ну ту, что вы в руках держите!"

Ив. Григ.: "Она уже раздавилась".

Мансветов: "Иван Григорьевич, опять вы пипетку раздавили?"

Конечно, общий хохот и веселья примечания аудитории. Прозвище Ивана Григорьевича было: "Пипетка".

У Мансветова случайно при одном физическом опыте произошел взрыв. После этого, когда на урок выносили на показ какую-нибудь самую безобидную машину, кадеты балаганя, как будто в ужасе, отскакивали к задним партам и кричали: "А взрыва не будет?" — "Да ведь это машина "Атвуда", при чем тут взрыв?" — возмущался лектор.

ПОСЕЛЬСКИЙ — учитель пения, за свой громадный рост прозванный "каланча", приходил в класс со скрипкой, которой он "задавал тон" и под которую пробовал слух и голоса для выбора в пение. При этом выбор вызывал кадет к себе по очереди. Желая быть свободными от пения, многие нарочно воспроизводили звук далеко не в тон, заданному скрипкой. Навозмутимый Посельский (всегда один и тот же жест) поворачивал скрипку кверху спинкой, хлопал по ней смычком и нераспев говорил: "начинаем". Так был в состоянии повторить и до десяти раз пока, наконец, не вытягивал правильный тон у побужденного. Трудно описать, что в это время делалось в классе, и как остальные "аккомпанировали" на перышках, вставленных острием в парту, производя разные дребезжащие звуки...

ПОДПОЛКОВНИК ГОРСКИЙ — Осип Титович (восемь тысяч, по прозвищу), преподаватель естественной истории, ботаники, минералогии. В свое время окончил университет и так и остался, несмотря на военную форму, глубоко штатским. Был добрейшей души

и очень спокойнаго характера. "Естественный классъ" помѣшался въ глубинѣ помѣщенія третьей роты, тежурный воспитатель былъ далеко, и тутъ разыгрывались веселыя сцены.

При входѣ Горскаго въ классъ, ему хоромъ пѣли: "Росемь тысячъ, здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте". — "Ну а гдѣ же рапортъ?" заявлялъ будто бы гнѣвно Горскій. "Восемь тысячъ сердятся, сердятся, сердятся" — продолжалъ хоръ. — "Э! да я же буду принужденъ пожаловаться инспектору классовъ!" — Успокоивъ публику, Горскій читалъ лекцію или декламировалъ заданное. Иногда спрашивалъ, есть ли у когонибудь вопросы и все ли понятно. А здѣсь уже каждый изощрялся, какъ мотъ. Напр., съ наивнымъ видомъ преподносили ему кусокъ сахара, выкрашенный черниломъ и спрашивали: "что это за минеральная разновидность?" Горскій разсматривалъ и совершенно спокойно отвѣчалъ: "Э! да это же сахаръ".

Любили мы съ нимъ иногда выходить въ кадетскій паркъ, гдѣ онъ насъ знакомилъ съ флорой. Сорвантъ доходилъ только до воротъ парка, а затѣмъ разбѣгался во все стороны, и до конца урока трудно ему было когонибудь поймать. Къ концу урока собиравлись вокругъ него, оправдываясь тѣмъ, что искали "лютики", но вмѣстѣ лютиковъ, показывали ему сорную крапиву, рипяхи и самый невѣроятный бурьянъ.

На переходныхъ экзаменахъ въ слѣдующій классъ Осипа Титовича назначали ассистентомъ по географіи. Каждому изъ слабо отвѣчающихъ (плавающему) онъ всегда приходилъ на помощь. Подзывалъ бѣднягу къ нѣмой картѣ, развѣшенной на стѣнѣ, и тихо спрашивалъ, показывая рукой: "Не правда ли, это рѣка Кама?" — "Такъ точно, госп. Полковникъ" — "А неправда ли, это городъ Симбирскъ? а это Уральскій хребетъ?" — "Такъ точно, госп. Полковникъ!" — "Ну, вотъ и хорошо" — и появлялась спасительная шестѣрка.

Конечно, не все воспитатели и преподаватели были "звѣздами", были и несправедливыя и скучныя со своими "от и до" по книжкѣ, но общій уровень былъ высокъ.

"Всякъ куликъ свое болото хвалитъ" . . . , но нельзя безъ чувства благодарности и похвалы ко всемъ воспитателямъ и преподавателямъ вспомнить о своемъ родномъ "молодомъ" корпусѣ, который за короткій срокъ своего существованія успѣхами своихъ кадетъ въ военныхъ училищахъ успѣлъ завоевать себѣ видное мѣсто среди другихъ старыхъ корпусовъ Россійской Имперіи.

Парижъ. Франція.
Окт. 1953г.

Александръ Линицкій
вице-фельдфебель УЦ выпуска

СУМСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУСЪ
(1903 - 1910)
(Глава изъ воспоминаній)

Сумскій кадетскій Корпусъ въ 1903 году состоялъ изъ 4-хъ классовъ: 1-й и 2-й - 2-ая рота, 3-й и 4-й - 1-ая рота и принадлежалъ къ числу "молодыхъ", вновь открытыхъ.

Корпусъ былъ расположенъ въ громадной усадьбѣ, подаренной корпусу мѣстнымъ богачемъ Иваномъ Герасимовичемъ Харитоненко, пожертвовавшимъ еще деньги на постройку великолѣпнаго зданія; все это было сдѣлано съ условіемъ, что корпусъ будетъ всесословный, т.е. не для однихъ дворянскихъ дѣтей, но и для другихъ сословій, на что послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Надо отмѣтить, что И.Г.Харитоненко много сдѣлалъ для благоустройства г.Сумъ, благодарные жители котораго воздвигли ему на главной, Соборной площади памятникъ, конечно, разрушенный въ дни революціи.

Первымъ директоромъ былъ ген.Кублицкій-Піотухъ, переведенный въ послѣдствіи (1905г.) на ту же должность въ Кіевскій Владимірскій Корпусъ.

На его мѣсто вступилъ и оставался до конца существованія корпуса Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіоръ (въ послѣдствіи Генералъ-Лейтенантъ) Андрей Михайловичъ САРАНЧОВЪ, б.командиръ 81-го Апшеронскаго Императрицы Екатерины II полка. Онъ окончилъ Фельдфебелемъ Кіевскій Корпусъ и вышелъ въ Михайловское Артил.училище, но по дорогѣ, прельстившись Первопрестольной, остался въ Александровскомъ военномъ училищѣ, которое окончилъ Фельдфебелемъ и вышелъ въ Лейб-Гвардіи Павловскій полкъ.

Ген.Саранчовъ былъ выдающійся военный педагогъ и воспитатель, высоко поставившій въ корпусѣ ученіе и воспитаніе кадетъ; тщательно подбирая воспитательскій и педагогическій персоналъ. Глубококорелигіозный, высокообразованный и нравственный, онъ требовалъ того же и отъ всего состава Корпуса. Надо отмѣтить, что составъ воспитателей и преподавателей былъ подобранъ очень удачно, и Сумскій корпусъ считался на второмъ, послѣ Кіевскаго, мѣстѣ по постановкѣ образованія и воспитанія. Сумскіе кадеты кончали въ болѣебольшинствѣ хорошо военныя училища, преимущественно спеціальныя, а выходявшіе "на сторону" попадали успешно по конкурсу въ высшія гражданскія учебныя заведенія. Все предметы, кромѣ иностранныхъ языковъ, преподавались очень хорошо, какъ по объему, такъ и по содержанію.

Одѣвали кадеты отлично, но не баловали. Зимой, подѣ лѣтнюю шинель, подшивалась на груди и спинѣ тонкая байка; никакихъ фуфаяекъ, теплыхъ носковъ и пр. мы не носили. Ежедневно утромъ насъ выгоняли, не взирая на погоду, на получасовую прогулку въ однихъ бушлатахъ. Въ спальняхъ, несмотря на наличіе парового отопленія, было не больше 12 градусовъ, и спали мы подѣ однимъ одѣяломъ, на правомъ боку, положивъ руки подѣ голову.

Гимнастикъ и спорту удѣлялось тоже не мало вниманія. Ежемѣсячно производился медицинскій осмотръ. Бдительно также слѣдили за зубами кадетъ, которыхъ зубной врачъ вызывалъ періодически на осмотръ. Въ Корпусѣ былъ отличный лазаретъ. Бѣлье мѣнялось два раза въ недѣлю, а носки и носовыя платки можно было мѣнять каждый день. Наконецъ, ежеднѣвная баня, а лѣтомъ купальня, спеціально построенная на р.Пселѣ. Питали кадетъ замѣчательно. Утромъ чай съ бѣлой булкой и масломъ; завтракъ изъ одного блюда, чая и полтъ бѣлой булки; обѣдъ изъ трехъ блюдъ съ отличнѣмъ квасомъ; и вечерній чай: бѣлая булка съ масломъ, или котлеты, или

полстакана молока. Ржаного хлѣба давалось вволю: сколько съѣшь.

Отличныя высокія и свѣтлыя помѣщенія; частыя прогулки и экскурсіи дополняли картину нашего прекраснаго существованія въ Корпусѣ.

У насъ была замѣчательная двухсвѣтная церковь и чудный Батюшка, настоящій отецъ духовный, священникъ—академикъ РАСИЛІЙ ВІНОГРАДОВЪ, впослѣдствіи послѣдній духовникъ ген.Врангеля.

Въ церкви пѣлъ замѣчательный хоръ подѣ управленіемъ г-на Посельскаго, прозваннаго за свой ростъ "каланчаю". Былъ и свѣтскій хоръ; духовой, струнный и симфоническій оркестры. Послѣднимъ управлялъ еврей Лившицъ. Былъ драматическій кружокъ, часто ставившій серьезныя спектакли (напр., "Ревизоръ" Гоголя). Ставились и музыкальныя пьесы: "Запорожецъ за Дунаемъ", "Наталка Полтавка", "Невольники" и даже часть "Аскольдовой Могилы". Кадеты отпускались и въ городъ на спектакли и концерты, когда пріѣзжали знаменитости: Михайлова, Собиновъ, капелла Славянскаго и др. Нерѣдко у насъ читались лекціи и доклады, а въ строевой ротѣ Директоръ читалъ прекрасныя лекціи по исторіи Русской Арміи.

Въ дни тезоименитствъ Государя Императора, Наслѣдника Цесаревича, въ день Корпуснаго Праздника (26 сентября, Іоанна Богослова) и въ день Георгіевскихъ Кавалеровъ устраивались парадъ, обѣдъ и вечеромъ — концертъ, послѣ котораго балъ. Особенно торжественно отмѣчался Корпусной праздникъ. Всѣ эти развлечения носили полезный характеръ.

День въ Корпусѣ начинался въ 6 часовъ: будили насъ барабаны или рожокъ горниста. Быстро одѣвались, чистили сапоги, обмундированіе, пуговицы, умывались и строились на чай. Утренняя молитва. Въ младшихъ ротахъ дѣлали осмотръ. Послѣ чая прогулка на плацу: 1-я рота со 2-й; 3-ья съ 4-й. Затѣмъ часть "повторенія уроковъ" и уроки: до завтрака три, послѣ завтрака — въ младшихъ ротахъ два, въ старшихъ — три. Обѣдали въ 3½ часа, затѣмъ "свободное время", два часа съ перемѣной "подготовки уроковъ", вечерняя молитва и чай, послѣ котораго желающіе въ 1-й и 2-й ротахъ доучивали уроки до 10-ти часовъ.

Время въ корпусѣ летѣло незамѣтно: мы были очень заняты. Въ старшихъ классахъ помимо шести уроковъ, бывали седьмые какъ напримѣръ, практическія занятія въ химической лабораторіи и т.п.

Воспитывали насъ на священномъ въ тѣ времена девизѣ: "БЕРА, ЦАРЬ И ОТЕЧЕСТВО". Приходится только пожалѣть, что въ старшихъ классахъ и въ военномъ училищѣ насъ не знакомили съ противными Царскому режиму политическими ученіями.

Въ корпусѣ строго преслѣдовались ругань, неряшество, драки, доносы, ложь и, конечно, воровство. Насъ дѣйствительно воспитывали и готовили будущихъ офицеровъ Императорской Арміи.

Баллы за поведеніе ставились такъ: въ 1-мъ классѣ высшій баллъ 6, во второмъ — 7 и т.д., и только въ 7-мъ можно было имѣть 12 балловъ.

Матерная ругань и рукоприкладство карались, особенно въ старшихъ классахъ строго: виновныхъ исключали изъ корпуса съ "волчьимъ билетомъ".

Сумскій корпусъ былъ молодой, въ немъ не было закваски старыхъ корпусовъ, но товарищество было въ своемъ родѣ культomъ. Ябедничество, доносы и подлизываніе жестоко карались самими кадетами, вплоть до "темной", когда "виновнаго" накрывали шинелью и... избивали.

Былъ здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ.

Мы такъ сживались въ отдѣленіяхъ, что къ концу каникулъ, къ огорченію родителей, начинали скучать по своимъ товарищамъ. Какое священное было для насъ это слово "товарищъ", "поганенное" впоследствии революціей...

Пребываніе въ корпусѣ ознаменовалось въ маѣ 1907 г. (когда корпусъ имѣлъ полныхъ семь классовъ) — посѣщеніемъ прибывшаго изъ С. Петербурга съ Высочайше пожалованнымъ знаменемъ Генералъ Инспектора Военно-учебныхъ заведеній Великаго Князя Константина Константиновича.

Происшедшія по этому случаю торжества: парадъ съ первой присягой и прибавкой знамени, концерт-балъ — оставили неизгладимое впечатлѣніе въ душахъ кадетъ, укрѣпивъ еще болѣе ихъ въ реновационныя чувства.

Великій Князь былъ обаятеленъ въ своей простотѣ и заботѣ о своихъ любимцахъ-кадетяхъ. Онъ обладалъ исключительной памятью и узнавалъ многихъ позже, когда они были уже юнкерами и даже офицерами.

Незамѣтно, не оставивъ ни одного темнаго воспоминанія, промелькнули семь лѣтъ пребыванія въ корпусѣ. Наступили тяжелые выпускные экзамены; ихъ было — устныхъ и письменныхъ — до 24-хъ. Постановка обученія и расписание занятій способствовали тому, что пройденное мало забывалось. Были у насъ такъ называемыя "летучки", когда преподаватель, занявъ полчаса на объясненіе урока, неожиданно вынималъ бумагу для письменной работы на только что объясненное. Переходные экзамены изъ классовъ въ классъ играли также важную роль въ этомъ отношеніи. Изъ жизни корпуса можно было бы привести массу примѣровъ, показывающихъ, какъ воспитывали кадетъ.

За рѣдкими исключеніями, воспитатели никогда не ругали и не "умучивали" кадетъ наказаніями, которыя сводились къ слѣдующимъ: для малышей — безъ сладкаго блюда, постановка "на штрафъ" для всѣхъ: безъ отпуска; а для старшихъ еще карцеръ. Самымъ суровымъ наказаніемъ было — сѣзаніе погоня и трапеза за отдѣльнымъ столомъ. Конечно, примѣняли и сниженіе балловъ за поведеніе. Большую роль играли выговоры — персональные и передъ строемъ. Надо сказать, что нашъ "разночинный корпусъ" не клалъ никакой грани между дѣтьми дворянъ и другихъ сословій. Объ этомъ никто изъ кадетъ и не думалъ. Бывали въ младшихъ классахъ недоразумѣнія на "національныя" темы съ довольно многочисленными въ корпусѣ болгарами и грузинами, но это носило дѣтскій характеръ. При переходѣ въ 4-й классъ всѣ воспитатели заявляли намъ, что мы уже "взрослые" и что они будутъ говорить намъ "вы" вмѣсто "ты". Если воспитатель былъ любимъ, то отдѣленіе заявляло "протестъ" и просило говорить "ты". Такъ продолжалось до 7-го кл.!

Приведу нѣсколько эпизодовъ изъ жизни корпуса.

26 ноября 1909 г. Корпусъ выстроентъ для парада по случаю Праздника Георгіевскихъ кавалеровъ. Въ залѣ семьи персонала и делегация отъ 10-го Драгунскаго Новгородскаго Короля Вюртембергскаго полка.

Входитъ директоръ. Строевая рота беретъ "на караулъ", оркестръ играетъ "встрѣчу"... Прекрасное слово Директора о Георгіевскихъ Кавалерахъ и здравіца за Государя Императора. Величественные звуки гимна и громкое "ура" присутствующихъ... Генералъ дѣлаетъ знакъ рукой, все стихаетъ.

"Въ ознаменованіе дня Храбрыхъ" говоритъ онъ, "я вызову нѣкоторыхъ кадетъ для производства въ вице-унтеръ-офицеры".

Кадетъ К. имѣвшій всего 9 балловъ за поведеніе, неожидан но слышитъ свое имя и замечая, тогда какъ другіе вышли впередъ на средину фронта Корпуса...

"Выходите!" — зоветъ Генералъ, "я знаю, что вы не ожидаете произволства, но вы его заслужили за свой воинскій духъ!"

Сконфуженный кадетъ выходитъ и становится передъ строемъ. Гремить дружное "ура!" за новыхъ "унтеровъ"... К. принужденъ вести себя такъ, чтобы имѣть унтеръ-офицерскій баллъ за поведеніе.

Другой эпизодъ. Жара, идутъ выпускные экзамены. "Запретный плодъ сладокъ" и группа кадетъ съ "унтеромъ" К. удираетъ купаться, несмотря на запрещеніе, на соседнюю дачу Богатыревыхъ. Кушанье это было обнаружено Подполковникомъ Элендъ, который прохаживалъ со своими кадетами на прогулку черезъ эту дачу и обнаружилъ въ некоторой части кадетскаго туалета на берегу, тогда какъ "кадетосы" попрятались въ сосну, кто въ кусты... Клеймо на забытомъ вилочкѣ было ясно указывало, что купальщики изъ I-й роты...

На другой день, послѣ утренней молитвы, въ роту вошелъ Генералъ Саранчовъ. Поздоровавшись съ кадетами, онъ обратился къ нимъ со словами:

"Вчера нѣсколько кадетъ удирали купаться на дачу Богатыревыхъ. Кто это сдѣлалъ — три шага впередъ, шагомъ маршъ!"

Все, не сговариваясь предварительна, "отпечатали" три шага и остановились. Въ числѣ купальщиковъ былъ одинъ вице-унтеръ-офицеръ, а среди кадетъ два, Маккавейскій и Сергій Ивановъ, имѣвшіе по 7-ми балловъ за поведеніе. Всякое пониженіе балловъ приводило къ "волчьему билету".

"Нехорошо, — сказалъ Генералъ, — что вы нарушаете мой приказъ, особенно вы, вице-унтеръ-офицеръ! Но за то, что у васъ есть мужество и вы сознались, — я ограничиваюсь арестомъ, а Маккавейскому и Иванову прибавлю по два балла за поведеніе. Къ ведитя всѣхъ въ карцеръ".

К. скомандовалъ и повелъ "команду" въ карцеръ. Пришлось размѣститься по 4-5 человекъ въ карцеръ, но вскоре появился Директоръ и, пожуривъ еще разъ провинившихся, отпустилъ ихъ съ миромъ... Блестящіе приемы воспитанія!

Не могу не упомянуть объ одномъ анекдотическомъ случаѣ. Шли выпускные экзамены. Уже чувствовалась усталость отъ "зубрежки". Въ I-мъ отдѣленіи экзаменъ по "сугубой" химіи. Преподаватель строгій "чистый" математикъ инженеръ М.С. Родкевичъ. Предсѣдатель экзаменаціонной коммисіи Директоръ Корпуса, который "спасаетъ утопающихъ", слабыхъ по математикѣ и химіи кадетъ. Изъ сосѣднихъ отдѣленій пришли кадеты "послушать, какъ спрашиваютъ". Отвѣчаетъ князь Ч. старый кадетъ, переведенный изъ Воронежскаго Корпуса, пробывшій въ двухъ корпусахъ 10 лѣтъ и не отличавшійся способностями, но страшно старательный и чрезвычайный "зубрила". Попался билетъ о граммушемъ газѣ. И, о чудо! Ч. отвѣчаетъ его вполне прилично. Директоръ обращается къ преподавателю: "Михаилъ Федоровичъ? Онъ отвѣчаетъ хорошо, давайте его посадимъ. Выходитъ онъ въ пѣхотное училище и большіе знанія ему по химіи не надо".

"Слушаясь, ваше превосходительство, но разрѣшите задать кадету кн. Ч. еще одинъ вопросъ?"

"Пожалуйста!"

"Скажите, кадетъ Ч. какое вы, помимо граммушаго газа, знае-

те еще гремучее соединеніе?"

Маленькая заминка и... слышится твердый отвѣтъ: — "Гремучья змѣя, г-нъ преподаватель?"

Взрывъ смѣха... Директоръ машетъ рукой... Смѣется даже когда при насъ не смѣявшійся Родкевичъ.

Въ заключительныхъ строкахъ о миломъ родномъ Корпусѣ хочется сказать о нѣкоторыхъ лицахъ изъ его персонала. О Директорѣ, всѣми уважаемомъ и любимомъ, уже говорилось въ очеркѣ. Революція его выбросила за рубежъ; онъ отдалъ Родинѣ трехъ сыновей; павшихъ смертью храбрыхъ на полѣ чести. Послѣдніе годы, сильной нуждѣ, генералъ проживалъ въ Парижѣ, куда приходили к нему его кадеты, по мѣрѣ ихъ "рабочихъ" возможностей. Генералъ никогда не принималъ ничьей помощи. Тяжелый недугъ, какъ жёлудка, унесъ горячо любимаго Директора въ могилу. Какъ стоически чисто по христіански переносилъ онъ незаслуженныя муки и умеръ какъ истый Русскій Генералъ. Его похоронили на Русскомъ кладбищѣ, подъ Парижемъ, скромно, какъ онъ завѣщалъ.

Россія и Армія должны чтить память Генералъ-Лейтенанта Сранчова, давашаго имъ многихъ офицеровъ.

Большую роль въ жизни корпуса игралъ законоучитель и настоятель храма о.Василій Виноградовъ. Его благолѣпное богослуженіе съ прекраснымъ хоромъ — производили всегда сильное впечатлѣніе. По молодости лѣтъ кадеты, конечно, "умничали" и велъ съ Батюшкой "скользкіе" разговоры: га. религиозныя и другія тем Батюшка зналъ, что его "заговаривали" и не умучивалъ кадета своими предметами, особенно зубрежкой текстовъ изъ Катехизиса. Онъ терпѣливо выслушивалъ своихъ "еретиковъ" и неизмѣнно посрамлялъ ихъ своей культурностью и логикой. Кадеты отлично знали какъ о.Василій заступался за нихъ на педагогическомъ совѣщаніи и нерѣдко отстаивалъ кадета, когда онъ былъ одинъ противъ всѣхъ членовъ совѣщанія. Очень часто онъ звалъ кого нибудь и, неожиданно для него говорилъ о совершенномъ имѣ, но неоткрытомъ поступкѣ. Съ большимъ терпѣніемъ и успѣхомъ онъ возился со своими духовными дѣтьми. Особенно памятны его слова: "вотъ вы нѣкоторые думаете, что нѣтъ Бога и не вѣрите въ Него. Подождите не дай Богъ, свиснетъ первая пуля или случится бѣда, — тогда обратитесь къ Нему и повѣрите..." о.Василій скончался вскорѣ послѣ смерти ген.Врангеля, духовникомъ котораго онъ былъ, и похороненъ въ Брюсселѣ.

Не могу не вспомнить, естественно, своего офицера-воспитателя Полковника Евгенія Михайловича Ростовцева: блестящій офицеръ и воспитатель, воплощеніе корректности и справедливости, гармонирующихъ съ его элегантною. Имѣлъ онъ прозвище "пистолетъ", т.е. "тсняга", — на кадетскомъ языкѣ самое лестное прозвище. Любимецъ Корпуса и, конечно, отдѣленія! Дорого ему и его нервы дались 27 характеровъ (по числу кадета въ отдѣленіи) за семь тяжелыхъ лѣтъ... По окончаніи нами корпуса, о перевелся въ 32-й Восточно-Сибирскій Стрѣлковый полкъ (Канскъ, Енисейской губ.) Въ 1920г. онъ былъ еще живъ и проживалъ въ гор.Таганрогѣ. — Зналъ онъ своихъ кадета "насквозь" и индивидуально работалъ надъ каждымъ изъ нихъ, сглаживая и искореняя недостатки. Увѣренъ, что кадета его "Лейб-2го" (какъ они сами себя называли) съ глубокимъ уваженіемъ и любовью вспоминаютъ *своего воспитателя и учителя.*

По воскресеньямъ полагался часъ "общаго чтенія". Съ какимъ умѣніемъ Евгеній Михайловичъ подбиралъ книги для чтенія, преслѣдуя двѣ цѣли: развитіе любовь къ родной литературѣ и воспитать своихъ кадетъ на высокихъ проявленіяхъ Русскаго духа и самопожертвованія...

Кончились тяжелые экзамены. Скромный выпускной обѣдъ въ ротномъ залѣ. Простыя задушевныя рѣчи... Вакансіи въ училища разобраны. Впереди предстояла уже служба!

Прощай родной и незабвенный Корпусъ! Здравствуй, Славная Гвардейская Школа!

Е.Кравченко. IV вып.

Германія.

П Р И З Н А Н І Е .

Въ "Колонномъ" залѣ вальсъ старинный,
На томъ балу, гдѣ въ первый разъ
Сидѣли дѣвицы такъ чинно;
Гдѣ чистѣ былъ смѣхъ лукавыхъ глазъ,
У входа въ залъ, подъ аркой бѣлой,
Среди веселой суаты,
Стоялъ кадетъ, глядя насмѣло
На силуэтѣ своей "мечты".

"Тебѣ одной пою я славу,
Ты для меня и жизнь и свѣтъ,
И этотъ балъ — твоя оправа..."
Такъ думалъ скромный нашъ кадетъ.

"Стою я на порогѣ счастья,
Но никогда бы я не смогъ
Безъ милой нѣжнаго участья
Перешагнуть его порогъ"

"Одинъ среди толпы жестокой,
Одинъ средь пошлости людской
Стою, какъ странникъ одинокій,
Съ больной, измученной душой...."

А скрипки темныя все пѣли,
Вторила имъ віолончель,
И вальса звукъ вливался смѣло
Въ любви восторженной купель.

Какъ все нарядно въ бѣломъ залѣ!
Невольникомъ волшебныхъ чаръ
Все тотъ же съ "ней" кружится въ парѣ
Блестящій "Гродненскій" гусаръ.

"Молился я всей силой страсти:
"Взгляни, родная, пожалѣй..."
И чудо: свѣтлый взгляде участья
Разсѣялъ мракъ души мой".

Затѣмъ на выходѣ "случайно"
Къ ногамъ моимъ упалъ цвѣтокъ...
Его "живымъ" храню я тайно
Средь пожелтѣвшихъ старыхъ строкъ".

"Когда звучитъ тотъ вальсъ старинный,
Видѣнья оживаютъ вновь:

И рядъ дѣвицъ, сидящихъ чинно,
И вѣчно-юная любовь.
"Съ годами все уноситъ Лета,
Но вдругъ причудится мнѣ даль...
Хоть пѣсня лебедя пропѣта,
Жива уснувшая печаль!"

Евгеній Долинскій
I выпуска.

Франція
1953.

ИЗЪ ДАЛЕКАГО И НЕВОЗВРАТНАГО ПРОШЛАГО.

Послѣднія Рождественскія каникулы въ 1914 году я проводилъ въ семьѣ, кадетомъ Сумскаго Кадетскаго корпуса. Уже пятый мѣсяцъ на фронтѣ гремѣли пушки, лилась кровь, и ряды арміи таяли отъ потерь. Ожидался ускоренный выпускъ въ корпусахъ:

На очередь становился вопросъ: куда выходить, т.е. родъ оружія, въ которомъ собирался служить въ дальнѣйшемъ. У меня въ душѣ этотъ вопросъ давно былъ рѣшенъ: въ кавалерію, а затѣмъ въ Павлоградскіе Лейбт-Гусары.

Полкъ былъ мнѣ хорошо знакомъ; я зналъ большинство офицеровъ, имѣ еще сравнительно недавно командовалъ мой отецъ, и я ребенкомъ жилъ въ казармахъ полка. Павлоградцы, столь красиво воспѣтые Л.Н.Толстымъ въ "Войнѣ и Мирѣ" — Ростовы, Денисовы — вышли изъ его рядовъ, и я мальчикомъ мечталъ надѣть его гусарскую форму.

Но это были лишь мечты; для осуществленія ихъ требовалось — для выхода въ кавалерію — письменное согласіе родителей, т.к. жизнь въ кавалерійскихъ училищахъ и дальнѣйшая служба въ конницѣ, накладывали матеріальныя обязательства на семью.

Въ Кіевѣ въ это время лечился только что пріѣхавшій съ фронта и сдавшій свою II-ую Кавалерійскую дивизію мой отецъ. Послѣднее слово въ моей судьбѣ было за родителями. Мнѣ легко удалось получить ихъ согласіе на выходъ въ кавалерію, но съ нѣкоторыми оговорками. Отецъ былъ противъ выхода въ Николаевское Кавалерійское Училище, которымъ онъ всего четыре года назадъ командовалъ, и весь составъ котораго былъ прежній, что повлекло бы всевозможныя снисхожденія ко мнѣ.

Отецъ мой, какъ строгій, принципиальный человекъ и начальникъ, на все смотрѣлъ серьезно и считалъ, что въ жизни все покупается только упорнымъ трудомъ и знаніемъ, а не протекціей.

Онъ мнѣ предложилъ на выборъ: Пажескій Его Величества Корпусъ, въ которомъ мы всѣ братья со дня своего рожденія числились "пажами-кандидатами", по дѣду нашему, или же Елисаветградское Кавалерійское училище, которымъ онъ, правда, въ свое время тоже командовалъ, но около десяти лѣтъ назадъ, и въ училищѣ за это время все успѣло измѣниться.

На выходъ въ дальнѣйшемъ, въ Павлоградскій полкъ, который отецъ очень любилъ, и офицеры котораго много лѣтъ спустя бывали у насъ въ семьѣ, отецъ тоже не соглашался, говоря: "Чудный полкъ, но пьяный, и живя въ провинціи ты легко можешь спиться. Ты выйдешь, если будешь хорошо учиться, въ Лейбт-

Гвардіи Драгунскій полкъ; столичная жизнь имѣетъ свои прелести и отвлечетъ тебя отъ Собранія... Разъ въ Гвардіи я могу содѣлать двухъ твоихъ братьевъ, то нѣтъ основанія, что я не сдѣлаю этого и для тебя...

Итакъ, вопросъ о выходѣ въ конницу былъ рѣшенъ. Радостнымъ съ письменнымъ разрѣшеніемъ отца, я вернулся въ Корпусъ и вручилъ отцовское разрѣшеніе своему Ротному Командиру. Разъ мнѣ предоставлялся выборъ: Пажескій корпусъ или Елисаветградское Кавалерійское Училище, я рѣшилъ выбрать Училище, тѣмъ болѣе, что туда выходили мои друзья, и училище было очень популярно среди Сумскихъ кадетъ. Пажескій же корпусъ, какъ привилегированное учебное заведеніе, не пользовался любовью провинціальныхъ кадетскихъ корпусовъ.

У насъ, въ Сумскомъ корпусѣ, какъ впрочемъ всюду, кадеты мечтали о кавалеріи: форма красивая, жизнь широкая, старыя традиціи — все это искренно привлекало дѣтскія сердца, въ большинствѣ сыновей военныхъ.

Кромѣ того, 10-й Драгунскій Новгородскій полкъ, стоявшій въ нашемъ городѣ Сумахъ, по сосѣдству съ корпусомъ, съ которымъ мы имѣли постоянный контактъ, ибо въ немъ служило не мало бывшихъ нашихъ кадетъ, его парады, смотрн, и вообще вся служба въ этомъ полку развивали и подогрѣвали молодежь, и каждый кадетъ чуть не съ младшихъ классовъ видѣлъ себя на рыжей лошади, въ бѣло-малиновой кирасирской фуражкѣ.

Мечты, въ большинствѣ случаевъ, уступаютъ мѣсто реально-стямъ. Не много счастливицовъ обладало средствами, и въ массѣ кадеты, сыновья скромныхъ армейскихъ офицеровъ, живущихъ на жалованье, и удѣлъ большинства былъ одно изъ пѣхотныхъ училищъ. Наиболее способные и хорошо окончившіе курсы, выходили въ артилерійскія и инженерное училища.

Занятія въ этомъ году шли ускореннымъ темпомъ, были отменены выпускные экзамены, мы разбирали вакансіи по среднему годовому баллу. Въ концѣ апрѣля мы должны были уже покинуть родныя стѣны корпуса, распрощаться съ друзьями, со многими уже на всегда, и въ маѣ мѣсяцѣ явиться въ свой выбранный Училища.

Мнѣ не повезло: въ февралѣ мѣсяцѣ я заболѣлъ въ очень тяжелой формѣ дифтеритомъ и скарлатиной одновременно. Въ корпусѣ въ томъ же году имѣло мѣсто уже нѣсколько заболѣваній и одно смертельнымъ исходомъ. Начальство перепугалось, телеграммой вызвали срочно мою мать изъ Кіева. Болѣзнь протекала бурно, и я нѣсколько дней пролежалъ въ жару безъ сознанія, и появленіе въ стѣнахъ заразнаго лазарета моей матери было для меня неожиданнымъ и радостнымъ. Вскорѣ въ мою палату положили кадета моей роты, но годомъ моложе меня по выпуску, кн. Волконскаго, впоследствии Лейбъ-Гусара, убитаго въ Югославіи.

Когда прошелъ у насъ обоихъ кризисъ, то моя мать и прибывшая княгиня, по очереди днемъ и ночью ухаживали за нами. По нѣсколько разъ въ день насъ навѣщали доктора, и даже какая-то знаменитость была корпусомъ вызвана для консультаціи изъ Харькова. Но молодость, сильный организмъ и прекрасный уходъ сказались быстро. Мы стали оба поправляться, и за мѣсяць до разбора вакансій я уже былъ въ своей ротѣ, зубрилъ, нагоняя по наукамъ потерянное время.

Въ первыхъ числахъ мая мы покинули нашъ любимый Корпусъ, гдѣ дружба, товарищество, взаимная выручка — были основой на-

шей жизни. Мы всё были равны, мы были всё по формѣ одинаково одѣты въ казенное платье. Въ корпусной жизни не имѣло значенія ни происхожденіе, ни матеріальная сторона жизни, мы были почти всё были дѣти Русскаго Офицера, будь то генерала или скромнаго пѣхотнаго штабсъ-капитана, что и подчеркивалось и начальствомъ и товарищами — насъ всёхъ объединялъ "бѣлый погонъ", и мы имѣ гордились...

Съ грустью въ сердцѣ мы покидали Корпусъ, съ которымъ жили, и въ то же время радуясь, что первый этапъ нами пройденъ впереди Училище, "Дѣйствительная служба", а затѣмъ и званіе офицерскіе погоны, война, фронтъ, подвиги — мы вѣдь тогда торопились жить и боялись опоздать....

Ротмистръ Де Виттъ
IX выпуска.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ "СЛАВНОЕ ПРОШЛОЕ"

"С о н е т ы"

Стократъ священъ союзъ
меча и лиры...

Пушкинъ:

О, муза, дай мнѣ вдохновенье
Пугливой рифмою своею
Воспѣть, что было сердцу мило,
Что было жизнью моею...
Быть можетъ, я и ошибаюсь, —
Что въ бездну катится весь міръ...
Но — дай прославить — чѣмъ мы жили:
Родной намъ воинскій мундиръ.

Мелькаютъ дни... Уходятъ въ вѣчность
Искони намъ родная быль...
И день настанетъ, и покроетъ
Ее временъ минувшихъ пыль.
Въ нашъ вѣкъ великихъ потрясеній, —
Міръ, захлебнувшійся въ крови, —
Забывъ о Богѣ и о правдѣ, —
Бредетъ по скользкому пути...
И знаетъ только Провидѣнье,
Что ждетъ заблудшихся людей, —
А боль о прошломъ, невозвратномъ
Сжимаетъ сердце всё сильнѣй.
Быть можетъ, міръ вернется снова
Къ основамъ вѣчной красоты,
И пышной краской развернутся
Какъ прежде, яркіе цвѣты?
Тогда трепещущей рукою
Стряхнутъ съ былого пыль вѣковъ,
И міръ очнется отъ проказы
И мощь вернетъ своихъ основъ.

Глава П.

Сбылись заветныя желанья.
 Былъ въ Корпусѣ я опредѣленъ
 И за стремленье быть кадетомъ
 Судьбою щедро награжденъ.
 Въ средѣ товарищей-кадетовъ
 Промчались чудныя года.
 Основы братства, крѣпкой спайки
 У насъ остались навсегда.
 Доносчикъ, чобѣда, подлиза
 Карались нашею рукой...
 Зачѣмъ скрывать? Была расправа
 Жестокон, яростной порой...
 Но Корпусъ такъ мы полюбали,
 Что на каникулахъ съ тоской
 О немъ не рѣдко вспоминали,
 И возвращались — какъ домой.
 ...Основы долга, дисциплины
 Внушались твердою рукой,
 И былъ всѣмъ дорогъ безконечно
 Кадетскій Корпусъ нашъ Сумской.
 ...Трескучей дробью барабана
 Нашъ начинался каждый день.
 Вставать ужасно не хотѣлось:
 Сковала утренняя лѣнь...
 День начинали мы съ молитвы;
 Затѣмъ въ столовую — чай пить;
 Потомъ уроковъ повторенье,
 Прилежнымъ счастье — зубрить.
 Предметовъ масса. Приходилось
 Ихъ изучать намъ каждый день,
 Пока надъ Сумами спускалась
 Ко сну зовущая насъ сѣнь...
 Конечно, спортомъ увлекались
 Не безъ азарта межъ собой,
 Недурно всѣ мы фехтовались,
 И былъ жестокъ рапирный бой...
 — Намъ закаляли духъ и тѣло,
 Внушали прелесть красоты:
 Театръ, концерты и прогулки,
 А также чудныя балы.
 Кормили сытно и обильно.
 Не распускали теплотой,
 И въ спальняхъ намъ подъ одеяломъ
 Было прохладно, а зимой
 Ходили мы въ шинеляхъ легкиехъ,
 Хотя и былъ жестокъ морозъ...
 И тѣрѣ перчаткой шерстяною
 Кадетъ съ стараньемъ уши, носъ...
 Надѣтъ башлыкъ или наушникъ
 Считалось стыдно и смѣшно...
 И растворяли мы зимою
 Зайндевѣвшее окно...
 Посты и службы выполняли,

И въ церкви строгій былъ укладъ.
 Ахъ, что тайтъ? — не понимали,
 Какой намъ жизнь давала кладъ.
 Намъ говорилъ отецъ Василій:
 "Теперь вамъ всё въ всё нипочемъ,
 "Когда же плохо вамъ придется,—
 "Вы въ горь вспомните своею,
 "Что только жаркою молитвой
 "Себя вы можете спасти,
 "И въ вѣрѣ чистой, православной
 "Души спасеніе найти..."
 Мы часто, позже, вспоминали,
 Какъ правъ духовный былъ отецъ,
 Когда спокойнымъ днямъ и годамъ
 Пришелъ неожиданный вдругъ конецъ...
 — А нашъ директоръ! Нѣтъ кадета,
 Чтобы не вспомнилъ бы о намъ
 Съ любовью, истымъ уваженьемъ,
 Какъ объ отцѣ своемъ родномъ.
 Онъ былъ начальникъ—воспитатель
 Вникалъ повсюду и вездѣ,
 Караль, — и миловалъ съ охотой,
 Въ кадетской былъ любимъ средѣ.
 Нашъ Генералъ былъ патриотомъ
 И въ духъ этомъ воспиталъ
 Немало нашихъ поколѣній,
 И все возможное намъ далъ.
 Былъ онъ достойный подражанья,
 Для насъ — незыблемый примѣръ:
 Считали мы — такимъ быть долженъ,
 Какъ идеальный, — офицеръ.
 — А воспитатель нашъ любимый,
 Семь лѣтъ кумиръ съсикъ кадетъ!
 Недаромъ прозвище носилъ онъ —
 "Полковникъ тонный", "Пистолетъ"...
 — Великій Князь, любимый всеми...
 Счастливой юности пора, —
 Намъ посѣщалъ и, не смолкая,
 Гремѣло радостно — "ура!"...
 При немъ впервые, присягали
 Предъ новымъ знаменемъ своимъ!...
 — А годы мчались... И разстались
 Навѣки съ Корпусомъ роднымъ...
 Прошли экзамены, а съ ними —
 Лѣтъ незабвенная пора...
 "Ура, мы больше не кадеты,
 "А Славной Школы юнкера".

Е. Кравченко
 IV выпуска.

Германія.
 1953.

СВЕТЛО ПАМЯТИ М. П А Р А Ф А .

Въ 1915 или 1916 году къ намъ въ Корпусъ прїѣхалъ съ острова Мариники на мѣсто преподавателя французскаго языка М. Парафъ, бородатый, черныи и ни слова не знавшій по русски, былъ онъ назначенъ преподавателемъ въ 3-й и 4-й классы. Когда онъ первый разъ вошелъ въ классъ, то кадеты, знавшіе его безпомощность въ языкѣ и порядкѣ, подшутили надъ нимъ такъ: Дежурный поднялъ отдѣленіе и подошелъ къ нему съ рапортомъ, какъ полагалось, по французски, а послѣ сталъ читать молитву передъ учениемъ, дальше "Отче нашъ" и еще нѣсколько молитвъ, и такъ растянулъ минутъ на 15-20. Парафъ стоялъ на вытяжку передъ образомъ, кадеты "смиренно" молились, давась отъ приглушеннаго смѣха; такимъ образомъ урокъ былъ изрядно сокращенъ. Немедленно было сообщено во всѣ остальные классы и отдѣленія, гдѣ М. Парафъ принялъ преподаваніе, и тамъ было продѣлано то же съ полнымъ успѣхомъ. Черезъ нѣсколько дней инсп. классовъ полк. генералъ Коншинъ, по прозвищу "шипучій" спросилъ француза, какъ у него идетъ дѣло. "Отлично! Дѣти очень милы, вѣжливы и послушны, но вотъ только не знаю, какъ сумѣю провести полностью курсъ "Что? почему??" — "Да вотъ видите ли, изъ 45 минутъ, данныхъ мнѣ на урокъ, для выполненія программы мнѣ остается мало времени, потому что религіозность, свойственная русскому народу, отвлекаетъ мало времени для прохожденія программы". "Какъ? что? Ну мы посмотримъ" — отвѣтилъ сразу же догадавшійся инспекторъ, и мы немедленно были уличены! Результатъ: все попавшееся отдѣленіе двѣ недѣли безъ сладкаго, а М. Парафъ, еще не понимавшій молитву, прерывалъ ее черезъ минуту и рѣшительно садился за кафедру.

Послѣсловіе: Горячо любилъ М. Парафъ кадета и Россію, и, очутившись у себя во Франціи, всюду, гдѣ только можно, во всемъ помогалъ искренно и жертвенно попавшимъ за-границу воспитателямъ и кадетамъ его любимаго Сумскаго Корпуса. Спасибо великое ему!

Америка.

Павелъ Измайловъ
Кадетъ 4 класса См.К.

" КОРПУСНЫЙ ПРАЗДНИКЪ "

Въ дымкѣ далекаго сорокадѣтняго прошлаго особенно хорошо помню Корпусный праздникъ въ 1913 году. Въ канунъ праздника въ I-й ротѣ, послѣ завтрака, классныя занятія были отменены и на плацу шла репетиція предстоящаго парада. Командиръ роты полк. Котроховъ, со своими ужимками и причудами, безпрерывно равнял роту, провѣрялъ ружейные приемы, подъ барабанъ регулировалъ нашъ шагъ и въ заключеніе нѣсколько разъ пропустилъ мимо себя роту подъ "Старо-Егерскій" маршъ нашего оркестра. Какъ вдругъ издали мы услышали звуки приближающихся трубачей возвращающагося, послѣ лагернаго сбора и маневровъ, по дорогѣ вдоль корпуса, на свои зимнія квартиры нашихъ Новгородскихъ драгунъ. Рота наша была подведена къ внѣшней аллеѣ и повернута лицомъ къ проходящему полку. "Рота смирно, господа офицеры!" — раздалась команда Котрохова, и рота кадетъ замерла, держа винтовку у ноги. Красиво, съ пѣсенниками въ головѣ эскадроновъ, проходили мимо

драгуны. Вотъ приближается Штандартный эскадронъ, везя въ полкъ свою полковую святѣню. По командѣ командира, рота наша, рѣзко отбивая приемы, беретъ "на караулъ", и наша оркестръ заигралъ драгунскій маршъ... да, это было почти день въ день сорокъ лѣтъ тому назадъ, и мы, молодежь тогда, словно наэлектризованные стояли въ строю, гордились корпусомъ и драгунами. Мы всѣ были дѣти Великой Родины и Могучей Арміи...

На слѣдующій день, 26 сентября, былъ нашъ праздникъ. Стоялъ чудный солнечный осенній день. Для "церемониальнаго марша" на лѣвомъ флангѣ I взвода, подъ фѣнью нашего знамени встали вновь въ строй бывшіе кадеты — теперь офицеры, стѣхавшіеся къ этому дню въ корпусъ, ихъ было человекъ 8—10, всѣ были въ парадной формѣ мирнаго времени: малькалъ бѣлый ментикъ Елисаветградскаго гусара (кажется, Соляико, II выпуска), развѣвались на вѣгру бѣлые суланы удана, былъ яркимъ пятномъ желтый лацканъ "варшавской" пѣшей гвардіи, въ перемежку со скромной формой нашей пѣхоты — все было торжественно и нарядно... Звучалъ нашъ чудный гимнъ и наслоось могучее кадетское "ура" Державному Вождю... Вспоминая прошлое, я вѣсвь все пережилъ... Я дописалъ и ставлю точку. Больно сжимается сердце отъ мысли, что все это было, но никогда не повторится!...

Дмитрій Де-Виттѣ
IX выпуска

ПОДПОЛКОВНИКЪ В. В. АЙВАЗОВЪ.

Почти сорокъ лѣтъ прошло, какъ я покинулъ стѣны роднаго Корпуса. Многое за это время было пережито, многое стало забываться, но свѣтлый обликъ моего офицера-воспитателя, подполковника Василія Васильевича Айвазова, навсегда останется у меня въ памяти.

Василій Васильевичъ прибылъ въ корпусъ молодымъ сравнительно сотникомъ Донскаго Казачьяго полка, страдая острымъ ревматизмомъ, простудившись во время подавленія революціонныхъ беспорядковъ 1904—5 гг. Онъ искренно любилъ свой полкъ и часто скорбѣлъ, что здоровье заставило его покинуть строй.

Василій Васильевичъ былъ широко образованный и культурный человекъ, успѣвшій до вступленія въ военное училище, окончить университетъ, значекъ котораго всегда носилъ на правой сторонѣ. По натурѣ своей онъ былъ глубоко религіозный, скромный, мало замѣтный труженикъ-офицеръ. Онъ былъ строгъ, и мы его побаивались; временами нервный, но всегда справедливый. Своимъ примѣромъ, бесѣдами, онъ сумѣлъ внушить въ насъ съ младшихъ классовъ глубокую любовь и преданность Царю и Родинѣ. Онъ восторгалъ, наэлектризовывалъ дѣтей историческими примѣрами подвига и жертвенности. Съ большимъ тактомъ незамѣтно поддерживалъ слабыхъ и шатающихся я кадета, направляя ихъ на правильный путь, развивая въ нихъ сознаніе долга. Вас. Вас. не допускалъ и считалъ почти оскорбленіемъ себѣ и черствой неблагодарностью со стороны кадета, пробывшаго 7 лѣтъ въ корпусъ на казенный счетъ и помышлявшаго выйти "на сторону"; онъ его полусхута, но съ долей презрѣнія; зачислялъ въ разрядъ "внутреннихъ враговъ" и "вольнодумцевъ"... Въ итогъ онъ къ выпуску торжествовалъ и заслуженно былъ гордъ — плоды его семилѣтней упорной работы сказались — его 2-ое отдѣленіе IX выпуска не дало ни одного, вышедшаго "на сторону", въ то время какъ въ параллельномъ классѣ

имѣли мѣсто 2 или 3 случая.

Стъ первыхъ дней Гражданской войны онъ былъ въ рядахъ Донской Арміи (на югѣ Россіи), сражался противъ большевиковъ и, какъ я слышалъ, въ 1919 году умаръ отъ тифа, на должности помощника командира полка.

Заканчивая на ээсмѣ свое повѣствованіе, я могу пожалѣть лишь о томъ, что я такъ блѣдно и неумѣло очертилъ обликъ этого достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка и моего перваго на-чальника. Хочу вѣрить, что прочитавъ эти строки, старый Сумскій кадетъ, въ коемъ еще бьется сердце русскаго офицера, помянетъ его добрымъ словомъ и увидитъ вновь передъ собою нашего скромнаго "сотника", прекраснаго воспитателя молодежи, горячаго патріота и вѣрнаго служителя Престолу и Родинѣ.

Дмитрій Де Виттъ
IX выпуска.

УРОКЪ ХИМІИ ВЪ 7 КЛАССѢ, ВЪ ПЕРВОМЪ ОТДѢЛЕНІИ.

Конечно, никто ничего не готовилъ. Тѣ, кого Родкевичъ вызвалъ въ прошлый разъ, не готовили ничего, а кого не вызвалъ положились на волю Божию. У насъ былъ 6-й часъ химіи, а во второмъ отдѣленіи 5-й. Во время перемѣны второе отдѣленіе ворвалось къ намъ съ крикомъ: Поголовный опросъ. Родкевичъ колотъ, наставлялъ! Мало кто получилъ хорошія отмѣтки. Что дѣлать? Гдѣ искать спасенія? И вотъ рѣшили удрать съ урока, кто куда можетъ! Кто въ лазаретъ, кто въ ватеръ, кто на метеорологическую станцію, а часть, въ томъ числѣ и я, за шкапы въ отдѣленіи. У насъ вдоль стѣны стояли длинные шкапы. Отодвинувъ ихъ немного отъ стѣны, шеренга въ 4-5 человѣкъ стала между стѣной и шкапами. Входитъ Родкевичъ въ отдѣленіе. Смотритъ: половина отсутству-етъ. Спрашиваетъ дежурнаго, почему мало народу. Тотъ рапортуетъ, что такой-то тамъ-то, а такой-то тамъ-то. Родкевичъ сталъ объяснять заданіе на слѣдующій разъ. Спроса не было. Нужно же было такъ случиться, что я стоялъ противъ шкапчика кадета, который держалъ тамъ табакъ какой-то особой марки "Бураст". Я не курилъ въ это время; и чувствую, что у меня начинается першить въ горлѣ. Чувствую, что вотъ-вотъ чихну. Закрывать ротъ рукой не могу, т.к. шкапы придвинуты очень плотно и нельзя пошевелиться. И случилось то, что я чихнулъ, и очень громко. Кадеты, чтобы замаскировать мой "чих", сразу вдругъ зашумѣли, задвигали партами. Родкевичъ повалъ носомъ, и что-то ему показался подозрительнымъ этотъ внезапный шумъ. Онъ отошелъ отъ доски и подошелъ къ послѣдней партѣ, и оттуда сталъ давать объясненія. Проклятый "Бураст" не оставилъ меня въ покоѣ, и я "ахнулъ" еще разъ во всю глотку. Родкевичъ подошелъ вплотную, приподнял географическую карту, которою былъ закрытъ простѣнокъ, и увидѣлъ шеренгу кадетъ, человѣкъ пять, дрожащихъ отъ страха. Влетѣло мнѣ тогда же отъ товарищей здорово. Ругали они меня страшно. Я оправдывался тѣмъ, что проклятый "Бураст" подвалъ всѣхъ, а не я. Конечно, всѣ тѣ, кто отсутствовалъ на этомъ урокъ, получили по колу.

Сергѣй Часовниковъ.

УП выпуска.

Парижъ.
Франція.

СУМСКІЙ КАДЕТСКІЙ КОРПУСЪ.

Таково было имя корпуса, основаннаго въ 1900 году въ уѣздномъ городѣ Сумы, Харьковской губерніи, на берегу рѣки Пселъ. Воспитанники его кратко назывались — Сумцы.

Корпусъ получилъ наименованіе по мѣсту своего нахождения, а потому и всѣ производныя отъ его наименованія были точно въ соответствии съ нимъ и грамматически, и фонетически, и былъ онъ Сумскій, а не Сумской, какъ съ давнихъ поръ повалось его неправильно называть. Въ день его пятидесятилѣтія хочется возстановить его правильное имя. Городъ "Сумы" — почему и откуда это имя? Всѣ Сумцы хорошо помнятъ тѣ пріятныя минуты, когда отпущенные на праздники или лѣтнія каникулы, мы съ шумомъ и радостью выходили черезъ главный входъ корпуса, прощаясь со своимъ красавцемъ-швейцаромъ Филиппомъ, разсаживались на ожидавшихъ насъ, ранѣе заказанныхъ извозчиковъ, чтобы, переѣхавъ городъ, добраться до вокзала, а оттуда въ разные концы домой. Сидя на извозикѣ каждый изъ насъ видѣлъ на облучкѣ пролетки его номеръ съ гербомъ города, изображавшемъ расположенные въ треугольникъ три "сумы", а не "суммы". Тогда еще заинтересовавшись, почему городъ имѣетъ этотъ гербъ, я при любезномъ содѣйствіи г. Троицкаго, читавшаго намъ законъвѣдѣніе, получилъ объясненіе, что городъ Сумы возчикъ по преданію, волею невѣдомаго запорожскаго казака, везшаго со своими товарищами въ Запорожскую Сѣчь, или изъ Сѣчи, какія то сумы, т. е. мѣшки, притороченныя къ сѣдлу коня. Спускаясь съ крутого берега къ рѣкѣ Пселу, его конь упалъ "сумы" оборвались, и всѣ онѣ утонули въ рѣкѣ. Не имѣя возможности двигаться дальше безъ этихъ утонувшихъ сумъ, казаки, боясь отвѣтственности, остались на берегу, сначала временно, а потомъ часть изъ нихъ пошла дальше, а часть, основавъ становецъ, поселилась здѣсь. Такъ возникъ впоследствии городъ, получившій по этому случаю имя "Сумы". Отсюда и грамматически, и фонетически надо произносить "Сумы" и Сумскій, а не Сумской такъ какъ въ этомъ случаѣ городъ носилъ бы названіе "Суммы" съ двумя "м", что мѣняло бы написаніе и врядъ ли имѣло бы смыслъ. Поэтому такъ хотѣлось бы, чтобы и теперь, и въ будущемъ, если родному Корпусу суждено будетъ возродиться, его исторически правильное во всѣхъ отношеніяхъ имя сохранилось бы безъ измѣненія, и онъ продолжалъ бы носить имя: Сумскій Кадетскій Корпусъ, а его воспитанниковъ называли бы Сумскій, а не Сумской Кадетъ.

Аргентина

Александръ Колтановскій
IX выпуска.

КЪ ЮБИЛЕЮ.

Прошло полъ вѣка, и хочется сказать,
Что прожитая жизнь на свѣтѣ
Была довольно тяжка,
И много новаго дала познать.

Однако, и бывое было
Не сказка, и не сонъ.
Мы были молоды душою,
Мы не задумаясь шли въ бой.

Настъ воспитали въ облыхъ стѣнахъ
 Родного Корпуса въ Сумахъ,
 Намъ преподали послушанье
 И вѣру въ правду и въ свой стягъ.
 И по сей часъ остались вѣрны
 Завѣтамъ славной старины
 И чувствуемъ мы на себѣ, какъ раньше,
 Погоня бѣлыя свои.

ОТВѢТЬ.

Спѣшу послать тебѣ отвѣтъ
 На твой вопросъ лукавый —
 Пишу ли я стихи? — Не знаю...
 Мнѣ кажется, что нѣтъ,
 Но рифмы все же плестъ умѣю,
 Какъ плелъ ихъ раньше нашъ кадетъ.
 И вотъ хочу я, по старинкѣ,
 Сказать вамъ, братья, пославъ привѣтъ:
 Не забывайте, что среди кадетъ
 Не должно быть вражды и злобы.
 Въ изгнаніи подайте руку другу
 И помогите при нуждѣ.

Розовый конвертикъ пришелъ по почтѣ,
 И былъ надушенъ онъ слегка,
 Но воспитатель сказалъ грозно:
 "Всѣ эти бредни надо бросить,
 А взяться лучше за дѣла".
 И все же далъ онъ мнѣ конвертикъ;
 Затрепетала вся душа,
 И миръ былъ такъ прекрасенъ...
 Когда вторично — розовый конвертикъ
 Пришелъ по почтѣ, но тогда
 Судьба его, увы, была иная,
 И мой надушенный конвертъ ушелъ обратно.
 На этотъ разъ не дали мнѣ его.
 Но время шло. Прошло и дѣто.
 Я возвратился въ старшій классъ.
 Пришелъ конвертъ опять и, посмѣясь,
 Его мнѣ далъ мой воспитатель.

Аргентина.

А. Колтановскій
IX выпуска.

СЧАСТЬЕ "СОВ-ПАТРИОТА".

Если хочешь быть "счастливымъ",
 Вкусно ѣсть и сладко пить,
 Быть любовникомъ красивымъ,
 Шегольски ходить,
 На машинѣ ѣздить всюду,
 Посѣщать кафэ,
 Имѣть денегъ уйму-грудю,
 И сидѣть въ бѣфэ;

Если хочешь жизни легкой,
 Потрудишься для себя,
 Оторвать отъ жизни крошкой
 Полкусочка пирога, —
 То ты долженъ стыдъ оставить,
 Позабыть "лицо" свое;
 Не краснѣть и все лукавить;
 Не жалѣть ничто,
 Долженъ быть подлецъ изрядный,
 Франтомъ долженъ быть,
 И костюмчикомъ наряднымъ
 Все себя добыть;
 Все использовать ты долженъ,
 Про Христа — забыть,
 И въ компартію быть вхожимъ,
 Съ М.В.Д. — дружить.
 Такъ учили о "счастьи"
 Большевицкій бай,
 Соблазняя слабыхъ
 Въ социальный "рай".
 Дни пройдутъ въ весельи,
 Не увидишь ты бѣды,
 Какъ однажды сядешь
 Въ лагерь "М.В.Д.-ы"
 Постарѣешь сразу,
 Ослабѣешь ты,
 А въ душѣ настанутъ
 Черненькіе дни.
 Совѣсть грызть возмется,
 Тѣло изсушить,
 И раскаяніе поздно
 Мяръ твоей посѣтитъ.
 Вѣры ты не сыщешь,
 Любви — у тебя нѣтъ,
 И умрешь ты глупо,
 Точно пустоцвѣтъ.

Февраль 1937.
 Югославія.

Н.С.
 УШ выпуска.

"ПОСВЯЩЕНІЕ"
 (Моему дорогому Никитушкѣ)

"Живи" и жизнью наслаждайся!
 По мѣрѣ силъ своихъ — служи;
 Будь добрымъ другомъ и чуждайся
 Всѣхъ темныхъ силъ, отъ нихъ бѣги,
 Будь то отъ лѣва или справа,
 Держись пути изъ "вѣчной жизни",
 И знай, что долгъ твой — выше права,
 И что мѣняется лицо у жизни.

За это ты получишь счастье:
 Освободишься отъ привычекъ,
 И всѣ тѣ силы изъ "ненастыя" —
 Твой миръ души ободрятъ "безъ кавычекъ".
 Любовь вселится въ твое сердце,
 Терпѣнье и надежда окружаютъ тебя,
 И силы Духа, силы Сердца
 Въ самоотверженной любви спасутъ меня.
 Итакъ: меня — тебя, и мнѣ — тебѣ;
 Забывъ про "грозы" и "ненастыя",
 Мы закружимся въ колесѣ,
 Создавъ невиданной счастье.

1936.
 Югославія.

Н.С.
 УШ вып.

РАЗСКАЗЪ О ТОМЪ, КАКЪ КАДЕТЪ САГАТОВСКІЙ
 ПРИШЕМИЛЪ ФАЛДУ ФРАКА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНЖЕНЕРА РОДКЕВИЧА

Было это въ золотую пору юности, когда всякое нарушение заведенныхъ правилъ и уставовъ закрытаго заведения считались нами за лихость и отвагу и на чемъ мы учились развивать "волю", "мужество" и "храбрость". Надо сказать, что кадетъ Сагатовскій (кажется, Павлуша, если память мнѣ не измѣняетъ) былъ хорошій товарищъ, т.е. никогда никого не выдавалъ и не отставалъ въ нашихъ продѣлкахъ, а, наоборотъ, принималъ въ нихъ самое дѣятельное участіе. Такъ и въ данномъ случаѣ. Придумали мы какъ-то прятаться отъ уроковъ въ шкапахъ, расположенныхъ вдоль задней стѣны класса, съ двигающимися дверьми и двумя полками внутри, служащими для нашихъ личныхъ вещей: книгъ, корзинъ, посылокъ и т.п. Туда "мастерами" было проведено электричество, т.е. освѣщеніе свѣчами было и опасно и жарко. На этотъ разъ спрятались туда Сагатовскій. Онъ, кстати, не выучилъ урока. Учился онъ слабовато и настолько, что въ одномъ изъ старшихъ классовъ отсталъ отъ насъ. И вотъ, нашъ Сагатовскій беретъ книжку для чтенія, кладетъ въ шкафъ думку и шинель, чтобы мягче было лежать, и лѣзетъ въ шкафъ, чтобы пролежать тамъ урокъ геометріи. Преподавалъ геометрію инженеръ Родкевичъ. Надо сказать, что всѣ преподаватели числились чиновниками по военно-учебному вѣдомству и поэтому носили установленную форму. Онъ же былъ гражданскій инженеръ-электрикъ, и кромѣ преподаванія математики, завѣдывалъ нашей электрической станціей, поэтому, какъ несостоящій по вѣдомству, онъ всегда присутствовалъ на урокахъ по уставу во фракъ съ техническимъ значкомъ на груди. Человѣкъ былъ хорошій, немного картавилъ и любилъ, чтобы всѣ понимали его объясненія. Если же не понимали, онъ волновался, бѣгалъ по классу отъ доски къ шкапамъ и обратно, бросалъ мѣломъ въ доску въ сильной ажитации; но объясненія не прекращалъ до тѣхъ поръ, пока всѣмъ становилось понятно. Такъ было и въ этотъ разъ. Вызывать онъ никого не вызывалъ, а все время объяснялъ. Дежурный по классу кадетъ отрапортовалъ ему, указавъ больныхъ и отсутствующихъ, въ томъ числѣ и Сагатовскаго, но Родкевичъ никого не отмѣтилъ въ журналѣ и, удовлетворившись рапортомъ, приступилъ къ объясненію какой-то сложной теоремы. Все шло по шаблону. Когда дѣло дошло до пониманія, то оказалось, что нѣкоторые кадеты все же не схватываютъ разжеванной имъ рѣшенія теоремы. Родкевичъ началъ волноваться, забѣгалъ по классу взадъ

и впередѣ. Сагатовскому стало душно лежать въ закрытомѣ шкапу и онѣ пріоткрылѣ дверцу; въ это время Родкевичѣ съ развѣвающимися фалдами фрака быстрыми шагами направлялся къ шкапу, что-то картавя. Подойдя къ нему, онѣ круто повернулся лицомѣ къ доскѣ, облокотился на шкапѣ, продолжая говорить взволнованнымѣ голосомѣ, и вдругѣ опять рванулся къ доскѣ. Сагатовскому показалось, что онѣ замѣтилѣ его лежащимѣ въ шкапу, и потому быстрымѣ движеніемѣ ноги задвинулѣ дверцу, но такѣ неудачно, что прищемилѣ фалду фрака Родкевича. Тотѣ, рванувшись впередѣ къ доскѣ, вдругѣ почувствовалѣ, что его что-то не пускаетѣ. Онѣ поворачивается, и — о ужаст!... — видитѣ, какѣ конецѣ фалды его фрака плотно зажатѣ дверцей шкапа. Родкевичѣ попытался еѣ вытащить, сначала думая, что онѣ только зацѣпился, но Сагатовскій держалѣ дверцу крѣпко. Наконецѣ, Родкевичу удалось вырвать фалду изѣ щели, и тогда стало ясно, что еѣ кто-то прищемилѣ. Онѣ подбѣжалѣ къ преподавательскому столу, схватилѣ журналѣ, нервно его открылѣ, заглянулѣ туда, подумалѣ, обвалѣ глазами классѣ захлопнулѣ журналѣ и, вскочивѣ со стула, молча направился къ выходу, опустивѣ голову, не дожидаясь звонка. Классѣ замертѣ. Что же теперь будетѣ?... На наше счастье, нашѣ воспитатель, — Царство ему Небесное, — Станиславѣ Фердинандовичѣ Отоцкій, прозванный "бариномѣ", былѣ холостякѣ и свое свободное время проводилѣ въ зданіи корпуса, иногда играя на билліардѣ съ тѣмѣ же Родкевичемѣ. Они были пріятелями. И вотѣ Родкевичѣ, найдя его, рассказалѣ ему о случившемся. Черезѣ нѣсколько минутѣ раздался звонокѣ и въ это время появился подполк. Отоцкій. Сагатовскій оставался въ шкапу, т.к. не зналѣ, былѣ ли онѣ отмѣченѣ Родкевичемѣ въ журналѣ, или нѣтъ. Станиславѣ Фердинандовичѣ вошелѣ въ классѣ, всѣхѣ насѣ удалилѣ, а самѣ подошелѣ къ шкапу, сѣлъ за свою конторку и спокойнымѣ голосомѣ произнесѣ: "Сагатовскій, выходи!" Но Сагатовскій плотно закрылѣ дверь, упершись въ нее ногами, и не слышалѣ, что ему говоритѣ воспитатель. Станиславѣ Фердинандовичѣ выждалѣ немного, крикнулѣ и вставѣ, опять громко, съ разстановкой, какѣ онѣ всегда говорилѣ, повторилѣ требованіе, прибавивѣ: "ну, что же, долго я еще буду ждать?" И вотѣ, несчастный Сагатовскій, весь красный, какѣ варенный ракѣ, съ крупными каплями пота на лицѣ, вывалился изѣ шкапа на полѣ, къ ногамѣ Станислава Фердинандовича, быстро вскочилѣ и замерѣ передѣ нимѣ, опустивѣ голову на грудь и руки по швамѣ, походя на мокрую курицу. Мы же столпились передѣ стекляными дверьми класса, устроивѣ многоэтажный амфитеатрѣ, — кто кому сѣлъ на спину, кто подставилѣ скамейку, — пріоткрыли дверь и въ шелку начали дружно, сдержанными голосами, чтобы не привлечь вниманія дежурнаго воспитателя, выговаривать: "Простите его, простите, онѣ больше не будетѣ, мы беремѣ его на поруки" — и такѣ нѣсколько разѣ. И что же вы бы думали?... Станиславѣ Фердинандовичѣ вдругѣ приказалѣ намѣ войти въ классѣ и сѣсть по мѣстамѣ. А самѣ вышелѣ впередѣ къ преподавательскому столу и спокойнымѣ голосомѣ сказалѣ: "Ну что же, Сагатовскій, это послѣдній разѣ я тебя прощаю, классѣ беретѣ тебя "на поруки", если не выдержишь до конца года и нарушишь обѣщаніе, будешь плохимѣ товарищемѣ и пойдешь совсѣмѣ домой. А вы — обращаясь къ классу, — если повторите то, что онѣ сдѣлалѣ, потеряете довѣріе!" Выходите на перемѣну!"

Мы дружно закричали "ура!" и вынаслись вонѣ изѣ класса.

Ст тѣхъ поръ мы держали сами Сагатовскаго въ "ежовыхъ рукавицахъ" и наблюдали за его поведеніемъ, не позволяя ему выходить изъ рамокъ устава и не приглашая его участвовать въ нашихъ прсдѣлкахъ. Прятаніе въ шкапу было забыто. Кончилъ онъ ст 9-мъ въ пускомъ, былъ произведенъ въ офицеры и, доблестно сражаясь "за Вѣру, Царя и Отечество", сложилъ свою буйную голову на полѣ чести.

Вѣчная память тебѣ, дорогой и вѣрный другъ и соучастникъ въ нашихъ кадетскихъ прсдѣлкахъ. Ты былъ вѣрнымъ сыномъ своей Родины.

Николай Сенькевичъ.
УШ выпуска.

ФАТАЛИЗМЪ ВЛАДИМИРА АКУЛОВА.

Это происходило еще въ хорошія времена у себя, на Родинѣ въ началѣ первой міровой войны, когда мы, окончившіе кадеты, были вдругъ вызваны телеграммами срочно по мобилизаціи въ юнкерскія училища, такъ неожиданно прервавшими наши радостныя каникулы, послѣ окончанія корпуса, и разбившими всѣ наши дальнѣйшія мечты и надежды.

Долженъ сказать, что Владиміръ Акуловъ имѣлъ двухъ старшихъ братьевъ, уже окончившихъ корпусъ и вышедшихъ въ артиллерию. Оба были вице-унтеръ-офицерами. Владиміръ Акуловъ также прекрасно учился, но... поведеніе его не позволяло стать въ ряды вице-унтеръ-офицеровъ. Это то легкомысліе и фантазіи, какъ напимѣръ, увлеченіе "фатализмомъ" и "хладнокровіемъ" (по нашимъ тогдашнимъ понятіямъ: развитіемъ силы воли) привели къ тому, что онъ, по окончаніи корпуса, имѣя прекрасныя отмѣтки, записалъ нарочно, сначала Александровское Пѣхотное училище, а послѣ Михайловское и Константиновское Артиллерійскія Училища. Онъ говорилъ, что если судьба, то его все равно вызовутъ въ одно изъ этихъ артиллерійскихъ училищъ. Но вышло наоборотъ: какъ разъ это и была — судьба. Не то спѣшка при мобилизаціи, не то недосмотръ инспектора, не то отсутствіе старшихъ опытныхъ служащихъ въ канцеляріи корпуса, но его вызвали въ Александровское пѣхотное училище въ Москву, какъ онъ записалъ его по порядку. Конечно, и отецъ-артиллеристъ и братья, тоже артиллеристы, запротестовали, но приказъ написанъ, документы отправлены, мобилизація идетъ и нарушать ее нельзя. Скрѣпя сердце, мой Владиміръ Акуловъ отправился въ Москву и попалъ на Ходынку, въ лагерь Пѣхотнаго Александровскаго Училища, гдѣ оно въ то время находилось.

Теперь я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе и рассказать кое что о себѣ, такъ какъ оказался косвеннымъ виновникомъ того, что Влад. Акуловъ окончательнo взбѣленился и поднялъ тамъ бунтъ, который при счастливыхъ для него обстоятельствахъ и помогъ ему выбратся изъ Александровскаго Училища. Дѣло въ томъ, что у меня въ Елизаветградскомъ училищѣ, куда я попалъ, вышла "исторія" съ юнкеромъ старшаго курса, такъ называемымъ корнетомъ, которая должна была кончиться дуэлью, но въ виду военнаго времени и выпускныхъ экзаменовъ старшихъ юнкеровъ, дуэль моя откладывалась на послѣ войны, а мнѣ, какъ младшему, "сугубому", "корнетскій комитетъ" предложилъ пропустить этотъ выпускъ, чтобы не поднимать "исторіи" и не задержатъ съ производ-

ствомъ въ офицеры этого "корнета". Но такъ какъ изъ кавалерійскаго училища можно было уходить только въ полкъ, а я этого не хотѣлъ, то пришлось писать о переводѣ въ Пѣхотное училище, откуда я могъ, какъ не принявшій еще присяги и несовершеннолѣтній (мнѣ было тогда 17 лѣтъ) уйти на время дсмой, что я и сдѣлалъ. Отецъ нажалъ всѣ пружины, и я былъ переведенъ въ Александровское Пѣхотное училище съ тѣмъ, что я немедленно подаю рапортъ объ уходѣ домой по домашнимъ обстоятельствамъ и т.д., и 2-го февраля 1915г. я снова возвращаюсь въ Елисаветградское Кав.Училище. Такъ я и сдѣлалъ. Вотъ тутъ-то мы и встрѣтились, "старые друзья" и "фаталисты". По случайности я попалъ въ ту же роту, гдѣ былъ и Влад.Акуловъ. Конечно, я ходилъ въ собственныхъ сапогахъ со шпорами, синихъ бриджахъ, въ гимнастеркѣ съ накрашеннымъ поясомъ и... Елисаветградскими алыми погонами. Ходилъ въ строю на лѣвомъ флангѣ, и то только на ѣду, перекличку или въ Церковь. Остальное время меня никто не трогалъ, т.к. я немедленно, на другой же день по прибытіи, подаю рапортъ объ уходѣ домой, предъявивъ соответствующее прошеніе и бумаги отъ моихъ родителей, и дѣло пошло "въ производство". Я былъ свободенъ, и своей формой выдѣлялся среди пѣхотныхъ юнкеровъ, поэтому я старался или сидѣть въ лагерномъ буфетѣ, или лежалъ, "набивъ температуру", въ лагерномъ лазаретѣ или бродилъ по парку Ходынки, или же просто исчезалъ въ Москву. Командиръ батальона, принимая отъ меня рапортъ и бумаги, гнѣвно сказалъ мнѣ: "Что это, юнкеръ, Александровское Военное Училище для васъ проходной дворъ, что ли?" Но...этимъ дѣло и кончилось, т.к. все было предусмотрено. И дѣйствительно, это старое и достойное училище для меня послужило "проходнымъ дворомъ". Съ Влад.Акуловымъ было хуже. Его заставили нести службу, дневалять, дежурить, а последнее время и выходить на занятія, которыя онъ всячески старался избѣгать подъ разными благовидными предлогами, чтобы быть со мною. У него не хватало какихъ то бумагъ при прошеніи, и вообще его дѣло затягивалось, т.к. отецъ его, командуя батареей, былъ уже на фронтѣ, а это осложняло хлопоты. Однажды онъ, узнавъ, что я уже черезъ недѣлю покидаю предѣлы гостеприимнаго училища и ѣду домой, рѣшился на отчаянный шагъ. Онъ просто заявилъ своему курсовому офицеру, что не будетъ больше выходить на занятія, т.к. не желаетъ оставаться въ этомъ училищѣ, а желаетъ или ѣхать къ отцу въ батарею на фронтъ, или быть переведеннымъ въ одно изъ Артиллерійскихъ училищъ, и что онъ уже подастъ рапортъ объ этомъ съ прошеніемъ его матери. Курсовой офицеръ на такую дерзость и недисциплинированность отвѣтилъ — послать его подъ арестъ; но Акулова "занесло", и онъ отказался идти подъ арестъ. Тогда курсовой офицеръ сообщилъ объ этомъ дежурному офицеру по батальону и командиру батальона. Акулова вызвали въ дежурную комнату. Я по своему дѣло случайно въ это время находился тамъ-же, и вотъ моимъ глазамъ представилась картина, которую я никогда не забуду. За столомъ дежурнаго офицера сидитъ командиръ батальона, а дежурный офицеръ вводитъ Акулова въ комнату. Командиръ батальона обращается къ Акулову съ рѣзкимъ выговоромъ и въ концѣ рѣчи, желая воздѣйствовать на честь и достоинство его, заявляетъ: "Юнкеръ Акуловъ, какъ вамъ не стыдно, посмотрите въ зеркало, чьи погоны вы носите". Акуловъ, видимо, вспомнилъ наши кадетскіе годы и наше братство "фатали-

стовъ" и "хладнокровныхъ", подошелъ спокойно къ зеркалу, поправилъ пророборъ и, повернувшись къ командиру батальона, такъ же спокойно сказалъ: "Къ сожалѣнiю, г. Полковникъ, погону Александровскаго Пѣхотнаго училища". — Этого было довольно. Командиръ батальона поперхнулся, поблѣднѣлъ и, наконецъ, съ трудомъ выбросилъ: "Вонъ, сейчасъ же вонъ, подѣ строгій арестъ! Позвать барабанщиковъ и подѣ конвоемъ отправить въ карцеръ". Я, видя такой исходъ дѣла, немедленно вышелъ изъ дежурки, стараясь не попадаться на глаза офицерамъ. Все училище уже знало о происходящемъ, и любопытные юнкера, у которыхъ, кстати сказать, уже кончились занятiя, стали группами собираться недалеко отъ дежурки. Въ это время Влад. Акулова вывели, но онъ воспротивился и категорически заявилъ, что дальше самъ онъ не сдѣлаетъ ни шагу подѣ арестъ. Произошло замѣшательство, т.к. барабанщики и горнисты не знали, что съ нимъ дѣлать. Тогда дежурный офицеръ приказалъ: "связать". Горнисты и барабанщики, ихъ было 4 человека, подошли къ нему и стали ради проформы, связывать его руки ремнями, но онъ распуталъ ремни и бросилъ ихъ вонъ отъ себя. Въ концѣ концовъ вышелъ командиръ батальона и приказалъ по настоящему связать ему руки и ноги, и четыре здоровыхъ унтер-офицера понесли отчаянно брыкающагося Акулова подѣ громкiе выкрики обѣжавшихъ вокругъ этой группы юнкеровъ и команды надрывающихся офицеровъ: "разойтись!" — въ лагерный карцеръ. Черезъ часъ послѣ этого Акуловъ получилъ то, что хотѣлъ, и прямо изъ карцера былъ на другой день отправленъ съ сопровождающимъ къ отцу и братьямъ на фронтъ въ батарею. Я и сейчасъ храню фотографiю Владимира Акулова, присланную имъ мнѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже въ Елисаветградское Кав. Училище, на которой онъ изображенъ съ "Георгиемъ" на груди и тремя лычками на артиллерійскихъ погонахъ "батареѣйца". Его безпокойный характеръ такъ и не далъ ему стать офицеромъ. Вскорѣ онъ получилъ еще 2 или 3 "Георгiя" и послѣднюю награду — "деревянный крестъ", погибнувъ какъ герой за Вѣру, Царя и Отечество, въ одномъ изъ страшныхъ боевъ на Западномъ фронтѣ. Вѣчная память тебѣ, дорогой другъ и вѣрный товарищъ въ нашихъ кадетскихъ продѣлкахъ.

Нью-Хевенъ, Конн. США.
янв. 1955.

Николай Синькевичъ
УШ выпуска.

ВОСПОМИНАНIЯ О СУМСКОМЪ КАДЕТСКОМЪ КОРПУСѢ
СВЯЗАННЫЯ СЪ ЛИЧНОСТЮ ЗАКОНОУЧИТЕЛЯ ПРОТОИЕРЕЯ
ОТЦА ВАСИЛIЯ ВИНОГРАДОВА.

Въ 1902 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ я вышла замужъ за преподавателя 3-й Харьковской мужской гимназiи Василiя Васильевича Виноградова, который, между прочимъ, преподавалъ тамъ и Законъ Божiй, будучи штатскимъ. Черезъ недѣлю послѣ свадьбы онъ былъ рукоположенъ во священника и получилъ назначенiе быть вторымъ священникомъ на городскомъ кладбищѣ гор. Харькова. Мѣсто это было одно изъ самыхъ завидныхъ для харьковскихъ священниковъ, т.к. кромѣ очень хорошаго содержанiя, была чудная квартира, прислуга, два выѣзда, но, какъ часто бываетъ "но" — это мѣсто было, конечно, не для такого молодого священника, одареннаго педагогическими способностями, прекраснымъ голосомъ, и очень скоро онъ

сталъ тяготиться и постоянными панихидами, испособомъ оплаты труда и полною бездѣятельностью для его широкаго кругозора. Должна сказать, что о.Василій принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя никогда не искали мѣста, а мѣсто искало ихъ. Помню я, однажды лѣтомъ того же года, какъ онъ занялъ мѣсто на калдобищѣ, пришелъ къ намъ одинъ изъ его сослуживцевъ по гимназiи и, заявивъ, что у него есть порученiе къ о.Василію отъ директора Сумскаго Кадетскаго Корпуса ген.Піотухъ-Кублицкаго, который, познакомившись съ нимъ случайно, обратился къ нему съ просьбой, указать ему священника г.Харькова, который могъ бы согласиться быть законоучителемъ и настоятелемъ Церкви корпуса, — необходимое условiе: быть съ академическимъ образованiемъ. Этотъ преподаватель, не задумываясь ни минуты, назвалъ о.Василію, послѣ чего ген.Кублицкій просилъ его передать о.Василію просьбу прiѣхать для переговоровъ. Черезъ недѣлю послѣ этого визита судьба о.Василію была рѣшена, и онъ согласился принять это предложенiе. Принялъ онъ это мѣсто, могу сказать, съ радостью; т.к. онъ былъ природный педагогъ, отличный психологъ, педагогическая дѣятельность его всегда привлекала. Въ августъ мѣсяцъ мы перѣѣхали въ гор.Сумы, попали въ чудную живописную часть города. Корпусъ былъ расположенъ на огромномъ участкѣ земли, кажется, 75 десятинъ, огромный паркъ по склону горы, у подножья которой протекала рѣка Пселъ. Главное зданiе корпуса было расположено на большомъ плацу, вокругъ котораго размѣщены были дома съ квартирами для персонала, воспитателей, преподавателей и всѣхъ служащихъ. Главное зданiе къ этому времени уже было закончено, а квартиры служащихъ заканчивались уже въ то время, когда въ нихъ жили.

Сейчасъ же по прiѣздѣ въ корпусъ, о.Василій съ огромнымъ рвенiемъ отдался своимъ занятiямъ: знакомству съ учениками, съ персоналомъ, устройству церкви, которая совсѣмъ еще не была устроена и должна была быть закончена ко дню ея освященiя, которое состоялось въ сентябрѣ того же года.

За все время своего служенiя въ корпусѣ, гдѣ онъ оставался до эвакуаціи 1920 года, могу смѣло сказать, что о.Василій пользовался необыкновенной любовью какъ со стороны учениковъ, такъ и со стороны всѣхъ служащихъ корпуса. Для воспитанiя учениковъ онъ вкладывалъ всю душу и переживалъ съ ними всѣ ихъ горести и радости; съ его словъ извѣстно, какъ во время перемѣнъ между уроками, когда каждый преподаватель имѣлъ возможность спокойно посидѣть въ удобномъ креслѣ въ учительской и почитать газету, о.Василій въ это время находилъ очередь учениковъ, желающихъ побесѣдовать съ нимъ и разъяснить имъ какое нибудь недоразумѣнiе или горе, или спросить совѣта. Какъ я говорила выше, онъ былъ необыкновенный психологъ, человекъ очень свѣтлаго ума, необыкновенно добраго сѣрдца, и каждый "юноша" зналъ, что въ немъ онъ найдетъ всегда и добраго совѣтника и защитника. Онъ никогда не терялъ равновѣсiя, никогда не выходилъ изъ себя и спокойно рѣшалъ всевозможные вопросы. Я увѣрена, что его "юноши" никогда не видѣли его сердитымъ, хотя однажды, какъ онъ самъ рассказывалъ, онъ разсердился на учениковъ, но ничего изъ этого не вышло. Дѣло было въ послѣдніе дни передъ отпускомъ, и такъ какъ программа уже была закончена, то урока давать не было надобности, и онъ рѣшилъ имъ что-то почитать, но они въ это время стали разговаривать и мѣшать, и его это такъ разсердило,

что онъ съ сардцемъ сказалъ имъ: "Ну и свиньи же вы!" — и вдругъ съ задней парты голосъ: "Батюшка, разрешите слово?" — "Что ты, юноша, хочешь?" — "Батюшка, въ Писаніи сказано: "блаженъ, иже и скоты милуетъ". Конечно, о.Василій не можетъ удержатъ своей улыбки, и конфликтъ улаженъ.

Авторитетъ о.Василія стоялъ необыкновенно высоко и у директора корпуса ген.Саранчова, который, смѣло могу сказать, на чего не предпринималъ, не посовѣтовавшись съ Батюшкой, и ни одно рѣшеніе не было вынесено безъ его совѣта. Очень его цѣнилъ и считался съ его мнѣніемъ Вел.Кн.Константинъ Константиновичъ, и однажды былъ такой случай: послѣ экзаменовъ былъ уволенъ одинъ мальчикъ, который былъ уже два года въ томъ же классѣ, и по правиламъ нельзя было оставаться на третій годъ. Мальчикъ уѣхалъ домой, но мать его, бѣдная вдова, рѣшила, что она, не имѣя возможности держать его у себя, принуждена отправить его обратно. Однажды у насъ звонокъ; прислуга говоритъ Батюшкѣ: "Васъ просятъ кадетикъ". Стоитъ мальчикъ и плачетъ. Что съ нимъ дѣлать? Корпусъ закрытъ, воспитатели въ отпуску; ген.Саранчовъ говоритъ, что онъ не имѣетъ права оставить его на третій годъ! Отецъ Василій пользуется обстоятельствомъ, что онъ отсутствовалъ на засѣданіи совѣта, когда рѣшалась судьба этого мальчика и проситъ разрѣшенія директора обратиться лично къ Великому Князю съ просьбой оставить мальчика на третій годъ. Просьба была удовлетворена, и мальчикъ каникулы провелъ у насъ, съ нимъ занимались лѣтомъ мои сестры, которыя гостили у насъ.

Было что-то въ натурѣ о.Василія, что притягивало къ нему какъ къ магниту. Очень многіе изъ его сослуживцевъ любили бесѣдовать съ нимъ на всевозможныя темы. Обычно такія бесѣды происходили во время его прогулокъ вокругъ плаца послѣ обѣда. О.Василій присаживался на скамейку, и въ этотъ моментъ со всѣхъ сторонъ стекались къ нему, былъ тутъ часто и ген.Саранчовъ, докторъ Вейднеръ, полк.Ильинъ, полк.Бояровский, полк.Длужновскій, преподават.Тих.Мих.Ворожьевъ и многіе другіе, и тутъ рѣшались самыя разнообразныя вопросы.

Большимъ достоинствомъ о.Василія была его красивая служба съ его необыкновенно красивымъ теноромъ, и прислужники его конечно любили, особенно помню Во-ва, который потомъ принялъ санъ монашескій, и умеръ въ санѣ архимандрита съ именемъ Зосимы. Служилъ о.Василій, очевидно, настолько красиво, что вотъ уже 21 годъ, какъ онъ скончался, и послѣ каждой заутрени ко мнѣ обращается одинъ изъ очень заслуженныхъ генераловъ, съ которымъ о.Василій служилъ при штабѣ ген.Врангеля, и каждый разъ мнѣ говоритъ, что заутрени о.Василія забыть нельзя; также недавно ко мнѣ обратилась во время всенощной одна изъ прихожанокъ о.Василія по церкви въ Брюссель и сказала, что до сихъ поръ, когда слышитъ пѣніе "Величїе душа моя Господа", она не можетъ забыть, какъ пѣлъ это о.Василій.

Очень отрадно и часто приходилось слышать много хорошаго о нашемъ дорогомъ Сумскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, который пользовался очень хорошей репутаціей. Какъ вспоминаю теперь, какое это было дивное мѣстоположеніе, какое роскошное зданіе со своими чудными залами и другими помѣщеніями, съ красивой церковью, съ огромнымъ персоналомъ и преподавателей и воспитателей, безконечное количество всякой прислуги; свои конюшни,

своя эдектрическая станція, пекарни, бани. Сколько возможно-стей для развлеченія кадетъ, какъ-то: купанье въ рѣкѣ, зимой катокъ, катанье съ горъ на салазкахъ, балы, необыкновенно красиво организованные, и, думаю, каждыи, окончившій Сумскій кадетскій корпусъ смѣло можетъ гордиться тѣмъ, что онъ окончилъ именно этотъ корпусъ.

Бельгія.

А.Виноградова
(вдова о.Василія)

ПАМЯТИ ПРОТОІЕРЕЯ О.ВАСИЛІЯ ВИНОГРАДОВА
Законоучителя Сумскаго Кадетскаго Корпуса.

Вамъ, конечно, каждому памятенъ нашъ дорогой о.Василій. Всѣ мы помнимъ, какъ онъ любилъ нашего брата кадета, зналъ всѣхъ насъ по имени и защищалъ на педагогическихъ и дисциплинарныхъ совѣтахъ. Но и онъ рѣшилъ, однажды, насъ наказать, и что изъ этого вышло — иллюстрируетъ слѣдующій эпизодъ, происшедшій въ нашемъ I-мъ отдѣленіи 3 класса въ 1913 году.

Дѣло подходитъ къ отпуску на Рождественскій каникулы, но уже за недѣлю мы ничего не учили, а въ особенности по Закону Божьему. Отецъ Василій, возмущенный этимъ, сказалъ, что онъ на послѣднемъ урокъ читать намъ не будетъ, а спроситъ пройденные тексты, и если мы не будемъ ихъ знать, то онъ все отдѣленіе оставитъ на одинъ повѣздъ. А что это за наказаніе — знаетъ каждый кадетъ, въ особенности кто ѣхалъ далеко, да еще съ пересадками. Послѣдній урокъ. Батюшка начинаетъ опросъ, но, конечно, никто не выучилъ, а зубрили должны были равняться на всѣхъ. Отецъ Василій вызываетъ одного, другого, — ни гу-гу. Тогда онъ обращается къ отдѣленію и говоритъ: "Вы свиньи, да еще и большія. Останетесь всѣ на одинъ повѣздъ". Въ это время поднимается на "камчаткѣ" старшій "камчадалъ" второгодникъ Акуловъ и говоритъ: "Батюшка, разрѣшите мнѣ сказать": — "Говори", разрѣшаетъ о.Василій: "Батюшка, а въ Писаніи сказано: "блаженъ человекъ, иже и скоты милуетъ". Въ классѣ молчаніе. Отецъ Василій засмѣялся и говоритъ: "Ахъ вы, паршивцы! Ну, повѣжайте". Радости не было конца. Послѣ урока все отдѣленіе качало Акулова, который, кстати сказать, на Рождественскія каникулы не уѣзжалъ.

Бразилія
Сан Пауло
26 декабря 1952г.

Алексѣй Сѣриковъ
XII выпуска.

СТАРОМУ КАДЕТУ

Ты старъ, кадетъ, и волосы сѣдые
Покрыли голову твою,
Изгнанникъ ты, но не забылъ былые
Ты въ корпусъ года, кадетскую семью.
Твой корпусъ былъ отцомъ, а матерью — Россія
И ей служить училъ пріемный твой отецъ;
Ты выполнилъ завѣтъ; и не твоей виной
Насталъ для Родины печальный, злой конецъ.
Съ оружіемъ въ рукахъ ты вышелъ на чужбину,
И хотъ враги его отняли у тебя,
Бороться словомъ сталъ и имъ служить Россіи,
Былъ вѣрентъ ей и не продалъ себя.

Сынамъ своимъ ты передалъ завѣты
 Россійскихъ корпусовъ — служить ей до конца,
 И въ Русскомъ Корпусѣ РОА ты выполнилъ обѣты,
 Хоть не судилъ Господь пріять побѣды вѣнца.
 И снова штатскій ты, и снова межъ чужими.
 Неся свой долгъ, ты долженъ крѣпкимъ быть
 И помнить свой завѣтъ: отъ службы для Россіи
 Тебя могла бѣ лишь смерть освободить.

9 октября 1950г.
 С.Пауло. Бразилія.

Алексѣй Сѣриковъ

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ О ТОРЖЕСТВАХЪ 1912 и 1913 гг. ВЪ НАШЕМЪ КОРПУСѢ.

Прошло 40 лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда я кадетомъ 2-го класса принималъ участіе въ тѣхъ великихъ торжествахъ Императорской Россіи. Почти полстолѣтія — да какихъ лѣтъ! I-я война, Революція, Гражданская война, Галлиполи, пограничная стража въ Сербіи, 2-я война, Русскій Корпусъ, Дамокловъ мечъ въ лагеряхъ Ди-Пи, трагедія въ Церкви лагеря Кемптенъ и, наконецъ, Бразилія. Казалось, послѣ всего этого — что могла сохранить память о быломъ величіи и торжествѣ моей Родины? И когда я получилъ просьбу описать эти торжества, мнѣ казалось, что все прошедшее въ какомъ то дыму отъ горящихъ селѣ моей Родины, взрывовъ аэропланныхъ бомбъ, покрывающихъ коврами мое новое прибѣжище Сербію, и что врядъ ли мнѣ удастся возстановить далекое, красивое прошлое, кажущееся теперь какой-то сказкой. Но днями напрягая память, мнѣ удалось вызвать картины тѣхъ дней. Наступилъ 1912/13 учебный годъ, какъ всегда, начинавшійся 15 августа. Но уже 26 августа, день Бородинскаго сраженія, нарушилъ размеренную жизнь нашего корпуса большимъ торжествомъ.

Въ 7 час. утра раздались звуки "зари", исполняемой нашимъ оркестромъ. Мы, малыши 4-й роты, живѣе обычного вскакивали изъ своихъ постелей. А первоклассники съ благоговѣніемъ разсматривали свои парадные мундиры съ золотыми галунами на воротникахъ; разложенные на тумбочкахъ около каждой кровати, и которые имѣ сегодня впервые придется надѣть на парадъ. И для насъ "старыхъ кадетъ", второклассниковъ, тоже все было необычайно. Во первыхъ, не будетъ обычной литургіи въ Церкви, а во вторыхъ, парадъ будетъ не на плацу первой роты, или, какъ бывало въ дурную погоду, въ торжественномъ и гимнастическомъ залахъ, а въ городѣ, на большомъ полѣ, между винокуреннымъ заводомъ и городскимъ кладбищемъ. И на парадъ будетъ не только нашъ корпусъ, но и Новгородскій Драгунскій полкъ и даже конвойная команда. Въ общемъ, весь военный гарнизонъ гор.Суммъ. Принимать парадъ будетъ нашъ директоръ корпуса, генераль-майоръ Саранчовъ, какъ старшій въ чинѣ. Корпусъ, т.е. всѣ 4 роты, былъ выстроены въ каре по плацу I-й роты, а почетный взводъ съ оркестромъ передъ главнымъ входомъ въ корпусъ для встрѣчи нашего знамени. Вотъ раздается громкая команда полк.Котрохова, командира I-й роты: "Батальонъ, смирно! Первая рота подъ знамя. Слушай! На к-рауль!" И наше развернутое "Бѣлое знамя" подъ звуки "Старога Егерьскаго марша и въ сопровожденіи почетнаго взвода и при ассистентахъ самыхъ тогда красивыхъ и представитель-

ныхъ воспитателяхъ нашего корпуса: кап. Пожидаева и кап. Айвазова (на груди котораго переливается всѣми цвѣтами радуги звѣзда, пожалованная Персидскимъ шахомъ) вступаетъ въ каре и пристраивается къ правому флангу первой роты. Оркестръ смолкъ. И снова слышна отчетливая команда командира I-й роты и временно командующаго батальономъ: "Къ ногъ! Роты на право! Ряды вздой. Первая рота на плечо! Шагомъ—аршъ!" Грянули всѣ четыре барабана нашихъ штатныхъ барабанщиковъ солдатъ, и роты, заходя плечами, потянулись колоннами въ главные ворота корпуса. Немного недоходя кладбища, мы были поражены видомъ необычнаго обоза, который обгоняла наша колонна. Всѣ линейки (упряжной экипажъ) и "катафалки" (закрытый большой тарантасъ съ двумя боковыми сидѣніями, который привозилъ преподавателей, живущихъ въ городѣ, на уроки въ корпусъ) были мобилизованы. Въ нихъ возсѣдали члены семействъ воспитателей, ихъ жены и дочери. Но это интересовало, конечно, строевую роту. Наше же вниманіе привлекли двѣ послѣднія линейки, на одной изъ которыхъ важно возсѣдалъ "Колба", преподаватель химіи Мансвѣтовъ съ какими-то ящиками, а за линейками, болтаясь во всѣ стороны, катились привязанныя, старинныя Петровскія пушки (участницы Полтавской побѣды), стоящія обкновенно въ вестибюлѣ нашего корпуса. "Колба" будетъ салютовать изъ этихъ орудій — пронеслось по колоннѣ. "Вотъ такъ штука", думали мы, малыши, съ завистью поглядывая на кадета 2-й роты, прикомандированныхъ на этотъ случай къ "Колбѣ" — нашихъ артиллеристовъ. Но вотъ колонна прошла кладбище. Раздалась команда: "Смирно! равненіе на лѣво", и нашъ батальонъ, поравнявшись съ правымъ флангомъ Новгородскихъ драгунъ, отдавалъ честь старшей строевой части. Батальонъ проходитъ дальше и выстраивается развернутымъ фронтомъ, имѣя правый флангъ къ винокуренному заводу. Къ лѣвому нашему флангу пристроилась конвойная команда. Конечно, на такое невиданное въ Сумахъ зрѣлище, какъ парадъ всего гарнизона, собрались смотрѣть чуть ли не всѣ жители города. А гражданскія учебныя заведенія инкорпорѣ стояли лицомъ къ кладбищу, около виннаго завода. Въ центрѣ этой стороны стоялъ нашъ директоръ, ген.майоръ Саранчовъ, въ полной парадной формѣ съ киверомъ на головѣ. Около него расположился штабъ: всѣ свободные отъ строя гг. офицеры и преподаватели корпуса и представители властей города. Когда всѣ строевыя части выстроились, ординарецъ отъ Новгородскаго Драгунскаго полка подвелъ директору красиваго рыжего коня. По плацу пронеслись громкія команды: "Баталіонъ смирно! Первая рота слушай на к-раулъ!" "Шашки вонъ, пики въ руку" "Слушай! На к-раулъ!" Нашъ оркестръ заигралъ вступный маршъ и директоръ началъ объѣзжать фронтъ корпуса, здороваясь и поздравляя съ праздникомъ каждую роту отдѣльно. Какъ только онъ прошелъ конвойную команду, нашъ оркестръ умолкъ, и по полю поплыли мелодичные звуки хора трубачей Новгородскаго Драгунскаго полка. Директоръ, переведя коня въ галопъ, проскакалъ на середину фронта драгунъ и поздравился съ цѣлымъ полкомъ. А въ это время на серединѣ квадрата уже устанавливались аналои, и Викарный Архіерей съ сонмомъ городского духовенства и нашимъ о. Василіемъ облачались къ молебну. "Полкъ, слѣзай!" — раздалось слѣва. "Знамена и штандарты впередъ!" — и наше облое знамя, колыхаясь и блистая на солнцѣ поплыло къ мѣсту молебна. "На молитву, шапки долой!"

Надо сказать правду, что самого молотна мы не слышали, так как квадрат был настолько велик, что середина его была от нас шагах в двухстах. А потом мы, малыши, все время старались незаметно обернуться, чтобы увидеть приготовления к салюту нашего "Колона" и его артиллеристов. Но вот раздалась команда "Накройсь!", "Знамена и штандарты на свои места!", "Парадъ смирно! Слушай на к-рауль!" "За здоровье Его Императорскаго Величества, ура!" Ст первыми же звуками гимна раздались первый выстрѣлы, потом каждая 20 секундъ слѣдующій. Салютъ въ 101 выстрѣлѣ былъ исполненъ нашими новоиспеченными артиллеристами изъ Петровскихъ пушекъ классически, ни одинъ интервалъ между выстрѣлами не былъ задержанъ. Но вотъ смолкъ послѣдній выстрѣлъ. "Къ ногъ! Батальонъ, направо!" "Роты во взводъ нуюколонну!" Начались перестроенія къ церемониальному маршу. Видно наше строевое начальство, боясь ударить лицомъ въ грязь, не рискнуло сдѣлать захожденіе плечомъ развернутаго фронта роты, и прибѣгло къ перестроеніямъ. Сдѣлавъ захожденіе правымъ плечомъ во взводной колоннѣ, баталіонъ, выйдя на линію жолонеровъ, снова выстроилъ развернутый фронтъ ротъ. "Къ церемониальному маршу поротно на одного линейнаго дистанцію" — пронеслось въ воздухѣ. Раздались звуки столь знакомаго "Егерскаго марша", и первая рота, блистая штыками, отдѣлилась отъ линейнаго и стройно поплыла мимо шпалеръ гимназистовъ и горожанъ. Не доходя на одного линейнаго до группы начальниковъ, принимающихъ парадъ, раздалась команда "На руку", сблеснули штыки, и въ первый, но и въ послѣдній въ исторіи корпуса разъ, I-ая рота прешла церемониальнымъ маршемъ съ винтовками "на руку". Маршъ, которымъ проходилъ на парадахъ только Лейбт-Гвардіи Преображенскій полкъ. Пройдя одного линейнаго за группой начальниковъ, снова блеснули штыки, и рота отчетливо какъ одинъ взяла на плечо. Перестроились во взводную колонну и, зайдя правымъ плечомъ, пошла по направленію кладбища. "Боже, не допусти испортить равеніе" — мелькаетъ въ головѣ у второклассниковъ. Грудь четвертаго челоука, считая себя первымъ. Нѣтъ, первоклассники навѣрно подведутъ, вѣдь они всего нѣсколько недѣль въ строю. Неужели наша четвертая рота оскандалится? Навѣрное эти же мысли были и у нашего ротнаго командира Петра Петровича кн. Шаховскаго, когда онъ, поднявъ и опустивъ шашку, скомандовалъ "прямо". Сердце замерло. Группа начальниковъ приближается съ необычной быстротой. Пока фронтъ какъ линейка. Неужели испортятъ? "Отлично, четвертая!" — прозвенѣло въ ухахъ. Два шага пропущено. "Рады стараться, Ваше Превосходительство!" — несется звонкій отвѣтъ. "Слава Богу!" — рота прошла дѣйствительно отлично, какъ говорилъ намъ нашъ строгій инспекторъ полк. Каншинъ, стоявшій на парадѣ около директора. Части прямо съ церемониальнаго марша разошлись по своимъ квартирамъ. Послѣ возвращенія въ корпусъ насъ ждалъ праздничный обѣдъ, на которомъ, какъ и въ царскіе дни, мы получили по коробкѣ конфектъ. Вечеромъ въ гимнастическомъ залѣ, гдѣ у насъ была постоянная сцена, снова собрались всѣ роты въ парадной формѣ и приглашенные гости. Не помню сейчасъ, кѣмъ именно изъ преподавателей былъ прочитанъ докладъ о кампаніи 1812 года и въ частности Бородинскаго боя. Потомъ была вокально-литературная программа, изъ которой въ моей памяти сохранились: Басня Крылова "Волкъ на псарнѣ", прочитанная кадетомъ 3-й роты, и баллада "Два Великана" Лермонтова, которую

исполнилъ обладающій хорошимъ басомъ кадетъ I-й роты Дидебу-лидзе. По окончаніи программы кадетскій оркестръ подъ управленіемъ полк. Ярмашта исполнилъ увертюру "1812-й годъ" Чайковскаго.

Апофеозомъ программы была живая картина "Наполеонъ въ Кремль — Пожаръ Москвы", реконструкція картины художника Вере-шагина, перенесшая всѣхъ насъ своими чудными декораціями и костюмами участвующихъ въ горящую Москву 1812 года, а въ особенности свѣтовымъ эффектомъ пожара, отражающагося на Кремлевской стѣнѣ и лицахъ Наполеона и свиты. Этимъ и закончилось празднованіе этого дня. Бала не было, такъ какъ приближался день корпуснаго праздника, Ап. Іоанна Богослова (26 сент.), когда и былъ традиціонный балъ. Сигналомъ юбилея 1812 года явился парадъ въ день корпуснаго праздника. Долженъ сказать, что какъ только мы вернулись съ каникулъ, намъ было дано распоряженіе, запросить своихъ родителей, кто изъ нашихъ дѣдовъ участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи, въ доказательство чего должны были представить въ корпусъ ихъ послужные списки или документы, подтверждающіе ихъ участіе; въ результатъ всѣ мы, подавшіе такіе документы, послѣ провѣрки ихъ, въ день корпуснаго праздника были предупреждены, что будемъ вызваны изъ строя, — но для чего, намъ тогда еще не было извѣстно. Начальство предусмотрительно поставило насъ въ первую шеренгу. Въ томъ году, какъ обычно въ дурную погоду, парадъ былъ не на плацу, а въ торжественномъ залѣ. Корпусъ, послѣ отслуженной Божественной Литургии и молебна въ нашей домово́й церкви, былъ выстроенъ въ карѣ въ торжественномъ залѣ. Послѣ привѣтствія директора корпуса, раздалась команда: "Внуки участниковъ Бородинскаго сраженія, пять шаговъ впередъ". Изъ каждой роты выступило 5-6 человекъ. Въ это время къ директору корпуса подошелъ инспекторъ классовъ полк. Каншинъ, за которымъ шелъ въ парадномъ мундирѣ капитанъ-руссъ I-й роты, неся подносъ съ коробочками цвѣта бордо, подъ каждой изъ нихъ видѣлся листъ бѣлой бумаги. Директоръ началъ обходить вышедшихъ кадетъ, бралъ коробочку и дипломъ, открывалъ ее и вынималъ оттуда золотую медаль, которую прикалывалъ къ мундиру, поздравляя съ Монаршей милостью. Всѣми внуками и правнуками участниковъ Бородинскаго боя были получены золотыя медали на Владимирской лентѣ (темнокрасная-черная-темнокрасная съ чернымъ кантомъ), на одной сторонѣ (лицевой) голова Государя Императора Александра I Благословеннаго, а на другой надпись: "Не намъ, не намъ, а имени Твоему" 1812 годъ и №... Я помню, какой гордостью исполнились наши, малышей, сердца! Мы чувствовали себя почти героями Бородинскаго боя. А какая зависть была у другихъ, не имѣвшихъ счастья имѣть такихъ дѣдовъ! Ну, теперь кадеты Полтавскаго корпуса, мои сверстники, сыновья сослуживцевъ моего отца, пусть не задаются на каникулахъ своей бронзовой медалью на синей лентѣ въ память Полтавскихъ торжествъ, которую получили всѣ кадеты Полтавскаго корпуса. У меня теперь золотая, съ личнымъ номеромъ на Владимирской лентѣ, это для cadaго военнаго что-то да значитъ. Вечеромъ на балу мы, "козароги" ходили пѣтухами, стараясь выставлять на видѣ блестящую на груди медаль. Этимъ и былъ законченъ юбилей 1812 года.

Налетѣли воспоминанія и теперь пишутся, какъ четки, одно за другимъ. Не буду описывать традиціонныхъ парадовъ и баловъ

корпусного праздника и вт день Ордана Св.Георгія; они бывали каждый годъ и различались только въ умѣнїи того или иного выпуска красивѣе украсить парадную лѣстницу и создать красивыя декорации, фантастическія павильоны и бесѣдки въ торжественномъ и гимнастическомъ залахъ. Надо отдать справедливость кадетамъ I-й роты 1912 года. На корпусномъ балу ими была создана голубая бесѣдка, вся покрытая живыми розами, которыя спускались гирляндами въ пролетахъ между рѣшетчатыми стѣнами. Тамъ засѣдали директоръ и приглашенные важныя гости: директрисы гимназій, командиръ и штабъ-офицеры Новгородскаго Драгунскаго полка, чай хоръ трубачей игралъ во время танцевъ въ торжественномъ залѣ. Нашъ же кадетскій оркестръ игралъ въ гимнастическомъ залѣ до II час., когда 4-ая и 3-ья рота отправлялись на покой и оставались только старшія роты и гости.

Въ этомъ же учебномъ году было празднованіе "300-лѣтія Дома Романовыхъ (если не ошибаюсь, въ февралѣ мѣсяцѣ). Сразу же послѣ возвращенія съ Рождественскихъ каникулъ началась подготовка къ этому юбилею, а именно: вмѣсто обыкновенныхъ чтеній по воскресеньямъ, наши воспитатели начали читать намъ произведенія и историческія труды, связанные съ этимъ юбилеемъ. Точной даты празднованія не могу вспомнить и, долженъ признаться, что все торжество не оставило такого впечатлѣнія, какъ парадъ въ день Бородина. Была Литургія и молебентъ въ церкви; на молебнѣ была провозглашена "вѣчная память" всѣмъ Государямъ и Государынямъ изъ Дома Романовыхъ, начиная съ царя Михаила Феодоровича. Потомъ, изъ-за стоящихъ холодовъ и большого снѣга на плацу, парадъ былъ въ торжественномъ залѣ. Эти парады изъ-за отсутствия мѣста были менѣе эффектны, чѣмъ парады на плацу I-й роты. Проходили церемониальнымъ маршемъ повзводно, а не развернутымъ фронтомъ роты. Но для насъ, второклассниковъ, командовавшихъ 2-мъ отдѣленіемъ взводовъ, было большой гордостью, что и мы подавали на парадъ команду, каждый старался сдѣлать это какъ можно громче, чтобы всѣ его слышали, а не только его отдѣленіе, а команда эта была всего на-всего сначала: "пол-оборота направо", а зайдя за первое отдѣленіе и выстроивъ колонну по отдѣленіямъ, "пол-оборота на лѣво!" Это перестроеніе приходилось обыкновенно въ углу, около Рисовальнаго класса, т.к. иначе не хватало мѣста для прохода. Окончивъ церемониальный маршъ, роты разошлись по своимъ помѣщеніямъ. Потомъ былъ праздничный обѣдъ, на которомъ играла музыка Новгородскихъ Драгунъ. Вечеромъ силами самихъ кадетъ и членовъ семействъ воспитателей была поставлена опера "Жизнь за Царя". Роль Вани исполняла одна изъ дочерей воспитателя, но фамилію ея вспомнить не могу. Последней шла сцена у фонтана изъ "Бориса Годунова", декорация которой осталась на балу, какъ одна изъ бесѣдокъ. Фонтанъ былъ настоящей и попеременно освѣщался разными цвѣтами отъ скрытыхъ лампочекъ. Зрѣлище было действительно эффектное. Въ торжественномъ же залѣ, вмѣсто бесѣдокъ, была устроена часть кремлевской стѣны, идущая во всю сторону зала, между рисовальнымъ и музыкальными классами. Было три башни, а между ними, за зубцами стѣны, сидѣли наша начальство и гости. Балъ, какъ всегда по традиціи, былъ открытъ полонезомъ, въ первой парѣ котораго шелъ нашъ директоръ А.А.Саранцовъ съ одной изъ директрисъ женской городской гимназій. Въ II часовъ настъ, какъ и на корпусномъ балу, отправили спать. Надо сказать, что для

насъ, 4-й роты, балъ представлялъ интересъ только тѣмъ, что безъ конца можно было пить клюквенный квасъ и миндальной молско, что же касается танцевъ, то, кажется, къ тому времени мы знали только полоназъ, венгерку и польку, а вальсъ знали только тѣ, кто умѣлъ его танцевать еще до поступленія въ корпусъ. Надо опять отдать дань нашимъ выпускнымъ кадетамъ: лѣстница, а въ особенности входъ въ торжественный залъ были декорированы очень красиво. Какъ сейчасъ передо мною стоитъ въ вѣнкѣ цифра "300" и вензеля "М.Ф." и "Н.А.", очень красиво составленные. Надо сказать, что въ этотъ день всѣми кадетами была получена книга очень красиваго изданія "Трехсотлѣтїе царствованія Дома Романовыхъ" съ обозначенїемъ даты торжества и корпуса. Всѣ же офицеры получили юбилейную медаль въ память 300-лѣтїя Дома Романовыхъ на лентѣ Романовскихъ цвѣтовъ — бѣлая, оранжевая, черная. Этимъ и закончились торжества.

Бразилїя
Сан Пауло.
1952.

Алексѣй Сѣриковъ.
XII выпуска.

ДАЛЕКОЕ, НО БЛИЗКОЕ СЕРДЦУ.

Широкія двери столоваго зала пропускаютъ строй кадетъ второй роты. Только что оконченъ вечерній чай, и кадеты черной лентой, въ строй по два, спускаются по широкой гранитной лѣстницѣ внизъ въ свой ротный залъ. Четко отбивается шагъ. Раздается команда и рота застыла на мѣстѣ. Еще подается команда направо, и рота повернулась лицомъ къ большому образу Святителя Николая. Теплится передъ образомъ большая лампада, освѣщая ликъ Святителя. Кроткіе глаза его льютъ тепло на вытянувшихся юношей, затянутыхъ въ черныя бушлаты съ красными воротниками и бѣлыми погонами на плечахъ. Да, юношей, ибо о Василій, наш батюшка, строго валь различїе: кадеты, четвертой и третьей роты, т.е. 1-й, 2-й и 3-й классы прозывались у него отроками, а старшія роты, т.е. 2-ая и 1-ая, съ 4-го по 7-ой классъ, величались юношами. Особенно гордились этимъ мальчишки 4-го класса, которые, вступивъ въ ряды 2-й роты, подтягивались и тянулись изображать взрослыхъ и считали себя уже кавалерами, и въ играхъ уже нельзя было замѣтить стремленія поиграть въ казаки и разбойники, въ солдатики и вообще — похулиганить немного. Забывшихся и взявшихся за такія дѣла, останавливали обычно товарищи замѣчанїемъ: "Э, да жебѣ оказывается еще рановата вторая рота!" — что имѣло воздѣйствїе лучше всякаго иного замѣчанія.

Итакъ, стоятъ юнцы, уже послѣ раздавшейся команды "на молитву!" и анжурятъ въ чтенїе съ дѣтства знакомыхъ молитвъ, и при чтенїи "Отче, нашъ" всѣ станоятся на колѣни.

Среди юношей этихъ стоя на колѣняхъ и я, тогда уже кадетъ 5-го класса. Черезъ четверть часа молитва закончена, и послѣ команды разсытись, рассыпается строй на всѣ стороны. Съ этого момента мы свободны и поэтому каждому представляемъ двѣ возможности: или идти на полчаса въ классъ и подгочаясь доски, читать книги, писать письма и т.п., или идти спать. За 10 час. всѣ должны быть уже въ кроватяхъ. Заключается послѣдній вечерній туалетъ и развязывается стянутое вокругъ талии полотенецъ и вѣшается подъ образкомъ кровати, надъ головой. Громаднѣйшій

спальный залъ начинаетъ понемногу затихать; гасятся лампы и вспыхиваютъ зеленые ночники, и пріятнымъ спокойнымъ свѣтомъ полумрака освѣщаютъ ряды мягкихъ кроватей, гдѣ юноши уложили свои буйныя головушки на бѣлоснѣжныя мягкія пуховыя подушки. Послѣдній разъ обходитъ дежурный офицеръ спальнй залъ, мягко позванивая шпорами, ибо онъ въ чинѣ подполковника, и удаляется къ себѣ въ дежурную комнату, тоже на покой. Немного времени спустя на смѣну ему появляется фигура дежурнаго ночного служителя въ козловыхъ сапогахъ, тихо обходящаго спящихъ кадетъ и наворачивающаго въ одномъ углу спальной тихонько свои часы особымъ ключикомъ, наворачивая число своихъ круговыхъ обходовъ. Тихо, спокойно и пріятно съ высоты потолка льетъ свою мягкую зеленъ свѣтъ ночниковъ. Потихоньку смыкаются глаза, и сладкій крѣпкій сонъ сковываетъ очи...

Вдругъ среди что ни на есть сладкаго сна раздается въ моихъ ухахъ съ перерывами: "топ, топ, топ", — потомъ опять: "топ-топ-топ-топ-топ..." Съ досадою приподнимаюсь съ постели. Топотъ чьихъ-то ногъ ясно слышенъ невдалекѣ. Сразу въ сонномъ еще мозгу врѣзывается догадка: это новый ночной служитель, "чтобъ ему тамъ..." — не соизволилъ переодѣть своихъ грубыхъ сапогъ на мягкіе козловые, — и вижу, что и мои сосѣди начинаютъ пошевеливаться.

Съ понятнымъ для себя возмущеніемъ и сознаниемъ кадета старшаго класса, я прямо заоралъ: "Экая каналья! чтобъ тебя чертъ пожралъ, не видишь что-ли, тупая свинья, что всѣ спятъ.. изволь моментально переодѣть свои солдатскія колоды на козловые сапоги..." .. и, не сдержась, закрѣпилъ свое краснорѣчіе російскимъ....(извините, стыдно вспомнить). Раскрылъ было ротъ, чтобы усилить еще покрѣпче свое наставленіе и — ротъ застылъ открытымъ, и я, какъ снопъ подкошенный упалъ снова на свою подушку и мгновенно прикинулся крѣпко спящимъ. Мои глаза увидѣли изъ-за широчайшей колонны быстро стучащую сапогами фигуру "Андрюши", т.е. директора Сумскаго Кадетскаго корпуса, глубокоуважаемаго и любимаго нами кадетами генералъ-лейтенанта Андрея Михайловича Саранцова. Не успѣлъ я сомкнуть какъ слѣдуетъ глаза, какъ увидѣлъ черезъ рѣсницы фигуру генерала надъ моей головой, читавшаго мою фамилію на дощечкѣ кровати.

"Ну вотъ, ну вотъ, конечно, Татариновъ, какъ не стыдно! Я изъ-за васъ ночи не сплю, я за вами всѣми ъбгаю! я не могу успѣть переодѣть своихъ сапогъ, такъ какъ изъ-за васъ всѣхъ къ часу ночи заканчиваю свой день"... и пошелъ, и пошелъ... Накричался, на шумѣлъ сдержаннымъ до шопота голосомъ, повернулся и тихо уже поспѣшно оставилъ спальнй залъ.

Да! этого я не ожидалъ, и больно, стыдно стало мнѣ. Обложилъ руганью нашего "Андрюшу". Плохо дѣло. Приоткрылъ глаза, и вижу, сосѣди мои приподнялись на локтѣ и зашептали..." Охъ! Татариновъ, твои-то дѣла оказались дрянъ-а? Какъ ты думаешь, обложилъ "Андрюшу" да, — ну пиши ему отходную. Экъ вѣдь мастерски обработалъ!" Роковой шопотъ кругомъ еще болѣе заставилъ забиться мое сердце, но... молодость есть все же молодость, не прошло и 10 минутъ, какъ коварный сонъ сомкнулъ по настоящему мои вѣки и погрузилъ меня снова въ небытіе.

Сигналъ пробужденія прорѣзалъ ухо. Начался новый день. Открывъ глаза и освобождаясь отъ послѣднихъ остатковъ сна, я вспомнилъ вдругъ происшествіе минувшей ночи. Меня сразу охва-

тило чувство какого-то унынія и тоски. Слева и справа поднимаются кадеты и я слышу разговоры: "А ты слышалъ ночью, какъ Татариновъ обработалъ Андрея?" — "Какъ же не слыжать! Ну да его дѣло дрянъ, экъ отшатнулъ его какъ!" — "А вотъ и самъ Татариновъ поднимается. Ну, Татаринсы, плохи твои дѣла..." Да, но вставать все равно надо. Единственное рѣшеніе, которое я могъ принять въ своемъ безнадежномъ состояніи, это — не говоря никому ни слова, просто сердечно извиниться передъ Андреемъ Михайловичемъ за вчерашній мой поступокъ, а тамъ уже мнѣ все равно, — что будетъ, то будетъ. И вотъ, не откладывая долго, сегодня утромъ надо это сдѣлать. Душой, конечно, страдалъ, т.к. мы, кадеты, безъ исключенія, съ любовью и восторженнымъ уваженіемъ относились къ своему директору корпуса. Директоръ корпуса имѣлъ обыкновеніе каждый день на утреннихъ занятіяхъ, до начала уроковъ обойти все классы (а ихъ было 21) и поздороваться со всеми кадетами. Съ разрѣшенія воспитателя, мы совершенно свободно могли обратиться къ директору по своимъ дѣламъ. Этимъ я и рѣшилъ воспользоваться.

Послѣ чая и молитвы начались утреннія занятія по подготовкѣ уроковъ. Вдругъ слышу стройное: "Здравія желаю, Ваше Превосходительство!" Это донеслось изъ 5-го класса 1-го отдѣленія. Я былъ во второмъ. Ну, думаю, сейчасъ войдетъ директоръ и, поздоровавшись съ нами, вызоветъ меня.

Какъ одинъ съ шумомъ выскакиваютъ съ парты и вытягиваются кадеты. Дверь раскрыта, и въ ней стоитъ директоръ. "Здравствуйте, господа!" — "Здравія желаемъ, Ваше Превосходительство". Директоръ обвелъ глазами классъ, — повернулся круто и пошелъ по направленію 3-го отдѣленія пятого класса. Я моментально подлетѣлъ къ отдѣленному воспитателю и попросилъ разрѣшенія обратиться къ директору. Зачѣмъ? — спрашиваетъ онъ. "По частному дѣлу, господинъ капитанъ". — "Иди".

Выскочивъ изъ класса въ ротный залъ, вижу, директоръ уже взялся за ручку двери 5-го Ш-го. "Ваше Превосходительство, разрѣшите обратиться къ вамъ!" — "Что?" — спрашиваетъ, обернувшись ко мнѣ директоръ. Переведя духъ, вытянувшись въ струнку, я сокрушеннымъ голосомъ выпаливаю: "Извините меня, Ваше Превосходительство, сегодня ночью, когда я спалъ, я думалъ, это служитель..." — "Что? сегодня ночью?" — переспрашиваетъ директоръ, "ничего не помню!" — и поворачивается отъ меня, открывая дверь класса и... слышу стройное: "Здравія желаю Вашему Превосходительству!" — и такъ даже не далъ мнѣ высказать своихъ извиненій... Да, навѣрное покаянно безъ всякихъ объясненій, почему кадеты Сумскаго Кадетскаго Корпуса обожали и по сыновнему любили своего директора Андрея Михайловича Саранцова.

Да будетъ тебѣ легка земля Франціи, гдѣ ты почиваешь вѣчнымъ сномъ.

Сумецъ Всеволодъ Татариновъ.

Сан Пауло
Бразилія
1953.

ПОСЛѢДНІЙ РАЗЪ ВЪ СТѢНАХЪ РОДНОГО КОРПУСА.

Конѣцъ іюня, началс іюля 1919 года. Добровольческая армія наступаетъ, послѣ занятія Харькова, все дальше, къ Москвѣ. Я въ это время служилъ старшимъ унтеръ-офицеромъ изъ вольноопредѣляющихся въ Черноморскомъ Конномъ полку, во 2-мъ эскадронѣ, подѣ командой нашего бывшаго Сумскаго кадета подп. Александра Подольскаго. Взята станція Басы, откуда рукой подать до родного корпуса и Сумъ. Но намъ было извѣстно, что корпусъ превращенъ въ красные командные курсы, которые навѣрное дадутъ большій отпоръ, чѣмъ обыкновенные красноармейцы. Одинъ баталіонъ Дроздовцевъ наступаетъ на Сумы по желѣзной дорогѣ. Нашему жидкому эскадрону (всего 40 сабель!) приказано взять корпусъ. Подольскій вызываетъ меня и говоритъ: "Тебѣ, какъ Сумскому кадету, предоставляю честь первому войти въ нашъ корпусъ. Бери съ собою шесть всадниковъ и сдѣлай все, чтобы мы раньше пѣхоты были въ корпусѣ и въ Сумахъ".

Вспомнились мнѣ въ тотъ моментъ наши военныя прогулки, и въ душѣ поблагодарилъ своего воспитателя, полк.Потемкина, который однажды устроилъ развѣдку подступовъ къ Корпусу со стороны ст.Басы. Не думалъ я, тогда 12-лѣтній мальчикъ, что мнѣ придется повторить эту развѣдку въ боевой обстановкѣ. Подступы и всѣ мосты на рукавахъ рѣки Пселъ я зналъ отлично. Считая, что красные курсанты насъ будутъ ждать въ лобъ, т.е. со стороны кадетскаго парка, направленіе на Басы, я съ развѣдомъ отклонился по оврагамъ за экономію Альтшулера и, подойдя оврагомъ почти вплотную къ плацу 3-й роты и лазарету, галопомъ бросился въ сторону парка, откуда слышались одиночныя выстрѣлы. Поровнявшись съ угломъ корпуса спальни 4-й роты, я почти въ упоръ налетѣлъ на группу красныхъ курсантовъ, державшихъ винтовки у ноги, и при нашемъ появленіи прижавшихся къ стѣнѣ. "Сдавайтесь!" кричали мы, размахивая шашками. "Не рубите, мы бѣлые кадеты" — раздался голосъ человѣка въ старомъ офицерскомъ кителѣ, съ бакенбардами. Я взглянулъ на него. "Полковникъ Эрмерштетъ, это вы?" — крикнулъ я. "Да, я", отвѣтилъ онъ. "А вы кто?" — спросилъ онъ меня. "Сѣриковъ, кадетъ отдѣленія Потемкина", отвѣчаю я. "Ну, слава Богу, мы спасены", говоритъ онъ. "Кто въ паркѣ? Гдѣ курсанты?" — спрашиваю я. "Я съ этимъ отдѣленіемъ нарочно принялъ задачу прикрывать отходъ курсовъ. Курсанты сейчасъ навѣрное занимаютъ валъ кладбища. Всѣ мы, находящіеся здѣсь, хотимъ служить въ Добровольческой Арміи. Что намъ дѣлать?" спрашиваетъ полковникъ. "Слушать мою команду, и все будетъ хорошо", отвѣчаю я. Послалъ одного всадника съ донесеніемъ къ командиру эскадрона. Двумъ другимъ съ пятью новыми добровольцами приказалъ выдвинуться въ сторону кладбища и вести наблюденіе. Въ это время со стороны бани и кухни появилась фигура въ старой защитной офицерской фуражкѣ бѣзъ кокарды, въ офицерской пелеринѣ (плащѣ). Всмотриваюсь: полк.Бояровскій, мой бывший преподаватель математики. Я отдаю ему честь. Полк.Эрмерштетъ говоритъ, кто я. Онъ дѣлаетъ кислую улыбку и говоритъ: "Что, наступаете?" — Пораженный такой встрѣчей я отвѣчаю: "Какъ видите". Какъ я потомъ, уже находясь въ Крыму, и узнавъ многое, пожалѣлъ, что не разспросилъ его, что онъ собою представляетъ, и не вывелъ изъ сего нужнаго заключенія и дѣйствія.

Меня потянуло скорѣе войти снова въ столь родныя мнѣ стѣны. Войдя въ подгѣздѣ, я отправился въ болѣе родную мнѣ 4-ую роту. Но, Боже, что за ужасъ! Наши широкія колонны заклеены всевозможными крикливыми плакатами съ изображеніемъ Троцкаго, Ленина и друг., и каррикатурными изображеніями нашей Добр. Арміи и нашихъ вождей. Кругомъ грязь, гадость, слѣды поспѣшно удиравшихъ хозяевъ. Невольно всталъ передъ глазами старый чистый залъ съ иконой преп. Сергія Радонежскаго въ углу, съ портретами Государя, Вел. Кн. Константина Константиновича, Наслѣдника Цесаревича. Нѣтъ черныхъ рамокъ съ текстами "Коль Славентъ" — все уничтожено, все испоганено. Но дальше мнѣ не удалось пройти. Отъ кладбища затрещалъ пулемѣтъ. "По конямъ", — скомандовалъ я, снялъ фуражку, перекрестился, — и въ послѣдній разъ сошелъ со ступенекъ родного корпуса. Больше мнѣ въ него заглянуть не удалось.

Алексѣй Сѣриковъ
I2 выпуска.

Санъ Пауло
Бразилія.

КАКЪ Я УЧИЛСЯ ИГРАТЬ НА ВІОЛОНЧЕЛИ.

Было это въ бытность мою въ 4-мъ классѣ корпуса. Мои родители рѣшили, что пришло время мнѣ серьезно заняться музыкой и предложили мнѣ выбрать инструментъ. При чемъ мнѣнія раздѣлились: Мамаша, какъ сама играющая на роялѣ и въ свое время учившая меня играть на немъ, склонялась къ тому, чтобы я продолжалъ заниматься игрой на этомъ инструментѣ; папаша предлагалъ скрипку; ну а я почему-то выбралъ віолончель. Долго и много переписывались, въ концѣ концовъ "моя взяла", и я получилъ благословеніе. Всю процедуру приѣма я прошелъ благополучно и получилъ ноты и новенькую віолончель въ футлярѣ, которую долженъ былъ хранить въ гимнастическомъ залѣ, въ дѣловомъ помѣщеніи отъ сцены, въ шкапу. Все шло нормально, и я посѣщалъ вечернія занятія по музыкѣ исправно. Были и анекдоты во время занятій.

Былъ такой очень живой и шаловливый кадетъ IX выпуска, отдѣленія сотника Айвазова, — Писанко младшій. Даровитый, малый и съ прекраснымъ слухомъ, учился играть на скрипкѣ, но его живой характеръ не давалъ ему спокойно сидѣть и методически выводить раздѣльно одну ноту за другой. Освоившись съ этимъ инструментомъ достаточно, по его мнѣнію, онъ началъ подбирать и разгрывать различныя пѣсенки. Это, конечно, страшно не нравилось нашему преподавателю-еврею, очень скромному, терпѣливому и прекрасно знающему свое дѣло. Онъ, конечно, дѣлалъ Писанко замѣчанія, но "мѣръ воздѣйствія" примѣнять не могъ, для этого былъ присутствующій всегда дежурный по корпусу ротный командиръ. И вотъ однажды, когда былъ дежурнымъ полкъ Катасоновъ, Писанко опять взялся за свою музыку; ему, конечно, преподаватель сдѣлалъ замѣчаніе прекратить это, но увлекшійся Писанко не обращалъ ни на кого вниманія и продолжалъ свое дѣло. Тогда оскорбленный преподаватель обратился къ полк. Катасонову со слѣдующими словами: "Г-нтъ Полковникъ, пожалуйста, прикажите Писанкѣ не связывать ноты, я ему сколько разъ говорилъ это, но онъ не слушаетъ меня". Полк. Катасоновъ былъ

вспыльчивый и не особенно талантливый в музыкѣ человекъ и сейчасъ же рѣгировавъ съѣдиритимъ приказаніемъ: "Писанко, что ты тамъ дѣлаешь? почему не ступаешь, займи связку аашь ноты, тебѣ говорятъ, разряжи сейчасъ же и стань на сѣрафѣ".

Теперь вернемся къ началу. Тамъ шло время. Я былъ малый любознательный, и вотъ однажды, въ началѣ занятия, мое вниманіе привлекъ хорошо наощенный, лежащій на огромномъ столѣ для нотъ трамбонтъ. Никого не было въ комнатѣ, и я рѣшилъ полюбовать поиграть на немъ. Прислонилъ въелодочель къ столу, положилъ смычекъ и всталъ за трамбонтъ. Рѣзаностъ въ комнатѣ музыкальныхъ инструментовъ была оченьъ хороша; голыя стѣны, паркетный полъ и обширное помещеніе. И вотъ, надувъ щеки, я что было мочи началъ дуть въ трамбонтъ и выдвигать и вдвигать его нижнюю часть; вдругъ онъ издалъ невѣроятно громкіе звуки и... о ужасъ! — я увидѣлъ, какъ моя віолончель, задрожавъ на своей длинной ножкѣ, вдругъ всахстрѣе к бнстрѣе сосунулась на бокъ и со страшнымъ трескомъ уларилась с паркетный полъ и... разлетѣлась на мелкіе кусочки. Я какъ и сомѣрѣ съ трамбонтъ въ рукахъ. Что же теперь будетъ? Что дѣлать? Немедленно придя въ себя, я положилъ трамбонтъ на это мѣсто, а остатки моей новенькой віолончели аккуратно сложилъ въ футляръ, закрылъ его и поставилъ въ шкапъ на мѣсто, а замъ убожалъ въ роту, въ классъ и сѣлъ за парту, взялъ книгу и сдѣлалъ видъ, что страшно занятъ изученіемъ этого предмета. Но у насъ въ корпусѣ не такъ то легко было нарушить заведенныя правила. Не прошло и четверти часа, какъ ко мнѣ въ классъ явился дежурный по корпусу старшей роты кадетъ и потребовалъ отъ имени директора ген. Саранцова явиться немедленно наверхъ на занятія музыкой. Я конечно оправдывался, что не пошелъ туда потому, что не успѣваю по предмету, и рѣшилъ свободное время употребить на подготовку, но... приказаніе есть приказаніе, и я съ поникшей головой и со страхомъ въ сердцѣ, последовалъ за вице-унтеръ-офицеромъ. Нашему директору вездѣ было дѣло, и безъ него, какъ говорится "вода не освятится". Онъ уже ждалъ меня въ комнатѣ музыкальныхъ инструментовъ. Я явился ему и повторилъ свои оправданія въ надеждѣ, что онъ отпуститъ меня, но онъ, видно, по моему угнетенному виду, заподозривъ что-то другое и приказалъ все же достать инструментъ и идти играть. Я медлил; онъ ждалъ. Въ концѣ концовъ онъ перенялъ голосъ и приказалъ сейчасъ же открыть футляръ и приступать къ занятію. Я досталъ футляръ, подумалъ немного, онъ на меня пристально смотрѣлъ, тогда я набрался рѣшимости, сказавъ себѣ, что "двумъ смартамъ не бывать, а одной не миновать". Сталъ напротивъ директора, поставилъ футляръ парадъ собой и быстро открылъ крышку къ нему, наклонивъ футляръ. Вдругъ раздался какой-то шуршащій шумъ, и изъ футляра посыпались вѣсь составныя чабы віолончели на полъ прямо къ ногамъ директора. Онъ обомлѣлъ и сначала не могъ выговорить ни слова, потомъ круто повернулся, взметнувъ фалдами своего сюртука и истерически закричалъ: "Вонъ, вонъ стсюда сейчасъ же, и больше не смѣй приходить сюда. Додожи воспитателю объ этомъ". Что было потомъ — лучше не вспоминать. Этимъ кончилась моя музыкальная карьера. Родители, погоревавъ и заплативъ за инструментъ, все же не унимались, и нѣтъ-нѣтъ, да напоминали мнѣ то музыкѣ. Останавливались, конечно, всегда на рсялѣ, молъ, я его не слмаю, да и надо же молодому теле-

вѣку надо же умѣть играть на чемъ нибудь. И вотъ я рѣшилъ продолжить и выбралъ духовой оркестръ. Полковникъ Ярмер-штедтъ, милѣйшій человекъ и любимецъ кадетъ, сразу принялъ меня и далъ для начала "трубу" В. Я написалъ родителямъ, они успокоились, затаивъ горечь въ себѣ, а я сталъ регулярно посѣщать уроки и дулъ себѣ въ трубу. Но вотъ, вѣрный себѣ ген. Саранчовъ прилетѣлъ однажды къ намъ на урокъ въ парадный актовый залъ, гдѣ происходили занятія, и, увидѣвъ меня, играющаго на трубѣ, неистово замахалъ руками и закричалъ: "Вонъ, вонъ его изъ оркестра, онъ мнѣ всѣ трубы здѣсь переломаетъ, вонъ!" И такъ, послѣдняя моя попытка приобщиться музыкѣ окончилась скандаломъ. Впослѣдствіи я игралъ на гитарѣ, и всю первую войну, будучи въ одномъ кавалерійскомъ полку, проводилъ ее съ собою и не сломалъ, а мой денщикъ сталъ извѣстнымъ на всю дивизію, благодаря черному клеенчатому футляру, съ которымъ онъ никогда и нигдѣ не разставался.

Гаррисбургъ, Па, США.
1953.

Н. Синькевичъ
УШ выпуска.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ (Изъ личныхъ воспоминаній)

"Для встрѣчи справа!...Шай!.. на к-раулъ!"

Два короткихъ взмаха рукъ. Блеснули штыки и грозно замерли стальной щетиной.

Въ Бѣлый залъ Сумскаго Кадетскаго корпуса входилъ Августѣйшій Ген.-Инспекторъ военно-учебныхъ заведеній Вел.Кн. Константинъ Константиновичъ. 500 паръ молодыхъ глазъ съ восторгомъ и съ обожаніемъ впились въ высокую, статную "романовскую" фигуру Вел.Князя. Оркестръ заигралъ ветрѣчный маршъ и сразу умолкъ.

"Здоггово, самцы!" — замѣтно картавя и по случайности перепутавъ "у" на "а", громко здоровался Вел.Князь.

— Здравія желаемъ, Ваше Императорское Высочество! — дружно гаркнули въ отвѣтъ 500 молодыхъ "самцовъ", ничуть не обидѣвшись за ошибку. И только лукавыя улыбки дамъ-гостей, собравшихся противъ строя кадетъ, говорили о томъ, что достанется сумцамъ на орѣхи отъ прекраснаго пола за случайную ошибку ихъ Августѣйшаго начальника.

Урокъ математики въ шестомъ классѣ. Къ доскѣ вызванъ кадетъ Лазаревъ. Вдругъ открывается дверь и входитъ Вел.Князь, одинъ, безъ свиты. Принявъ отъ дежурнаго рапортъ, онъ садится на свободное мѣсто вызваннаго къ доскѣ кадета. Урокъ продолжается. Вел.Князь внимательно слушаетъ. Потомъ, какъ бы машинально, онъ приподымаетъ крышку парты и заглядываетъ туда. На глаза ему попадаетъ увѣсистая пачка нотъ съ модными тогда романсами. Заинтересовавшись, Вел.Князь начинаетъ ее перелистывать, а вскорѣ, все болѣе и болѣе увлекаясь, начинаетъ пѣть вполголоса. Весь классъ замеръ, затаивъ дыханіе. Кадетъ Лазаревъ остановился у доски съ мѣломъ въ поднятой рукѣ. Нашъ математикъ С.В.Лачиновъ раскрылъ ротъ отъ удивленія и тоже превратился въ статую. Вел.Князь докончилъ пѣть

романсъ, поднялъ глаза, и тогда только замѣтилъ гробовую тишину въ классѣ. Слегка смутившись, онъ быстро захлопнулъ парту и громко произнесъ: "Продолжайте, продолжайте... я слушаю".

Спальня 4-ой роты, самыхъ маленькихъ кадетъ. Они укладываются спать, оживленно переговариваясь о впечатлѣніяхъ дня — посѣщеніи корпуса В.Кн.Константиномъ Константиновичемъ. И вдругъ входитъ онъ самъ, какъ всегда, безъ свиты. Медленно обходитъ онъ ряды кроватей и шутитъ съ кадетами. Тутъ онъ замѣтилъ одного мальчика, который старательно стелетъ свою постель Вел.Князь, взявъ подушку, тихонько подкрадывается и бросаетъ въ него подушкой. Раздосадованный маленькій кадетъ, не соображая, что онъ дѣлаетъ, бросаетъ эту подушку обратно. Великій Князь ловитъ ее на лету и бросаетъ въ другого кадетъ. Это было какъ бы сигналомъ къ общей битвѣ. Полетѣли подушки въ разные стороны, а главнымъ образомъ въ Вел.Князя. Шутя отбивается Вел.Князь и, наконецъ, схватываетъ двухъ ближайшихъ кадетъ, опрокидываетъ ихъ на кровать, а сзади на него наваливается уже цѣлая куча малышей. Прибѣжали испуганный ротный командиръ и воспитатель и, чтобы привести въ порядокъ распалившихся кадетъ, пришлось имъ прибѣгнуть къ магической командѣ "смирно!" Въ помятомъ кателѣ, смѣюшійся В.Князь поднимается съ кровати и притворно грозитъ пальцемъ.

— Ваше Императорское Высочество, дайте что-нибудь на память! — кричатъ хоромъ кадеты.

В.Князь вынимаетъ платокъ и бросаетъ его. Онъ подхватывается и разрывается на сотню кусочковъ, и каждый кадетъ спѣшитъ запрягать на всю жизнь драгоценный кусочекъ, какъ память о любимомъ Августѣйшемъ Начальникѣ, такомъ дорогомъ, такомъ близкомъ нашей кадетской душѣ.

Викторъ Клепацкій
II выпуска.

ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО

Сумскій Кадетскій Корпусъ... Какъ много говорятъ эти слова, сколько дорогихъ воспоминаній вности, и тѣни прошлаго встаютъ, какъ живыя...

Нашъ Корпусъ былъ одинъ изъ самыхъ молодыхъ въ старой Императорской Россіи, успѣвшій до революціи дать всего одиннадцать полныхъ выпусковъ. Корпусъ былъ громадный, всѣ классы имѣли по два, а часто и по три параллельныхъ отдѣленія. Свѣтлые, большіе ротные залы, украшенные вдоль стѣнъ живыми пальмами въ зеленыхъ кадкахъ. Десятки полотеровъ ежедневно по утрамъ натирали паркетъ, затоптанный за день кадетскими ногами. По стѣнамъ висѣли картины и гравюры изъ военной жизни и изрѣченія великихъ русскихъ людей и полководцевъ. Нарядная стѣна колоннами, столовая, свободно вмѣщающая одновременно всѣ роты 4-ой роты, гдѣ въ Царскіе дни и въ день корпуснаго праздника, во время обѣда, игралъ оркестръ корпусной музыки или трубачи 10-го Драгунскаго Новгородскаго полка — нашихъ сосѣдей. Громадная портретная облая зала, гдѣ зимой, въ плохую погоду, для парадовъ выстраивался во взводныхъ колоннахъ весь батальонъ.

онъ корпуса со знаменемъ и проходилъ церемоніальнымъ маршемъ. Рядомъ была гимнастическая зала, съ постоянной оценкой для спектаклей. Уютна и красива была наша церковь, храня, справа отъ алтаря, въ чехлѣ, корпусную сшитую — знамя. Образцово оборудованный лазаретъ, лабораторіи, химическій кабинетъ, своя электрическая станція, просторныя офицерскіе бѣлила, чудный паркъ съ купальней на рѣкѣ — все это былъ нашъ корпусъ, гдѣ воспитывались мы, дѣти русскаго офицера, готовясь посвятить себя службѣ Родины, слѣдуя примѣру нашихъ отцовъ, а часто и дѣдовъ.

Сравнительно съ другими корпусами, мы были порядочно избалованы: одѣвали насъ прекрасно, мундиры были трехъ сроковъ, шинели двухъ; спали мы на мягкихъ кроватяхъ съ пружинными сѣтками. Всею этою роскошью и красотой обстановки, Корпусъ въ большой степени обязанъ былъ крупному жертвователю, южному сахарозаводчику Харитоненко, который безвозмездно предоставилъ Военному Ведомству большой участокъ земли и крупный капиталъ на постройку въ Сумахъ Кадетскаго Корпуса.

Несмотря на весь этотъ комфортъ, дисциплина была суровая, и вся жизнь наша была распределѣна до мелочей. Съ малыхъ лѣтъ приучали насъ къ порядку и чистотѣ. По командѣ "смирно" все замирало и за всякое нарушеніе слѣдовало наказаніе. Каждый разъ, становясь въ строй для молитвы или строемъ идя въ столовую, взводные кадеты, а то и дежурный офицеръ, проходя вдоль фронта, осматривали у каждаго сапоги, мѣдныя бляхи, пуговицы, — и не дай Богъ, если все это не было доведено до блеска: сыпались наряды, записи въ журналъ, изгнаніе изъ строя. Въ младшей 4-й ротѣ, командиръ ея, полк.кн. Шаховской, часто самъ осматривалъ у своихъ кадетъ чистоту рукъ, ушей и шеи, и жестоко наказывалъ неряхъ.

Жили мы чрезвычайно дружно и чувство товарищества вкоренялось въ насъ глубоко; ни уныніе, ни жалобы не допускались въ кадетской средѣ. Матеріальная сторона жизни въ корпусѣ не существовала; возвращаясь изъ отпуска, всѣ деньги мы сдавали воспитателю. Если же кто ихъ утаивалъ и, въ дальнѣйшемъ, это обнаруживалось, то деньги конфисковались и, въ присутствіи виновнаго, офицеромъ-воспитателемъ опускались въ Церковную кружку. Мы всѣ чувствовали себя равными, принадлежа къ одной военной семьѣ. Въ 1-й ротѣ мы много увлекались игрой на билліардѣ, спортомъ, гимнастикой, и все это создавало бодрую, здоровую атмосферу, гдѣ для разгильдяйства не было мѣста. Всѣ старались быть подтянутыми, аккуратными и тщательно отдавать честь. Занимались мы много и зубрили не мало: требованія были высокія и баллы ставились скупы.

Много далъ корпусу нашъ многолѣтній, послѣдній директоръ, нами всѣми любимый и уважаемый Генералъ-лейтенантъ Андрей Михайловичъ Саранчовъ, суровый и требовательный начальникъ, и въ то же время глубоко-культурный и гуманный человекъ. По службѣ своей онъ былъ коренной офицеръ Л.-Гв. Павловскаго полка, затѣмъ, окончилъ Академію Генеральнаго Штаба, Долго служилъ въ Кавказскомъ Военномъ Округѣ, гдѣ командовалъ дѣлестнымъ Апшеронскимъ полкомъ. Генералъ Саранчовъ прекрасно разбирался въ людяхъ и сумѣлъ подобрать хорошій личный составъ офицеровъ и преподавателей. По положенію, кадетамъ въ Корпусѣ запрещалось курить. Директоръ нашъ самъ былъ некурящій и курить

шикамъ объявилъ войну. Поймаютъ курильщика (даже I-й роты) — сразу попадаютъ въ карцѣръ, кромѣ того ему сѣвлялись два балла по поведенію и автоматически налагался целый рядъ ограниченій: безъ отпуска, запрещеніе записи на сладости и пр. и пр., и навсегда уже исключалась возможность получить унтеръ-офицерскіе, не говоря о фельдфебельскихъ, нашивки. Кадеты-курильщики какъ бы переводились въ разрядъ "штрафованныхъ", и въ лучшемъ случаѣ, при окончаніи корпуса, могли имѣть 9 по поведенію.

Послѣ Рождественскихъ каникулъ, мы возвращались изъ отпуска 6-го января вечеромъ. Курильщики въ I-й ротѣ возвращались 5-го января, т.е. уже наканунѣ, и изъ нихъ, вмѣстѣ съ оставшимися въ корпусѣ на каникулы кадетами, составлялся сводный взводъ или полурота, для присутствія со знаменемъ на Крашенинскомъ парадѣ и водосвятіи.

Почти каждый разъ, какъ ловили новаго курильщика, Директоръ появлялся передъ выстроенной ротой, говорилъ грозную рѣчь, смыслъ которой всегда сводился къ слѣдующему: разъ вы теперь уже не исполняете приказанія, какой же вы будете потомъ офицеръ и воспитатель солдатъ?

Кромѣ всего, Директоръ нашъ былъ большой знатокъ русской исторіи, зная наизусть все событія, года, царствованія и проч. Часто, посѣщая классы во время уроковъ исторіи, задавалъ кадету летучіе вопросы по курсу. Однажды въ 6-мъ классѣ онъ спросилъ меня годъ Куликовской битвы, — я не зналъ. Это былъ позоръ, который онъ не могъ мнѣ простить. Если случайно въ общей толпѣ кадетъ ген.Саранчовъ замѣчалъ меня, то вѣжливо но ядовито вопрошалъ: — Де Виттъ, въ которомъ году была Куликовская битва? — Въ 1380 году, Ваше Превосходительство. — Такъ помните это и не забывайте! — бросалъ онъ на ходу и быстро удалялся.

Лѣтъ десять спустя, переживъ и революцію, и крушеніе Бѣлыхъ армій, мы случайно встрѣтились въ Парижѣ, около церкви. Встрѣча для насъ обоихъ была неожиданная и радостная. Ген.Саранчовъ заключилъ меня въ свои объятія и мы расцѣловались. Потомъ онъ вдругъ задумался, что-то припоминая: — А помните ли. Вы еще, когда была Куликовская битва? — Я назвалъ годъ. — Скажите, здорово я васъ допекалъ этимъ въ корпусѣ?... Теперь я спокоенъ, вы запомнили это навсегда! — и мы оба разсмѣялись.

Часто приходилось и приходится слышать отзывы, которые были проникнуты оппозиціей к арміи и правящему классу. Съ пѣной у рта они говорили о произволѣ, грубости, пьянствѣ и всякихъ порокахъ, якобы царившихъ въ закрытыхъ Военно-Учебныхъ заведеніяхъ. Ничего подобнаго, конечно, не было. Наши Россійскіе корпуса и училища были на рѣдкость здоровы по духу и по морали, за этимъ зорко слѣдило начальство, да и сами товарищи.

Мнѣ припоминаются два характерныхъ случая. Одинъ имѣлъ мѣсто въ 4-й ротѣ, когда я кончалъ уже корпусъ. Одинъ изъ малышей укралъ какую-то мелочь у своего пріятели, былъ пойманъ на мѣстѣ, и, конечно, жестоко избитъ товарищами по классу; но дѣло все же дошло до начальства, которое рѣшило, въ назиданіе другимъ, круто расправиться съ виновникомъ. Послѣ обѣда въ столовую вошелъ директоръ; команда — встать, смиренно — все замерло. Директоръ вызываетъ изъ строя виноватаго. Въ нѣсколькихъ словахъ передъ всѣмъ корпусомъ генералъ *Саранчовъ* обрисовалъ

поступокъ провинившагося мальчика-кадета и сказалъ: "Военная срада не терпитъ воришекъ, ибо они позорятъ погоны, которые они носятъ. Я васъ долженъ выгнать вонъ, но этимъ я нанесу тяжелый ударъ вашимъ частнымъ родителямъ. Я приказываю срезатьъ вамъ погоны, которые вы недостойны носить". И тутъ же капитанъ мусть большими портняжчыми ножницами, шелкнувъ два раза, оставилъ на бушлатѣ только кусочки бѣлаго сукна, вшитые въ плечо погонѣ. Это было самое позорное наказаніе въ нашихъ корпусахъ. Кадетъ со сбѣзанными погонями въ строй становиться не смѣлъ, и ходилъ сзади отдѣльно; бѣлъ за отдѣльнымъ столомъ, сидѣлъ одинъ на партѣ, товарищи его сторонились, онъ былъ обезчещенъ. Съ нимъ запрещалось разговаривать и играть, и такъ выдерживали виноватаго три-четыре мѣсяца, пока онъ не исправлялся.

Вотъ другой случай. Я былъ въ I-ой ротѣ, въ 6 классѣ. Мы были на военной прогулкѣ, продѣлавъ верстѣ 10-12 похода, со скатками, винтовками и пр. снаряженіемъ, остановились на привалѣ и затѣмъ стали заниматься сигнализацией флажками по азбукѣ Морзе. Одинъ изъ взводовъ попалъ на хуторъ, и мой товарищъ по отдѣленію, кавказецъ Д. гдѣ-то раздобылъ водки, и сразу отъ непривычки опьянѣлъ и заснулъ на сѣнѣ. Это было вскорѣ замѣчено офицеромъ-воспитателемъ. Пьяного Д. уложили на подводу, укрыли шинелями и отправили въ корпусъ, гдѣ его помѣстили въ лазаретъ проспаться. Мы его въ ротѣ больше не видѣли... На слѣдующее утро, Д. съ однимъ изъ корпусныхъ барабанщиковъ (солдатъ), при надлежащей бумагѣ, былъ отправленъ къ своимъ родителямъ во Владикавказъ. Двери корпуса были для него закрыты.

Вотъ эти два прискорбныхъ и единичныхъ случая показываютъ, какъ реагировало начальство и какъ рѣзко пресѣкалось въ жизни Корпуса всякое беззаконіе и распушенность. Кадеты въ своей массѣ были большіе патриоты, политикой никто и не интересовался. Газеты въ I-й ротѣ получали, но читали мало, интересовались, главнымъ образомъ, приложеніями къ "Новому Времени", "Нивой", журналомъ "Развѣдчикъ". За пребываніе въ Корпусѣ мы перечитали, конечно, всѣхъ русскихъ классиковъ. Въ вечерніе часы иной разъ устраивалось чтеніе вслухъ въ присутствіи воспитателя, послѣ чего происходилъ обмѣнъ мнѣній о прочитанномъ. Мы были молоды, интересовались жизнью и шли съ ней.

Прошло уже сорокъ лѣтъ, какъ я покинулъ стѣны родного Корпуса, и сегодня съ глубокой благодарностью вспоминаю я счастливые годы моей молодости, когда былъ Царь, и съ Нимъ могучая Россія, и мы, кадеты жили чудной сказкой — отдать все для вѣрнаго служенія Имѣ.

Д. Де Виттъ.

Парижъ. 1954.

К і е в ъ . . . С у м ы .

(Послѣдній этапъ въ родномъ корпусѣ)

Въ январѣ 1918 года нашъ Ш-й Конный Корпусъ былъ отвѣ-
дентъ на расформированіе въ Кіевскую губернію. 1-го февраля
группа Новгородскихъ драгунъ (офицеры и нѣсколько десятковъ
солдатъ) выѣхала по направленію Сумы, куда уже поѣздомъ отбыла
наша хозяйственная часть. Всѣ мы были на лошадяхъ; подходили
къ Черкасамъ; наша развѣдка донесла, что вокругъ города рас-
ставлены большевистскія заставы, которыя арестовываютъ офице-
ровъ и отбираютъ лошадей; пришлось обходить городъ съ юга. На-
чиналась уже оттепель, и ледъ на Днѣпрѣ не былъ проченъ; тутъ
насъ выручилъ одинъ крестьянинъ, указавъ мѣсто, гдѣ еще можно
было пройти. Перекрестившись, взяли коней въ поводъ и спусти-
лись на ледъ; было жутко, лошади упирались, мѣстами вода про-
текала сверху и, казалось, что вотъ-вотъ раздастся злобшій
трескъ и мы погрузимся въ холодную воду. Но Господь милостивъ!
Всѣ благополучно перебрались на берегъ и по 25-тиверсткѣ про-
должали нашъ путь. На ночь останавливались въ деревняхъ, выби-
рая крайнія хаты на случай тревоги. Нѣсколько дней все шло хо-
рошо, но вотъ разѣ подъ утро въ нашу хату ворчались красные;
арестовали меня и еще двухъ офицеровъ (другимъ посчастливилось
уйти раньше) и отправили съ пѣшимъ конвойнымъ въ штабъ, распо-
ложенный въ сосѣдней деревнѣ. По дорогѣ мы шли сначала пѣшкомъ
ведя конейно въ поводу, потомъ увидѣли нашего конвоира, что мы
очень устали и, съ его разрѣшенія, сѣли по конямъ и, конечно,
взяли противоположное направлеіе. Проскакавъ немного подъ лег-
кимъ обстрѣломъ нашего конвойнаго, мы выбрались на другую до-
рогу и вскорѣ нагнали своихъ. Шли мы такимъ образомъ двѣ недѣ-
ли (около 700 километровъ) и 14 февраля вечеромъ подошли къ
Сумамъ со стороны Шепетовки. Здѣсь мы разстались: кто поѣхалъ
домой, кто къ знакомымъ. Мнѣ некуда было ѣхать, — тѣмъ болѣе
вечеромъ — вездѣ были красные. Но вѣдь тутъ былъ мой родной
корпусъ. Захвативъ съ собой корнета Снѣгирева, я поѣхалъ въ
корпусъ. Генералъ Саранчевъ встрѣтилъ насъ по отечески, облас-
калъ и разрѣшилъ остаться до утра, но при этомъ сказалъ: "Ве-
дите себя тихо, т.к. я теперь никакого голоса не имѣю. Всѣмъ
руководитъ капитанъ Х — председатель комитета". Ужинали мы
съ кадетами въ столовой; пропѣли молитву: какимъ уютомъ повѣя-
ло, какъ тепло стало на душѣ, — я дѣйствительно былъ дома. По-
рѣдъ тѣмъ какъ идти спать въ лазаретъ, гдѣ намъ отвѣли комнату
мы съ корн. Снѣгиревымъ пошли задать кормъ лошадямъ. Приходимъ
въ конюшню, а тамъ уже солдатъ съ винтовкой, который говоритъ
намъ: "Васъ просятъ немедленно явиться въ канцелярію"... Пошли.
Тамъ насъ встрѣтилъ неизвѣстный мнѣ капитанъ Х, безъ погоня,
инвалидъ безъ руки, присланный въ корпусъ во время войны, и
сухо сказалъ намъ: "Въ качествѣ председателя комитета, я дол-
женъ донести о вашемъ прибытіи въ штабъ Красной Арміи г. Сумъ".
Ничего не отвѣчая капитану Х, рѣшили вначалѣ пойти въ конюшню
и силой забрать своихъ коней (мы были въ полной формѣ и при
оружіи), но, вспомнивъ обѣщаніе, данное Генералу Саранчеву,
вести себя тихо, и боясь навлечь непріятности на корпусъ, рѣ-
шили смириться и пошли въ лазаретъ спать.

На другое утро мы были арестованы и отправлены под конвоем в штаб Красной Армии; там нас обыскали, отобрали кофты и выпустили.

Больше в корпус я идти не решился и, как как устроив свою жизнь, дождался формирования Новгородского полка при Украинской армии, а там вскорь, захватив наш штандарт, который нам удалось выкрасть у большевиков при содействии пленника В.А.Харитоненко, мы переехали в Добровольческую армию. Доехали до Екатеринодара, где жила моя семья. Однажды на улицѣ я столкнулся с капитаном Х, уже в формѣ добровольца. Он, увидя меня, круто повернул назад, но я успел замечать, что он вошел в здание Контр-Разведки. Я последовал за ним и попросил дежурного офицера доложить обо мнѣ Начальнику Контр-Разведки; генерал (фамилию не помню) принял меня, расспросил и решил устроить очную ставку. Был вызван капитан Х, который состоит сотрудником контр-разведки. "Вы не узнаете меня?" - спросил я. "Нѣтъ, ваше лицо мнѣ ничего не говорит". - "А вы были воспитателем в Сумском Корпусѣ?" - "Да, конечно". - "А не помните ли вы, как вы выдали меня и корнета Снѣгирева большевикам?" - "Да, да, но вѣдь я вынужден был!"... и он начал было приводить доводы, но генерал сурово прервал его: "Довольно!...Этого достаточно"... Дальнейшая судьба капитана Х мнѣ неизвестна.

И.Ивановъ - 7-го выпуска.

Ротмистръ 10-го Драгунскаго Новгородскаго полка.

СТРАНИЧКА ИЗЪ ЖИЗНИ.

В Сумскій Кадетскій Корпус я поступил в 1913 году, во второй класс и вскорь был назначен старшим нашего 3-го отделения. В 1913/14г. нашим воспитателем был пор.Дипковский, но в 1914 году он был переведен в Иркутскій Кад.Корпус и на его мѣсто был назначен шт.кап.Длужневскій, который вскорь был произведен в капитаны, а затѣм в подполк. Старшим я продолжал оставаться до осени 1916 года, когда я заболел скарлатиной съ осложненіем на почкахъ, и передъ Рождеством 1916г. получил длительный отпуск для леченія дома. Тогда на мое мѣсто старшим отделения был назначен Борисъ Розенбергъ. Таким образом, февральскую революцію я переживал дома, в Харьковѣ. Когда я вернулся в корпус весной 1917г., я узнал, что эти событія произвели удручающее впечатленіе, какъ на кадетъ, такъ и на весь начальствующій персонал: весь корпус съ винтовками устроил в городѣ демонстрацію, но настроеніе быстро падало. Ухватив лѣтом в отпуск, я больше в корпус не возвращался. После ухода немцев съ Украины, я ушел в Добровольческую армию и съ нею продвигался походъ до самаго Чернигова, а затѣм обратно. При отступленіи подъ Кіевомъ я был тяжело ранен и эвакуирован в тыл, в Одессу. В 1919г. мнѣ пришлось посѣтить Сумы дважды: первый разъ при наступленіи Добр.Арміи прошли черезъ Сумы; тогда я встрѣтил подполк.Стржелецкаго, но съ нимъ

я много не разговаривалъ, т.к. не было тогда времени, да и, кромѣ того, я былъ съ нимъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ. Второй разъ я былъ въ Олександріи съ порученіемъ отъ нашего командира полка, ген. Дтейфона (который былъ потомъ Командиромъ Русскаго Корпуса въ Сербіи) къ Командиру Запаснаго Батальона нашего полка, стоежаро въ Сумахъ. Тогда я встрѣтилъ своего воспитателя подполк. В.Ф. Длужневскаго и провелъ съ нимъ цѣлый вечеръ; отъ него я узналъ, что во время большевиковъ въ нашемъ Корпусѣ была Военная школа и ея военнымъ руководителемъ былъ подполк. "В". Въ послѣдній разъ о нашемъ корпусѣ мнѣ пришлось услышать отъ кадета 2-го отдѣленія нашего класса Свѣтлая Игнатовича, котораго я встрѣтилъ на фронтѣ въ 1919г. (онъ былъ на Бронеповздѣ); онъ былъ съ нами вице-фельдфебелемъ и сказалъ мнѣ, что нашъ Корпусъ въ небольшомъ составѣ былъ эвакуированъ въ Крымъ и тамъ онъ его захватилъ въ ускоренномъ порядкѣ.

О событіяхъ 1912/13 года, я ничего особеннаго объ этомъ періодѣ не помню, — можетъ быть, потому, что я поступилъ въ 1913 году, уже послѣ этихъ событій, но и тогда разговоры о нихъ никакихъ, какъ будто, не было. Въ отношеніи же отличія корпусу, были слухи, послѣ смерти Бел. Кн. Константина Константиновича, что нашему корпусу дадутъ его имя, но эти слухи не оправдались и, насколько я помню, это отличіе получилъ Одесскій Кад. Корпусъ. За время моего пребыванія въ Корпусѣ самымъ большимъ событіемъ, не считая начала войны, было посѣщеніе нашего корпуса ген. отъ артиллеріи Попруженко. Во время же войны нѣкоторые наши кадеты старшихъ классовъ побывали во время лѣтнихъ каникулъ на фронтѣ, въ особенности тѣ, у которыхъ были братья или отцы на передовыхъ позиціяхъ, и возвращались въ Корпусъ Георгіевскими кавалерами. Это производило большое впечатленіе на другихъ кадетъ. Нѣкоторые воспитатели ушли въ Дѣйствующую Армію, а на ихъ мѣсто пришли другіе, получившіе раненія

Парижѣ.

Николай Федоровскій
6-го класса.

В О С П О М И Н А Н І Я .

Много воды утекло и много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ оставили мы свое родное гнѣздо. Но если закрыть глаза и перенестись мысленно въ этотъ далекій міръ чуднаго прошлаго, то картины и образы встаютъ ясно одна за другой.

Первый день въ корпусѣ. Четвертая рота. Пригонка обмундированія. Бѣлые погоны съ начищенными пуговицами. Новые товарищи, огромные залы, — все казалось такимъ большимъ, и было приятно и жутко.

Особенно страшилъ ротный командиръ, Петръ Петровичъ полковникъ князь Шаховской. Кто не помнитъ его грозный окрикъ неповиновавшемуся малышу: "Я тебѣ, каналья, голову сорву!"

Проходитъ время и мы знакомимся съ нашими воспитателями и преподавателями. Батюшка, отецъ Василій Виноградовъ, умный и чуткій наставникъ; съ какой добротой и нѣжностью относился онъ къ намъ, и какъ строгъ былъ во время церковной службы! Директора, Ген.-Лейт. Андрея Михайловича Саранчова мы видимъ

каждый день по крайней мере спать раз, и сна всегда куда-то торопится.

Мы привыкаем к строю и военной дисциплине, осваиваемся с нашими занятиями и обстановкой, знакомимся с окрестностями, бываем иногда в парк. А какой чудный вид открывается с верха парка, — видны были рукава Пола далеко-далеко, а еще дальше виднелась желѣзно-дорожная станція Басы по дорогѣ на Харьковѣ.

Другія картины плывутъ передъ глазами: бѣлая трехэтажная зданія корпуса, офицерскія флигеля, плацы первой и третьей ротъ, обсаженные стройными тополями, кухня, лазаретъ, электрическая станція, пекарня, баня и мастерскія...

Широкія лѣстницы главнаго Зданія, покрытыя коврами, ведутъ въ обширную столовую, а еще выше, направо — огромный танцевальный залъ, замѣнявшій въ лѣтнюю погоду парадный плацъ, и направо гимнастическій залъ и сцена, гдѣ часто ставились спектакли и даже отрывки изъ оперъ.

Мысленно переходишь въ ретиния залы, обходишь классныя комнаты и заглядываешь въ каждую изъ нихъ отъ четвертой до первой роты. Здѣсь провали мы семь лѣтъ, а многія и больше. Сколько было здѣсь радости и боли, труда и дурачества, надеждъ и стремленій!

Не забудешь и длинныя ротныя спальни со стройными рядами бѣлыхъ кроватей отъ дежурной комнаты до склада кафтѣнармуса; умывалку и чистилку съ жидкой ваксой и мокрыми щетками.

Противъ столовой — домовая уютная церковь, хранилище нашего Бѣлаго знамени. Какъ хотѣлось иногда уловчиться отъ длинной воскресной службы! Вспоминаются царскіе праздники и парады, хремовой праздникъ, балы съ духовымъ оркестромъ и танцами.

Дальше передъ глазами проходятъ фигуры офицеровъ, преподавателей и воспитателей; почти всѣ они ушли уже въ лучшій міръ, но образы ихъ четко вырисовываются въ памяти; инспекторъ классовъ, гвн.майоръ Каншинъ, мы рѣдко его видѣли; старшій врачъ Вейднеръ, всегда серьезный, и младшій, маленькій и веселый, докторъ Кандыба. Командиры ротъ, полковники Котроховъ, Ламанскій, Куровъ, Потемкинъ, и позже Некрасевичъ и Катасоновъ. Преподаватели: Воробьевъ, Измаиловъ, Чагментъ, г-жа Котрохова, Эрдманъ, Шперертъ, Лачиновъ, Евлампіевъ, Цельсѣцкій, Бояровский, Мансвѣтовъ, Лобко, Плиткинъ, Горскій, Лучининъ, Длужневскій и другіе. Воспитатели: Элендъ, Бухнеръ, Венедиктовъ, Ярмерштедтъ, Стржелецкій, Айвазовъ, Рѣшиковъ, Жабоклицкій, Пожидаевъ, Отецкій, Ярцевъ, Шиманскій, и во времена молсдой поручикъ нашъ Есиповъ, Не забудешь и казначея Мароховскаго, секретаря Смирнова, Архитектора Словенникова и эконома Петрова.

Всѣ они внесли свои знанія, терпѣніе и трудъ въ постройку нашихъ молодыхъ жизней, въ развитіе нашихъ характеровъ и въ ростъ нашихъ русскихъ душъ; славные, родные и любимые призраки прошлаго! Прошлаго ушедшаго, но не забытаго. Всѣ наши волненія, неудачи и непріятности, что казались тогда такими ужасными переживаніями, сейчасъ вспоминаются съ пріятней улыбкой.

Продолжаешь мысленно витать среди этихъ призраковъ милого, родного Сумскаго Кадетскаго Корпуса, среди лучшихъ лѣтъ

нашей беззаботной юности, и не хочется сткрыть глаза и спуститься въ чужую реальность чуждаго, коварнаго міра...

9.9.53
Нью Йоркъ.

Н.В. - XI выпуска.

ТЕБѢ, РУССКІЙ БѢЖЕНЦѢ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Безумьемъ гонимые, грустью томимые
Родину бросили вы...
Въ странѣ непривѣтливой плохо васъ встрѣтили, -
Всѣ тамъ коварны и злы.
Безъ денегъ и средствъ, безъ уюта семейнаго,
Раздѣты, голодны, больны,
Безъ цѣли и мысли, съ тоской безконечной,
По свѣту разсѣялись вы.
Вы живете лишь вѣрой, надеждой больной -
Въ сердцѣ вашемъ любовь велика,
Вы живете Великой Россіей Родной,
Ей вѣрны остались навсегда.
Вашу вѣру бездонную видитъ Господь.
Будетъ день - снова станете съ Неою,
Сбросивъ злобу и месть къ ней вернетесь опять,
Назовете Родную - Свою...

Подъ Шатромъ.
Іюль 25, 1922.
Турцій.

Н.Венедиктовъ - XI вып.

Незабвенной Памяти
Дорогого Отца посвящаю.

Жизнь - это сонъ, сонъ пестрый и нелѣпый,
То ярко красочный, то тусклый и больнои.
То полный свѣтлаго, волнующаго чувства,
То душный, тѣсный и нѣмой...
Жизнь, это сонъ, гдѣ призрачны видѣнья,
Гдѣ счастья нѣтъ, а только лишь забвѣнья
Гдѣ къ истинѣ такъ жалки всѣ стремленья
И только Смерть рождаетъ Пробуждѣнья.

Сар.Бар.Турція
Фев.17, 1922

Н.Венедиктовъ - XII выпуска

Памяти дорогого Товарища
Виктора Шелестова.

Года идутъ стремительной толпою,
Все свѣтлое ушло, осталось позади,
И сердце теплится одною лишь мечтою, -
Стать на тотъ путь, что вьется впереди.
Пусть онъ осмѣянный, тяжелый и терновый,
Пусть рѣдкій путникъ движется по немъ,

Но, вѣрю сердцемъ, будетъ ясный, твердый,
 И лучшему въ душѣ тамъ будетъ данъ просторъ...
 Тамъ солнце яркое играя заливаеъ,
 Тамъ нѣтъ ни ненависти, злобы или лжи,
 Тамъ чувство свѣтлое всю душу заполняеъ, —
 То путь ПРОШЕНЬЯ и ЛЮБВИ. —

Н.Венедиктовъ, XI вып.

Маль-Тепе, Турція
 Февр. 16, 1922. К-поль

Сегодня гладко и спокойно море,
 Мнѣ ясно видны острова,
 Заливъ Исмидскій мягко выступаетъ,
 И горъ его прекрасна синева.
 Какъ хорошо здѣсь рано утромъ,
 Когда чуть вѣтеръ листовой шелеститъ,
 Инжиръ и слива съ стройнымъ кипарисомъ
 Собою любуются, и сонъ отъ нихъ обжитъ.
 А зной придетъ — замретъ все усыпая,
 Лишь въ воздухѣ жужжанія концертъ.
 Я спрячусь въ тѣнь, жарой изнемогая,
 и буду вѣжиться, любуясь тобой.
 Люблю тебя, Красавица-Природа,
 всю жизнь я пью восторгъ твоихъ прекрасныхъ
 Ты вѣчно молода, такъ ярка и свободна, /глазъ
 Ты мнѣ даешь дурманящій экстазъ...

Турція
 Лѣто 1922г.

Н.Венедиктовъ, XI вып.

Плакала осень въ рыданіи вѣтра,
 Мѣсяцъ всего лишь назадъ.
 Чувалась въ пѣснѣ ея безответной
 что близокъ печальный конецъ...
 И умерла какъ-то случайно, неждано
 Затихла, умолкла, блѣдна.
 Покрытая саваномъ бѣлымъ безбрежно
 Ложитъ ужъ холодной ЗИМА.
 И многіе дни пробѣгутъ монотонно,
 Не скрасивъ замерзшаго жизни лица,
 Но тамъ, впереди гдѣ-то, выгянетъ радость,
 И къ жизни съ улыбкой возстанетъ ОНА.
 Въ цвѣтахъ, изъ подъ снѣга, срывая покровы,
 Встанетъ радости яркой полна,
 И захочется плакать, и жить, и смѣяться, —
 Вновь придетъ и ЛЮБОВЬ и ВЕСНА.

Декабрь 1923
 Нью - Йоркъ.

Н. Венедиктовъ — XI вып.

РОДНЫЯ КАРТИНКИ.

Пестрыя душистыя долины,
 Широкія, цвѣтуція поля,
 Вы, Русскія безбрежныя равнины,
 О, какъ давно вастъ видѣлъ я!
 Прохладныя и ласковыя рѣчки,
 Тѣмныя сосновыя лѣса,
 Бѣдныя крестьянскія избышки,
 И вы, родныя голоса!
 Стада, пасущіяся мирно,
 И пыль дорогъ, васильки,
 Родная пѣсня плачетъ мѣрно
 Стъ рыбацкэй лодкѣ у мели...
 Кривая маленъкая церковь,
 Кладбище жайковъ при ней,
 Худой и жалобный священникъ,
 И скрипъ несмазанныхъ осей.
 Крестьянъ просторная сѣжда,
 И поступь важная воловъ,
 И званъ величественно нѣжный
 Моихъ родныхъ колоколовъ.

Іюнь 29, 1937.
 Нью-Йоркъ. США.

Н.Венедиктовъ - XI вып.

СЛУЧАЙ СЪ КАДЕТОМЪ "К" - X ВЫПУСКА.

Однажды Директоръ Корпуса ген.лейт. Саранчевъ, обходя ночью спальни, замѣтилъ, кто кадетъ "К" спитъ, не снявши нижнюю часть туалета. Директоръ разбудилъ его и приказалъ снять "продолженія". Кадетъ "К" (кстати сказать, Кавказецъ) послушно это выполнилъ и, сидя на кровати, протянулъ ихъ Директору, который аккуратно ихъ сложилъ и положилъ на табуретку, какъ и полагалось. На утро кадету "К" былъ разностъ, но этимъ дѣло и кончилось.

М.Величковъ - X вып.

Америка.

ВОСПОМИНАНІЯ О РОДНОМЪ КОРПУСѢ.

Осень 1902 года. Моя покойная мать привезла меня въ Сумы изъ Одессы въ корпусъ на экзамены. Не буду останавливаться на наставленіяхъ и совѣтахъ, которые мнѣ давали и родные, и близкіе, и знакомые, какъ нужно отвѣчать, что повторить и т.д. но, благополучно прибывъ въ Сумы, настъ ждало первое разочарованіе: ни одной комнаты въ гостинницахъ, т.к. предусмотрительные папы и мамы заранее привезли своихъ дѣтей, чтобы не остаться безъ комнаты. Послѣ разныхъ мытарствъ, моя мать нашла комнату на постояломъ дворѣ, на Базарной площади. Комната

была чистая и хорошая, и неприятных насекомых не было, только нам досаждали мухи, роями налетающія из конюшен постоялаго двора.

На другой день меня повезли на экзамены, и два дня мы ждали результатов. В назначенный день мы опять побѣжали в корпус съ душевным трепетом: выдержалт или провалился?

Наконец, нам объявили результаты; многие радовались, а некоторые плакали. Я выдержалт в первом десяткѣ и былт страшно гордт. Дали намт пару дней на прощаніе съ родителями. Вы сами понимаете, дорогие однокашники, что за эти дни и родители и мальчики пережили многое — отъ сѣмьи первый шагт въ жизнь какт бы самостоятельную: изт подт крылышка въ роту.

Настъ собралт р.к. полк. Ламанскій и съ нимт воспитатели: подп. фонъ Котентъ и кап. Калугинт. Выстроили разношерстную компанию (ранжирт) — дали номера — мой былт 23 — а затѣмт развели по отдѣленіямт. Я попалт въ первое.

Въ классѣ нашт воспитатель Алдр. Фридр. фонъ Котентъ намт выдалт книги, тетради и т.п. и назначилт "старшаго" — первымт старшимт былт Буйницкій.

Затѣмт разношерстную роту повели завтракать, на прогулку и затѣмт на пригонку обмундированія, на стрижку и вообще подт нивеллировку и обученія "строю". Мы, уже настоящіе кадеты, быстро усвоили "шагистику" и главнымт образомт потому, что у насъ было соревнованіе: мы гордились мундиромт и старались другт друга перешеголять. Приближалось 26 сентября — нашт корпусный праздник, а въ Корпусѣ внутри еще продолжались работы по покраскѣ и установкѣ перилъ на главной лѣстницѣ. Въ роты на подоконникахт были поставлены цвѣты и пальмы. И вотт среди кадетт пронесся слухт, что на освященіе церкви пріѣдетт Вел. Кн. Константинт Константиновичт. Такая интересная новость, конечно, комментировалась нами на всѣ лады, но когда на урокѣ учитель русскаго языка Т.М. Воробьевт выбралт нѣкоторыхт кадетт (въ томт числѣ и меня) и сказалт, что мы будемт декламировать на вечерѣ въ присутствіи Вел. Князя, то всѣ наши сомнѣнія разсѣялись, какт дымт. Приблизительно 24-го сентября пріѣхалт Вел. Князь, котораго всѣ ожидали съ нетерпѣніемт. На насъ, мальчиковт, онт произвелт громадное впечатлѣніе, его престижт, обаяніе, ласковое обращеніе съ нами насъ очаровали, не говоря уже о томт, что это "дядя Государя", для насъ полубогт, что-то недосыгаемое.

25-го сентября насъ повели на освященіе Корпусной Церкви. Кадеты Ш кл. (907г.), П кл. (908г.) и I кл. (909г.). Въ нованькихт съ иглочки мундирахт и съ бѣлымт кушакомт насъ выстроили поротно въ нашей Церкви. На освященіе прібылт Высокопреосвященнѣйшій Флавіант, Архіепіскопт Харьковскій и Ахтырскій, четыре священника и протодіаконт, фамилію его забылт, замѣчательнѣ своимт могучимт голосомт: такт, когда онт возгласилт "многая лѣта", то въ Церкви все гудѣло.

Чинт освященія былт очень длинный, служба длилась 3½—4 часа, и когда кадеты начали уставать, а нѣкоторые даже падали въ обморокт, то Вел. Кн. приказалт сказать кадетамт, что если кто усталт, можетт выйти изт Церкви и отдохнуть.

Наконец, служба кончилась, насъ повели "оправиться" въ

роту, а затѣмъ на чай, а потомъ въ роту на вечернюю молитву и спать, т.к. завтра, 26-го, предстоятъ большой и трудный денъ.

26-го, послѣ обычнаго утренняго распорядка, намъ дали полтора часа на "занятія своими дѣлами", а затѣмъ мы пошли чиститься и одѣваться въ мундиры, а въ 10 час. всѣ были на Литургіи, и служба была гораздо короче, чѣмъ наканунѣ. Затѣмъ парадъ, на которомъ мы продефелировали передъ Вел.Княземъ и лично ему отвѣчали, потомъ парадный завтракъ, отдыхъ до обѣда; обѣдъ тоже былъ "особымъ": будьонтъ съ пирожкомъ, жареная телятина, мороженое и мѣлочекъ конфетъ — наша большая радость.

Въ 7 час. вечера начался литературный вечеръ и струнный оркестръ исполнилъ нѣсколько вещей, затѣмъ балъ; игралъ духовой оркестръ 28 драг.Нижегородскаго полка. Чай мы ходили пить съ приглашенными. Столы были уставлены буттербродами-вѣхт со товъ, сладостями съ прохладительными напитками. Въ 12 час. все было кончено, гости разошлись, а мы отправились по ротамъ, т.к. завтра — обычный денъ съ уроками и занятіями. Намъ дали поспать лишній часъ, а въ 8 утра зазвенѣла труба горниста и началась наша обыденная корпусная жизнь, съ нашими маленькими радостями и огорченіями, но у каждого въ памяти осталось и до сихъ поръ свѣтлое воспоминаніе о нашемъ отрочествѣ.

Второй знаменательный денъ нашей кадетской жизни уже относится къ 1907 году. Вотъ уже второй годъ, какъ я былъ въ I-й строевой ротѣ. Дѣло въ томъ, что въ 1906 г. въ I-й ротѣ было 2 отдѣленія 6-го класса и два отдѣленія 5-го класса. Тогда начальство рѣшило 2 отдѣл. 2 роты 4-го класса раздѣлить на 3 отдѣленія, и одно изъ нихъ перевести въ I-ую роту. Въ это отдѣленіе попалъ и я, и уже въ 4-мъ кл. получилъ, какъ и остальные, вытровку (барданку) и подсумокъ. Особенно горды мы были, когда ходили въ отпускъ, т.к. у насъ на кушакѣ висѣлъ штыкъ. Слегка "куражились" передъ своими же одноклассниками второй роты и при всякомъ удобномъ случаѣ подчеркивали, что мы "первая рота".

За годъ насъ обучили ружейнымъ приѣмамъ и вышколили, какъ заправскихъ "павлоновъ".

Итакъ, въ 1907 г. въ маѣ, мы узнали, что Государь пожаловалъ корпусу знамя, и что это знамя привезетъ Вел.Князь Константинъ Константиновичъ.

Дѣйствительно, въ началѣ мая прибылъ Вел.Князь въ Сумы. Всѣ помѣщенія корпуса и Церковь были украшены цвѣтами и пальмами. Освященіе знамени было въ нашей церкви, но я не помню, какой былъ архіепископъ, такъ какъ архіеп. Флавіанъ, освящавшій церковь, не то скончался, не то былъ переведенъ.

На плацу былъ парадъ, причемъ было уже четыре роты кадетъ. По рассказамъ очевидцевъ, маршировали мы хорошо: твердую держали ногу, правой рукой, какъ одинъ, махали до пояса, а главное — штыки были въ одну линію, какъ по ниточкѣ. Послѣ парада былъ праздничный завтракъ. Присутствовали, кромѣ Вел.Князя и его свиты, к-ръ 28 Драг.Нижегородскаго полка съ офицерами, Г.Харитоненко, Гор.Голова, Предвод.Дворянства, духовенство и вообще важные персоны.

Завтракъ былъ совершенно особенный по своему меню и торжественности. У меня долго хранилась коробочка отъ конфетъ, на

крышкѣ которой былъ изображенъ нашъ полонтъ; и вообще другія вещи, какъ напр., наша группа, фотографіи корпуса, нашъ значекъ полонты и т.п. — все это пропало во время "Великой безкровной" но дорогія воспоминанія остались въ сердцѣ навсегда. Директоръ корпуса, ген. Андрей Михайловичъ Саранчовъ, сказалъ прекрасную рѣчь о "чудномъ дѣломъ знамени, эмблемѣ воинскаго долга, единенія и вѣрнопопданства Государю и Родинѣ, знамени, которое мы должны охранять до послѣдней капли крови".

Пришла эта ужасная революція, и я слышалъ, что одинъ изъ кадетъ, какъ потомъ оказалось, Дмитрій Потемкинъ, сынъ нашего ротнаго командира полк. Потемкина, вывезъ наше знамя въ Сербію тысячу разъ рискуя въ обезумѣвшей революціонной Россіи свою жизнь; онъ доставилъ знамя Директору Крымскаго Корпуса, за что и былъ имъ произведенъ въ вице-унтеръ-офицерское званіе. Чести ему и слава!

Послѣ завтрака мы были распущены по ротамъ и занимались "своимъ дѣломъ", потомъ обѣдъ, реже улучшенный (съ мороженымъ) а вечеромъ концертъ и балъ.

Великій Князь былъ на открытіи бала, но вскорѣ ушелъ изъ главнаго зала, и мы впоследствии узнали, что онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Третій знаменательный день былъ 25 мая 1909г., когда послѣдняго экзамена, въ помѣщеніи I-й роты былъ накрытъ обѣденный столъ, и передъ отъѣздомъ мы въ послѣдній разъ въ Корпусѣ сѣли за трапезу. Присутствовалъ ген. лейт. Андрей Михайловичъ Саранчовъ, р.к. Иванъ Андр. полк. Котроховъ, воспитатели: подп. Стиславъ Ферд. Отоцкій (мой восп.), кап. Ильинъ, преподаватели и другое "бывшее начальство", — т.к. мы считали себя уже не кадетами.

Послѣ обѣда было уже дружеское собесѣдованіе, прогулка на плацу, — и вдругъ разразилась страшнѣйшая гроза, и кто-то сказалъ, что это худое предзнаменваніе для насъ, — и м.б. онъ былъ правъ: 1914-1917гг. никому изъ насъ не принесли счастья.

Анатолій Штахеръ — 3 выпуска

Листики отлетѣвшіе,
Весной чуть пригрѣтые,
мечты недозрѣвшія
И пѣсни неспѣтыя...

Б.А.

Звонко прославятъ васъ трубы походныя
Въ дни наступленія великой войны, —
Спите-жѣ спокойно, Россіи сыны,
Жертвы вечернія, жертвы безплодныя!

А.Эйснеръ.

Стихи эти взяты съ креста-памятника на кадетскомъ кладбищѣ въ Югославіи.

СПИСОКЪ КАДЕТЪ. ОКОНЧИВШИХЪ СУМСКІЙ КОРПУСЪ.

1-й выпускъ:

Абжолтовскій
 Азбукинъ Николай
 Антипинъ
 Альшинскій
 Анищенко
 Бурдинъ
 Брезгунъ
 Борейша
 Булгаковъ
 Бенецкій
 Бутовичъ I
 Валяевъ I
 Гамалъи I
 Гладышевскій I
 Гасперскій
 Ганъшинъ
 Галецкій I
 Глуханинъ
 Долинскій I
 Жанколя
 Забълло I
 Ивойловъ
 Измайлловичъ I
 Козляковскій
 Капнинъ
 Корзунъ
 Кушевскій
 Крыштопанко
 Лютинскій
 Нуджевскій
 Ненадкевичъ
 Петровъ
 Павловскій
 Протопоповъ
 Пешанскій
 Пятницкій
 Поропковъ
 Поповъ
 Рафтопуло I
 Стажевскій
 Савичъ
 Станюковичъ I
 Свѣшниковъ
 Садуновъ
 Трынковскій
 Кн. Химшиевъ
 Храповицкій
 Циприановичъ
 Черкасовъ
 Черногубовъ

Щереметинскій
 Ярчевскій I
 Янчевскій I
 Ятальницкій

2-й выпускъ:

Аникиевъ
 Айдаровъ
 Азбукинъ 2
 Андреевъ
 Анищенко 2
 Александровъ
 Баньковскій I
 Бѣловъ
 Барнадскій
 Владковъ
 Вѣнцковскій I
 Вѣнцковскій 2
 Гесслеръ
 Галецкій 2
 Громадскій
 Гедеоновъ
 Грицевичъ—Уржулидскій
 Григорьевъ I
 Гоппа
 Гвоздевъ
 Долинскій 2
 Денжовъ
 Дьячанко
 Дембскій
 Давыдовъ
 Елисѣевъ
 Ермоленко I
 Жагманъ I
 Жуковъ II
 Загребельный
 Загурскій
 Заремба—Годзіевскій
 Завадовскій
 Зашкевичъ
 Измайлловичъ
 Ивановъ
 Ильинскій
 Кокораки
 Касаткинъ
 Кормплевъ
 Ключаревъ
 Колесниковъ
 Колесниченко

Кузьминъ—Каравеевъ
 Клепацкій
 Копачъ
 Костинъ
 Кондрашевъ
 Константинъ I
 Кнорозъ
 Калениченко
 Корзунъ
 Кучкинъ
 Кузинъ
 Левицкій
 Лактионовъ
 Лаптевъ
 Лапинъ
 Лебедянецъ
 Лазаревъ
 Лешенко
 Леженко
 Марченко
 Минковъ
 Медьниковъ
 Маньковскій
 Массалитинъ
 Неклюдовъ
 Насѣкинъ
 Петельницъ
 Писаревъ
 Пожидаевъ
 Пеленкинъ
 Павловскій 2
 Прокосевъ
 Печковскій
 Плѣшковъ
 Романовъ
 Стаѣевскій
 Селянко
 Стравинскій
 Саванковъ
 Стефановичъ I
 Станюковичъ 2
 Сигристъ
 Скурскій
 Товстольсъ
 Тютюникъ
 Тавастерна
 Фрейманъ I
 Филиповъ
 Сон Гаудринъ
 Фонт Коттанъ

Фонт Клодт
Фонт Левизт-офт-Менарт
Хлистуновъ
Челюсткинъ I
Шелудченко
Ширяевъ Иванъ
Ширковъ
Шеншинъ I
Юноша
Ярчевскій 2
Янчевскій 2

3-й выпускъ

Акуловъ
Альшинскій 2
Архиповъ
Бонташъ
Бересневичъ I
Богдановичъ I
Бѣньковскій
Бочковскій
Богоявленскій
Вишневскій I
Вишневскій 2
Валяевъ 2
Вѣтринскій
Верженскій
Вержховацкій
Веремѣевъ
Варфоломѣевъ
Верцинскій
Ворошинъ
Воробьевъ I
Гамалѣй 2
Галактионовъ
Гладышевскій 2
Григорьевъ 2
Гинтеръ
Диневъ
Девель
Есиповъ I
Ермоленко 2.
Уелѣзнякъ
Забѣлло 2
Завалиевскій I
Кремеръ
Кондзаровскій
Красовскій
Кривоблоцкій
Козинаецъ
Кривскій I
Колокольцевъ
Карповъ

Кобецъ
Константиновъ 2
Кретковскій
Кашенко
Калабинъ
Мартыновъ
Муромцевъ
Мичу-Николаевичъ I
Мичковецъ
Митникъ
Никольскій
Пыжовъ
Петровичъ
Прокофьевъ
Пичугинъ
Рафтопуло 2
Святополкъ-Мирскій
Стефановичъ 2
Савицкій
Стойновъ Стоянъ
Сомовъ
Снѣсаревъ
Томпофельскій
Трушталевскій
Тиссовъ
Терентьевъ
Тимченко-Рубанъ
Уховъ
Хомицъ
Хакольскій
Чиковани
Шидловскій
Шекунъ
Штэхертъ
Шилейко
Кн. Эристовъ С.
Ярмаховъ
Ясенскій

4-й выпускъ

Ангеловъ
Аваловъ
Борзенковъ
Бутовичъ 2
Бересневичъ
Богдановичъ 2
Буйницкій
Грецкій
Глыбскій
Дидебулидзе
Жуковъ 2
Жаховскій
Завалиевскій 2
Закржевскій

Ишхнаели
Исаенко
Кривскій 2
Кривцевъ
Кравченко
Крыжановскій
Каргаретеди
Корозустъ
Кратъ
Лютинскій 2
Матвѣенко
Марковъ
Мичу-Николаевичъ
Миончинскій
Минаковъ
Маккавейскій
Млѣдзяновскій
Насидзе
Погоржельскій
Пигаревъ
Перскій
Саникидзе
Толоконниковъ
Фастовичъ
Херхеулидзе
Челюсткинъ 2
Шеншинъ 2
Якобашвили
Ярчевскій
Акуловъ
Бабьевъ
Бекъ
Бенецкій
Гинтеръ
Гофманъ
Девель
Есиповъ II
Забѣлло
Ивановъ
Исаевичъ
Клевцовъ
Краснощековъ
Лещенко
Малаевъ
Писаревъ
Поповъ
Прокофьевъ II
Степановъ
Филимоновъ
Шаринъ

НЕПОЛНЫЕ СПИСКИ КАДЕТЪ, ОКОНЧИВШИХЪ КОРПУСЪ,
НАЧИНАЯ СЪ 5-го ВЫПУСКА И ДО РАСФОРМИРОВАНІЯ КОРПУСА
ВЪ 1919 ГОДУ.

I.

(Сокращенія: В.Ф. - Вице-фельдфебель
В.У.Оф. - Вице-унтеръ-офицеръ
С.р.кр. - Сынъ ротн.ком-ра
с.в. - сынъ воспитателя
с.пр. - сынъ преподавателя
с.и.кл. - сынъ инспектора классовъ)

Александровъ	Бостремъ
Ассѣвъ I	Бершовъ
Ассѣвъ 2	Бржозовскій
Антадзе	Боневъ
Арцыбашевъ	Бернадскій 2
Апрѣлевъ	Бирюковъ 2
Антоненко	Богдановичъ
Алексѣевъ	Баторскій
Аплечевъ I	Барскій
Алейниковъ	Верженскій
Артамоновъ	Величковъ I
Аплечевъ 2	Величковъ 2
Ауэ	Величко
Анжелковичъ	Вишняковъ
Акуловъ I	Васильевъ
Архангельскій	Венедиктовъ I) с.восп.
Авдѣевъ	Венедиктовъ 2)
Амераджиби	Вишнецкій - В.У.Оф. 9 вып.
Ардтъ	Валладзе
Акуловъ 2	Вороничъ
Басанько	Верцинскій 2
Бересневичъ	Вержинскій
Баньковскій В.У.Оф. 9 вып.	Валуевъ
Борзенковъ	Высоковъ
Бирюковъ I	Зѣтошниковъ
Бабіевъ	Высоцкій
Бурдаевъ	Враскій I
Бабьевъ I	Кн.Волконскій
Бабиковъ	Враскій 2
Батозскій	Вишневскій 3
Богуславскій	Вишневскій 4
Бюхнеръ	Вэверт
Богдасаровъ	Висмонтъ
Борейша - с.и.кл.	Вороновскій
Богородскій	Вильканецъ
Бабьевъ 2	Вейднеръ
Буйницкій	Вишневскій 2
Бекъ	Воробьевъ I) с.пр.
Барталовскій	Воробьевъ 2) "

Гончаренко	Жабоклицкій с.в.
Григоросуло	Жагменъ 2 с.н.
Гольдштейнт	Желъзовъ
Генинт I Петръ, зн. См.К.вѣ	
Тиммалъ / Сербіи, вѣ Кад.К.	
Генинъ 2	Зякинъ
Гейлинъ	Завитаевъ
Городкевичъ	Завальевскій
Гурскій	Забѣло 2
Гроздовъ	Залѣсскій
Губскій	Залевскій
Герке	Зозуля
Гроссерсъ-Гоймъ	Завальскій
Говоруха-Отрокъ	
Гебикинъ	Ивановъ Мих.
Глыбскій	Измайловъ
Гинтеръ	Ивановъ Георгій
Григоровичъ	Игнатовичъ I
Гажаевъ	Игнатовичъ 2
Гибель	Ивановъ Иванъ
Гвоздиковъ	Исаевичъ
Гамалей 3	Ипполитовъ
Георгиевъ	
Гасперскій	Ковалевскій Глѣбъ
Гельперинъ	Колтановскій
Грецкій В.У.Оф., зн. 5 вып.	Куровъ с.в.
Гудимъ Левковичъ 2	Калибаба
Гиголовскій	Култашевъ
	Константиновъ I
Демьяновъ	Кагадѣевъ
Давыдовъ	Коробко
Де Виттъ	Кобеляцкій
Девель	Карповъ I
Дзучіевъ	Кобрановъ
Дороховъ	Краевъ
Діомидовъ	Краснокутскій
Дмитріевъ	Каминскій
Джафаровъ	Клопотонскій
Демченко	Колчагинъ
Диневъ	Каргановъ
Данилевскій	Кавторадзе
Джорджадзе	Кипортенко
Дороховъ	Карпенко
Долинскій 3	Казбекъ
Дроздовъ	Кипіани
Денисовъ 3	Коноплевъ
Дидебулидзе 2	Кондратовичъ
	Криштопъ
Елисѣевъ 2	Клевцовъ Ник.
Егуловъ	Калмыковъ
Емельяшко	Крименецкій I
Егоровъ	Крименецкій 2
Есиповъ 2	Корчакъ-Гречина с.в., В.Ф. 5 вып.

Кобієвъ
 Краснощєковъ
 Карповъ 2
 Климчукъ 2
 Климчукъ 3
 Климчукъ 4
 Кудрявцевъ
 Клещъ
 Кононовъ
 Катинъ
 Крамаренко
 Кн. Кропоткинъ
 Катасоновъ с.в.
 Криницкій
 Клєпацкій
 Кутєповъ
 Леоновъ Петръ В.Ф. XI вып.
 Ляшковъ
 Левинъ I
 Левинъ 2
 Лорєнцъ
 Лавровъ
 Диницкій I В.Ф. 7 вып.
 Диницкій 2 В.У.ОФ. IO в.
 Диницкій 3 В.У.ОФ. II вып.
 Диницкій 4 В.У.ОФ. 8 вып.
 Лангомеръ
 Лютый
 Левитєсъ
 Лєсли I
 Лєсли 2
 Лєбєдинцевъ 2
 Лєвандовскій
 Лєвчицкій
 Лєрозовъ
 Лазарєвъ
 Майборода
 Мачєварьяни
 Маликовскій
 Малащєнко
 Максимовичъ
 Муромцевъ
 Миллеръ
 Маккавєйскій
 Мїончинскій 2
 Мазневъ
 Магєровскій
 Мицкєвичъ
 Марковъ 2
 Михайловъ
 Моисєєвъ
 Мєльниковъ
 Миловановичъ I
 Миловановичъ 2
 Маслєнниковъ
 Малєвъ
 Мартыновъ
 Милорадовичъ
 Малашєнко
 Мальвинскій
 Мясоѣдовъ
 Никифоровъ
 Никулїчевъ
 Насидзє
 Никольскій
 Найдєновъ
 Нєльдихинъ
 Нєдобровскій
 Нагорєвъ
 Нєнадкєвичъ 2
 Осадчій
 Орловъ В.Ф. 9 вып.
 Ознобишинъ
 Одинцовъ
 Подольскій
 Плєхотниковъ
 Потємкинъ Дм. с.ротв.к-ра
 Пигарєвъ
 Петровъ 2
 Петровъ 3
 Псіолъ
 Писанко 2
 Петровъ Сєргїй
 Порайновъ
 Петровскій
 Постниковъ
 Плисовскій В.У.ОФ. 9 вып.
 Павловскій
 Паскалєвъ
 Пожидаєвъ 2
 Поповъ
 Писарєвъ
 Покровскій
 Падаєвъ
 Кн. Павлєнковъ
 Пирєцкій Зн. 8 вып.
 Прытловъ
 Полубинскій
 Пигурєнко
 Пославскій
 Полозовъ
 Прокофєєвъ 3
 Панчишко

Рацулѣ В.У.Оф. 9 вып.
 Роснянскій
 Ростовцевѣ Н. с.в.
 Раевскій
 Рудковскій
 Рудневѣ
 Рогожинѣ
 Розенбергѣ
 Рубашкинѣ
 Руссетѣ
 Розальонѣ—Сошальскій
 Рустановичѣ
 Рубановѣ
 Рыбальченко
 Радовицѣ Раде 3н.10 вып.
 Рубинштейнѣ
 Рязановѣ

 Соймоновѣ Ал. В.Ф. 6 вып.
 Селивановѣ
 Сѣриковѣ
 Слободяниновѣ
 Свят ополкъ—Мирскій 2
 Старовѣ
 Синкевичѣ I
 Синкевичѣ 2
 Судковскій
 Строгановѣ
 Кн. Сидамоновѣ—Эристовѣ
 Стояновѣ
 Самсоновѣ
 Соколѣ
 Соболевскій
 Сапѣжко
 Степановѣ
 Сардаровѣ
 Соболевскій
 Сасѣ—Тиссовскій
 Соколовѣ I
 Соколовѣ 2
 Стефановичѣ 2
 Скибицкій
 Собищевскій
 Сахновскій
 Самойловичѣ
 Стаковѣ
 Стржалецкій
 Серединѣ
 Суворовѣ
 Стафановскій
 Титовѣ I
 Титовѣ 2
 Тулубьевѣ

Тимофѣевѣ
 Кн.Тумановѣ
 Татариновѣ
 Тарновскій
 Ташевѣ
 Гр.Толстой—Знаменскій
 Трифоновѣ
 Табульскій
 Товстолѣст 2
 Тимченко 3н.9 вып. В.У.Оф.

УШИНКИНѢ

Фрейманѣ I
 Фрейманѣ 2
 Федоревскій
 Фастовичѣ
 Фонт Мейерѣ I
 Фонт Мейерѣ 2
 Фомины
 Фокѣ
 Филимоновѣ
 Феофиловѣ
 Фовѣ Гроссѣ—Геймѣ
 Фальченко
 Филатовѣ
 Федотовѣ
 Фальцѣ—Фейнѣ
 Фаворовѣ
 Фирсовѣ

 Холодѣвскій
 Харченко 2
 Херхеулидзе
 Хржановскій В.У.Оф. 9 вып.

 Чхвѣдзе
 Часовниковѣ
 Кн.Чаковани
 Чашенскій
 Чернявскій
 Чупруновѣ
 Чеховскій
 Ченковѣ
 Челюсткинѣ 3
 Чуфаровскій

 Пѣшковскій
 Пыбульскій
 Циприановичѣ

 Шпера В.У.Оф.9 вып.
 Шелѣстовѣ

СПИСОКЪ КАДЕТЪ

ПАВШИХЪ СМЕРТЮ ХРАБРЫХЪ, УМЕРШИХЪ И УБИТЫХЪ.

(сокращенія: с.в. — сынъ воспитателя; с.пр. — сынъ преподавателя)

Стрѣльниковъ, Дмитрій	Денисовъ Ш, Борисъ
Радовичъ, Раде	Гладышевскій П, Викторъ
Леоновъ, Петръ	Лещенко, Петръ
Рытовъ, Михайлъ	Ясенскій, Андрей
Лурье	Кридновъ, Евгеній
Катасоновъ, Борисъ (с.в.)	Прокофьевъ, Георгій
Шепелевъ, Викторъ	Богоявленскій, Аркадій
Шапошниковъ, Владиміръ	Нельдихинъ,
Бунинъ, Сергѣй	Высскій, Михайлъ
Есиповъ П, Дмитрій	Клепацкій, Викторъ
Тумачовъ	Сokolovъ, Дмитрій
Бѣлорусецъ I	Мячковъ,
Бѣлорусецъ II	Фесенко,
Левинъ I	Фрейманъ, Зигфридъ
кн.Химшіевъ	Чупруновъ,
Барестневичъ I	Кривскій,
Харченко I, Георгій	Савицкій, Георгій
Дьковъ	Рулевъ I, Левъ
Поповъ, Михайлъ	Артъеновъ,
Скибицкій, Борисъ	Карповичъ
Валяевъ I (Отецъ Зосима)	Романинъ,
Долинскій Ш, Радимъ	Рено, Василій
Александровъ, Сергѣй	Глинскій, Николай
Ковалевскій, Глѣбъ	Петровъ I, Владиміръ
Толоконниковъ, Владиміръ	Стаховъ, Николай
Гамалѣй I Николай	Жуковъ, Александръ
Гамалѣй II Павелъ	Кристичъ,
Богуславскій	Серединъ, Борисъ
Вишницкій, Владиміръ	Кажанегра, Николай
Шперлингъ, Николай	Жибковичъ,
Кашенко, Владиміръ	Миушковицъ I,
Бутовскій	Миушковицъ II,
Протопоповъ, Алексѣй	Линицкій П, Михайлъ
Домбровскій, Степанъ	Линицкій Ш, Николай
Кокораки, Андрей	Чуфаровскій, Сергѣй
Якобашвили, Алексѣй	Бутовичъ, Михайлъ
Акуловъ, Александръ	Мальвинскій,
Воробьевъ	Ильинскій, Владиміръ
Есиповъ I, Петръ	Катасоновъ I Александръ (с.в.)
Бирюковъ П, Иванъ	Марковъ,
Серединъ, Борисъ	Бырдинъ, Борисъ (с.в.)
Фонъ Фальцъ-Фейнъ, Алексѣй	кн.Шаховской, Владиміръ (с.в.)
Фрейманъ, Левъ	кн.Шаховской, Игорь (с.в.)
Денисовъ П, Николай	Климчукъ, Евгеній
	Рулевъ П, Петръ

Шевченко	Юматовъ
Шекунъ	Юноша
Шейнъ	
Шилейко Влад.	Янковскій 3
Шилейко Аполдинарій	Яхновъ
Шпереръ с.пр.	Языковъ.
Шатровъ	Ягуловъ
Шоринъ	Якобсонъ
Штѣкеръ	Якобашвили
Шиманскій	Яковлевъ
Шестопѣровъ 2.	Якубовскій
Шегидевичъ	
Шоповъ	Єедосѣевъ Ив. I
Шперлингъ	Єедосѣевъ Мих. 2
	Этхемъ-Паша-Бекъ-Тобассаранскій

ГЕОРГИЕВСКИЕ КАВАЛЕРЫ

Полк. Костинъ Леонидъ 2 вып.
Хор. Покровскій Мина ?
Подп. Марковъ Владиміръ 3 вып.
Подп. Станюковичъ I Владиміръ I вып.
Пор. Радуль имя? вып. 3 Алексѣй
Кап. Клѣпацкій имя?

ГЕОРГИЕВСКОЕ ОРУЖІЕ

Полк. Костинъ Леонидъ 2 вып.
Подп. Елисѣевъ Владиміръ 2 вып.
Подп. Марковъ Владиміръ 3 вып.
Подп. Клѣпацкій Викторъ 2 вып.

СОЛДАТСКІЙ ГЕОРГИЕВСКІЙ КРЕСТЪ

Сѣриковъ Алексѣй	кадетъ 6-го кл.
Измайловъ Павелъ	кадетъ 5-го кл.
Коробко Яковъ	кадетъ 5-го кл.

Ноученканскій, Николай
Магуревскій, Алексѣй
Комаровскій, Алексѣй
Элендт, Александръ (с.в.)
Соймоновъ, Юрій
Рахманиновъ,
Писанко І, Сергѣй
Самсоновъ,
Затурскій,
Маркинъ-Роряиновъ,
Мишковицъ,
Груицъ, Чедоміръ
Касаткинъ, Глѣбъ
Аплечеєвъ І, Александръ
Доршєнко, Борисъ

Моисєєвъ, Казиміръ

Минаковъ,
Шестопєровъ І, Владиміръ
Фальченко, Георгій
Бенецкій І, Сергѣй
Розальонъ-Сошальскій
Бекъ, Сергѣй
Бенецкій П, Александръ
Гинтеръ, Чєславъ
Ивановъ, Сергѣй
Ишхєли, Константинъ
Клєвцовъ, Николай
Малєвъ, Лѹбєнъ
Писарєвъ, Николай

Степановъ, Александръ
Энвальдъ, Евгєній
Кононєнко,
Ильєсєвичъ,
Нигаровъ, Алексѣй
Ламанскій (с.в.)
Дидєбулидзе, Николай
Вєнгловскій,
Мельниковъ, Викторъ
Синкєвичъ П, Владиміръ
Калугинъ, Арсеній
Архиповъ, Аркадій
Вєличковъ І, Борисъ
Лєвинъ, Николай
Климчукъ Б, Евгєній

Фєдосєєвъ І, Иванъ
Фєдосєєвъ П, Михаилъ
Катинъ, Владиміръ
Побѣдинскій, Петръ
Фєсєнко, Николай
Морєховскій, Константинъ
Гамчєнко, (с.казн.)

НЕЗАБЫТЫЯ МОГИЛЫ .

Свѣтлой памяти героевъ—кадетъ
жертвъ гражданской войны на
югѣ Россіи въ 1919 году.

Вспомнилъ на югѣ я поле огромное
Въ призрачномъ свѣтѣ луны...
Поле, кошмаровъ и ужасовъ полное,
Истинный адъ сатаны!

Вспомнилъ разстрѣлы я, кровь леденящая,
Послѣ совѣтскихъ побѣдъ...

Вспомнилъ я трупы, горами лежащая,
Трупы героевъ—кадетъ!

Слава вамъ, воины долга завѣтнаго!
Только вы ринулись въ бой,
Въ мигъ изъ кадетика малозамѣтнаго
Вкростъ нашъ русскій герой!

Вы ни врага не страшились, ни времени!
Рыцари — званіе вамъ!...

Горе пришельцамъ безъ роду, безъ племени,
Кровь вопіетъ къ небесамъ.

Твердою волей народа великаго
Русь изживаетъ палачей!
Скинетъ оковы позорища дикаго
И отмститъ за дѣтей.

В.Н.

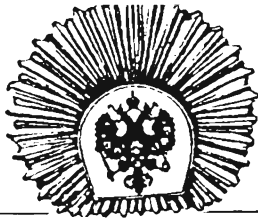
Нам пишут

Париж — Безжалостно отсчитываются годы и мы уже на пороге 1962. От души поздравляю Тебя с наступающим Новым Годом и желаю здоровья и сил и впредь нести тяжелое бремя Председателя О.К.О. Результаты Твоей работы говорят сами за себя — семья кадет живет и широко развивает свою деятельность по объединению и помощи больным и впадшим в беду одноклассникам. Прекрасное издание «Воспитанной Были» укрепляет нас морально, напоминая о красоте и героизме прошлого нашей несравненной Императорской армии и флота, из рядов которых мы все вышли. С нетерпением, всегда жду выхода следующего номера.

Д. Де-Витт — Сумского к. к.

Париж. - От души поздравляю Тебя и Правление с Новым Годом и желаю всем здоровья, благополучия и успеха в деле объединения зарубежных кадет, которому Ты, уже более десяти лет, отдаешь все свои силы. Все мы, старые кадеты и Русские офицеры, воспитанные в понятиях дисциплины и традиций нашей несравненной Императорской Армии и дуть наш отны — наша страдающая Родина. Помня о жертвах, принесенных во имя Ее, мы навсегда должны сохранить свое единство. Спасибо Тебе, заслуга Твоя, что Ты словом и делом всегда говоришь нам об этом.

Д. Де-Витт — Сумского к.к.

Ротмистр Сергей Кремер

Полковник Е. В. Кравченко

Полковник Евгений Васильевич Кравченко скончался в санатории Гаушгг. в Германии, 6 февраля с. г. Покойный происходил из старой казачьей семьи и, по окончании Сумского кадетского корпуса и сотни Николаевского училища, в 1912 году был произведен в хорунжие, в I Екатеринодарский Кошевого Атамана Чепети полк Кубанского казачьего войска, в котором он и проделал всю Великую и гражданскую войны, будучи два раза ранен.

В первые годы эмиграции, при встрече с Евгением Васильевичем в Париже, он, как-то мне сказал: "Каким унижением звучит для Русского офицера слово беженец. Мы всегда останемся военными и, по первому зову, должны возобновить прерванную борьбу". В этих простых и ясных словах, сказались весь нравственный облик дорогого ушедшего, Работая днем тяжелым трудом, вечера он посвящал военной науке и с первым выпуском блестяще окончил Высшие Военно-Научные курсы, одновременно сотрудничая с генералом Головинным, по изданию капитального труда "Галицийская битва", читая который мы часто встречаем ссылки автора на полк. Кравченко.

Много труда и забот вложил Евгений Васильевич и в свое родное Объединение Сумских кадет, будучи много лет его Председателем. Его сведения и глубокая вера в возрождение родины заражали и воодушевляли окружающих. Прямой, честный по натуре, Евгений Васильевич не допускал компромиссов и открыто порицал всякое дробление и сепаратизм, печальные спутники эмиграции. Он был Русский офицер душой и мозгом, воспитанный в старых понятиях долга и чести.

Последние годы жизни, страдая от тяжелого недуга, он не складывает оружия. Последние свои силы он отдает работе в Русском Обще-Воинском Союзе, возглавляя его II Отдел в Западной Германии и состоя активным членом Обще-Кадетского Объединения. Его трудами и хлопотами проведена в Мюнхене работа по изданию книги Георгия Шиевского "Честь". В часы своего редкого досуга, он пишет прекрасные стихи, посвящая их России и Императорской Армии, которым он остался беззаветно предан.

Сни спокойно, наш старый друг, честно прошедший свой жизненный путь и верь, что мы, однокашники, тебя не забудем.

Сумский кадет

Грустная весть пришла из Сан-Франциско — "Скоростийно скончался ротмистр Сергей Яковлевич Кремер. Умер он по-христиански, незадолго до смерти исповедался и причастился Святых Таин. Похоронен на местном кладбище, в присутствии многочисленных друзей, пришедших отдать ему последний долг".

О покойном друге нельзя сказать ничего кроме хорошего. Воспитанный в несконных традициях Российской Императорской Армии, Сергей Яковлевич прошел обычный путь Русского офицера. Сумский кадетский корпус (вып. 1909 г.) Елизаветградское кавалерийское училище, 8 уланский Вознесенский полк, война, белое движение, эмиграция. Повсюду, скромный, незаменимый работник, обладавший нескончаемой добротой и терпением, он снискал себе любовь и уважение.

Ко дню пятидесятилетия основания Сумского кадетского корпуса, Сергей Яковлевич, исключительно своим личным трудом и на свои собственные деньги, собрал, напечатал и разослал своим однокашникам сборник — "Сумский корпус 1900—1950". Этот сборник останется навсегда памятником старому кадету-офицеру.

В лице покойного, мы, его однокашники, потеряли большого друга и верного сумца. Пусть легка будет ему, приютившая его, чужая земля.

Е. Доминский

(кадет I вып. Сумского к. к.)

Памяти доброго и верного друга

Почти никто из нас, членов Обще-Кадетского Объединения не знал лично покойного Сергея Кремера. Кадет-сумец, тяжелый инвалид, без одной ноги... Вот и все сведения, но к этому присоединялось нечто много более важное. Время от времени, воздушная почта приносила от Кремера привет и всегда с приложением достаточно серьезного чека. Кому и какой только отрасли деятельности нашего Объединения не помогал он. То на Кадетскую Помощь, то на Издательство, то просто пишет "посылаю, а ты сам разберись, где нужное". Все мои неоднократные попытки "образумить" его и внушить, что он не должен отказывать себе, что я знаю его положение, что пусть помогают богатые, не приводили ни к чему. Однажды он мне прямо написал: "прекрати твои рацы: помогаю и буду продолжать, тра-тишь время на пустые разговоры". Последнее письмо получено от него 17 янв. почти накануне смерти, в нем чек на 12 дол. и слова: "... это все, что в силах выслать, т. к. с 1 января остался без работы и без всякой надежды получить ее..."

Кадеты, склонитесь перед памятью человека, до своего последнего дня, оставшегося на посту и думавшего о выполнении своего долга перед товарищами.

Алексей Геринг

Сердечное спасибо, дорогие одноклассники, за Вашу помощь
присылкой материала для нашего "Юбилейного Сборника" и по-
сильной информацией о Сумских Кадетах. Не много из нас
осталось в живых, поэтому и нельзя было от Вас получить бо-
льше полные списки всех выпусков, но все, что можно было сде-
лать, Вами выполнено. Земной поклон Вам всем, так чутко
откликнувшимся на мой призыв. Верю, что наше Блженное Знамя сно-
ва будет водружено на старом мѣстѣ, в нашей Корпусной Цер-
кви, и подъ сѣнью его будут воспитываться новыя поколѣнія
Сумцовъ на защиту Православной Вѣры и Родины.

Сергѣй Кремеръ

Сан Франциско
Юня 28 - 1955г.
Америка.

Кадетъ-экстернъ 3-го выпуска.

КО ВСѢМЪ СУМЦАМЪ И ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Прошу простить меня за все тѣ погрѣшности и дефекты,
которые Вы найдете в нашемъ "Юбилейномъ Сборникѣ". Я никог-
да не печаталъ на мимеографѣ. Онѣ старенькій, я тоже, и все-
же, общими усилиями мы довели работу до желаемого конца. Не
судите меня строго!

Сергѣй Кремеръ.